

УДК 63 (063)

ББК 4

ВЕСТНИК

**Донского государственного
аграрного университета**

Редакционный совет

Авдеенко А.П. - д.с.-х., профессор	Никитчук В.Э. - к.с.-х.н., доцент
Агафонов Е.В. - д.с.-х.н., профессор	Николаева Л.С. - д.ф.н., профессор
Баленко Е.Г. - к.с.-х.н., доцент	Пимонов К.И. - д.с.-х.н., профессор
Бардаков А.И. - д.п.н., профессор	Рудь А.И. - д.с.-х.н., доцент
Булгаков А.Г. - д.т.н., профессор	Сапрыкина Н.В. - д.э.н., профессор
Бунчиков О.Н. - д.э.н., профессор	Серяков И.С. - д.с.-х.н., профессор
Волосухин В.А. - д.т.н., профессор	Семенihin А.М. - д.т.н., профессор
Гавриченко Н.И. - д.с.х.н., профессор	Соляник А.В. - д.с.-х.н., профессор
Гайдук В.И. - д.э.н., профессор	Солодовников А.П. - д.с.-х.н., профессор
Гончаров В.Н. - д.э.н., профессор	Тариченко А.И. - д.с.-х.н., профессор
Дерезина Т.Н. - д.в.н., профессор	Ткаченко Н.А. - д.т.н., профессор
Джуха В.М. - д.э.н., профессор	Третьякова О.Л. - д.с.-х.н., профессор
Ермаков А.М. - д.б.н., профессор	Федюк В.В. - д.с.-х.н., профессор
Калинчук В.В. - д.ф.-м.н., профессор	Циткилов П.Я. - д.и.н., профессор
Кобулиев З.В. - д.т.н., профессор	Черноволов В.А. - д.т.н., профессор
Крючкова В.В. - д.т.н., профессор	Шаршак В.К. - д.т.н., профессор
Кузнецов В.В. - д.э.н., профессор	Шаталов С.В. - д.с.-х.н., профессор
Максимов Г.В. - д.с.-х.н., профессор	Чертков Д.Д. - д.с.-х.н., профессор

Редакционная коллегия

Башняк С.Е. - к.т.н., доцент	Илларионова Н.Ф. - к.э.н., доцент
Виноходова Г.А. - к.э.н., доцент	Козликин А.В. - к.с.-х.н., доцент
Гужвин С.А. - к.с.-х.н., доцент	Лаврухина И.М. - д.ф.н., профессор
Дегтярь А.С. - к.с.-х.н., доцент	Мельникова Л.В. - к.ф.н., доцент
Дегтярь Л.А. - к.т.н., доцент	Мокриевич А.Г. - к.т.н., доцент
Жуков Р.Б. - к.с.-х.н., доцент	Полозюк О.Н. - д.б.н., доцент
Зеленков А.П. - к.с.-х.н., доцент	Скрипин П.В. - к.т.н., доцент
Зеленкова Г.А. - к.с.-х.н., доцент	Фальинсков Е.М. - к.с.-х.н., доцент

Журнал предназначен для ученых,
преподавателей, аспирантов и студентов вузов.
Все статьи размещены на сайте eLIBRARY.RU
проиндексированы в системе Российского
[индекса научного цитирования \(РИНЦ\)](http://индекса научного цитирования (РИНЦ)).

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

**Выпуск
№ 4 (18.2), 2015**

**Часть 2
Социально-
гуманитарные науки**

Учредитель:
Донской государственный
аграрный университет

Главный редактор:
Клименко
Александр Иванович
Зам. главного редактора:
Громаков Антон
Александрович
Поломошнов Андрей
Федорович

**Ответственный
секретарь:**
Семенченко Сергей
Валерьевич
Выпускающий редактор:
Поломошнов Андрей
Федорович

**Ответственная за
английскую версию:**
Михайленко Татьяна
Николаевна
Технический редактор:
Контарев Игорь Викторович

Дизайн и верстка:
Степаненко Марина
Николаевна
ISSN 2311-1968

Подписной индекс 94081

Адрес редакции:
ФГБОУ ВО «Донской ГАУ»,
346493, п. Персиановский,
Октябрьский (с) район,
Ростовская область
e-mail: dgau-web@mail.ru

SCIENTIFIC JOURNAL

**Volume
№ 4 (18.2), 2015**

**Part 2
Social and Human
Sciences**

Constitutor:
Don State
Agrarian University

Editor-in-chief:
Klimenko
Alexander Ivanovich

Managing Editor:
Gromakov Anton Aleksandrovich
Polomoshnov Andrey Fedorovich

Executiv Secretary:
Semenchenko Sergey Valerievich

Executive editor:
Polomoshnov Andrey Fedorovich

**English version
Executive:**
Mikhaylenko
Tatiana Nikolaevna

Technical editor:
Kontarev Igor Victorovich

**Computer design and make
up:**
Stepanenko Marina Nikolaevna

ISSN 2311-1968

Editorial Office

Address:
FSEI HE «Don SAU»
346493, Persianovski, Oktyabrski district,
Rostov region
e-mail: dgau-web@mail.ru

**УДК 63 (063)
ББК 4**

VESTNIK

**Don State Agrarian
University**

EDITORIAL REVIEW BOARD

Avdeenko A. P.	Nikitchuk V. E.
Agafonov E. V.	Nikolaeva L. S.
Baleno E. G.	Pimonov K. I.
Bardakov A. I.	Rud` A. I.
Bulgakov A. G.	Saprikina N.V.
Bunchikov O. N.	Seryakov I. S.
Volosuhin V. A.	Semenikhin A. M.
Gavrichenko N.I.	Solyanik A. V.
Gayduk V. I.	Solodovnikov A. P.
Goncharov V. N.	Tarichenko A. I.
Derezina T. N.	Tkachenko N. A.
Juha V. M.	Tretyakova O. L.
Ermakov A. M.	Fedyuk V. V.
Kalinchuk V. V.	Tsitkilov P. Y.
Kobuliev Z. V.	Chernovolov V. A.
Kryuchkova V. V.	Sharshak V. K.
Kuznetsov V. V.	Shatalov S. V.
Maksimov G. V.	Chertkov D.D.

Editorial Board

Bashnyak S. E.	Illarionova N. F.
Vinohodova G. A.	Kozlikin A. V.
Guzhvin S. A.	Lavrukhina I. M.
Degtar A. S.	Melnikova L. V.
Degtar L. A.	Mokrievich A. G.
Zhukov R. B.	Polozyuk O. N.
Zelenkov A. P.	Skripin P. V.
Zelenkova G. A.	Falynskov E. M.

The journal is intended for scientists,
Professors, graduate students and university
students. All articles posted on the site
eLIBRARY.RU and indexed in the Institute of the
Russian Science Citation index (RSCI).

СОДЕРЖАНИЕ		CONTENS	
ФИЛОСОФИЯ		PHILOSOPHY	
<i>Поломошнов А.Ф.</i> УМЕР ЛИ МАРКСИЗМ?		<i>Polomoshnov A.P</i> IS MARXISM DIED?	4
<i>Курлик О.А.</i> ПОНЯТИЕ ФОРМЫ В ТРАКТАТЕ СУНЬ-ЦЗЫ «ИСКУССТВО ВОЙНЫ»		<i>Kurilkin O. A.</i> CONCEPT OF FORM IN THE TRACTATE SUN - TZU«THE ART OF WAR»	23
<i>Поломошнов П.А.</i> ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ		<i>Polomoshnov P.A.</i> IDENTITY OF MAN IN CONDITIONS OF MODERNIZATION	26
<i>Швандерова А.Р., Асташева Н.П.</i> МЕТОДИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОВЕДЕНИЯ ИНДИВИДОВ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА РИСКА		<i>Shvanderova A.R., Astasheva N.P.</i> METHOLOGICAL PRINCIPALS OF STUDING THE BEHAVIOR OF INDIVIDUALS IN CONDITIONS OF RISK SOCIETY	36
КУЛЬТУРОЛОГИЯ		CULTURAL STUDIES	
<i>Шпалова Е.В.</i> ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ФЕНОМЕНА РЕЛИГИОЗНОСТИ		<i>Shpalova E.V.</i> THEORETICAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE PHENOMENON OF RELIGIOUS	44
СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ		SOCIAL AND POLITICAL SCIENCE	
<i>Москалюк В.М.</i> ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ СФЕРЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА		<i>Moskaliuk V.M.</i> PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF AGROINDUSTRIAL SPHERE IN MODERN SOCIETY	57
<i>Николаева Л.С., Логвиненко О.Л., Загорская О.В.</i> РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX ВЕКА		<i>NikolaevaL.S., LogvinenkoO.L., ZagorskayaO.V.</i> RUSSIAN FAMILY OF FIRST DECADE XXI CENTURY	62
ИСТОРИЯ		HYSTORY	
<i>Циткилов П.Я.</i> ПУБЛИЧНЫЙ ХАРАКТЕР ЖИЗНИ КАК ОСОБЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПАТРИАРХАЛЬНОЙ СЕМЬИ		<i>Tsitkilov P. Y.</i> PUBLIC NATURE OF LIFE AS A FEATURE OF RUSSIAN CLASSICAL PATRIARCHAL FAMILY	67
<i>Колосова Н.Н.</i> ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ		<i>Kolosova N.N.</i> HISTORICAL EXPERIENCE OF RUSSIAN REFORMS	71
ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ		PEDAGOGYANDPSYCHOLOGY	
<i>Лаврухина И.М.</i> «А НАУКА ТЕОЛОГИЯ ЕСТЬ?»: О РЕЛИГИОЗНОМ И СВЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИИ		<i>LavrukhinaI.M.</i> «WHETHER THERE IS A THEOLOGY AS SCIENCE?»: ABOUT RELIGIOUS AND SECULAR EDUCATION IN RUSSIA	84
<i>Поломошнова Н.А.</i> ОСОБЕННОСТИ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА		<i>PolomoshnovaN.A.</i> FEATURES OF MODERN RUSSIAN PEDAGOGICAL PROCESS	92
РЕФЕРАТЫ	98	ABSTRACTS	102

УДК 141.82(470)

УМЕР ЛИ МАРКСИЗМ?

Поломошнов А.Ф.

Статья посвящена анализу положения марксизма в современной социально-философской мысли и оценке его исторической роли. Автор рассматривает основные элементы парадигмы марксизма и прослеживает историческую судьбу марксизма в западной и российской культуре.

Особое внимание уделяется современной критике марксизма. Автор дает обзор основных направлений этой критики и выясняет степень ее корректности. В статье устанавливается конструктивный теоретический и идеологический потенциал марксизма для развития современной социально-гуманитарной мысли.

Ключевые слова: марксизм, критика марксизма, материалистическое понимание истории, политическая экономия, научный социализм.

IS MARXISM DIED?

Polomoshnov A.F.

This article analyzes the position of Marxism in the contemporary social and philosophical thought and evaluation of its historical role. The author considers the main elements of the Marxist paradigm and traces the historical destiny of Marxism in Western and Russian culture.

Special attention is paid to contemporary criticism of Marxism. The author gives an overview of the main areas of criticism and ascertains the extent of its correctness. The article establishes a constructive theoretical and ideological potential of Marxism for the development of modern social-humanitarian thought.

Keywords: Marxism, criticism of Marxism, the materialist conception of history, political economy, scientific socialism.

Социальная философия марксизма – необычная теоретическая конструкция и ее историческая судьба необычна. Однако, не только необычность сама по себе заставляет нас обращаться к анализу ее судьбы, но и ее огромная роль в духовной и материальной истории человечества, а также потребность продуктивного ее преодоления, т.е. действительного научного развития. Анализ исторической судьбы марксизма необходим не только потому, что позволяет понять его структуру и сущность, но и потому, что историческая судьба марксизма есть его важнейшая часть. Другими словами в марксизме можно выделить его оригинальную теорию (теоретический потенциал) и его историю как реализацию теоретико-практического потенциала, развитие его в духовной и материальной истории человечества. Причем история и теория марксизма являются единством противоположностей и основанием для критики друг друга в своей односторонности.

Когда речь заходит о научном изучении исторической судьбы какого-либо социального учения (особенно такого целостного и глобального, каким является марксизм), следует, во-первых, определить основные факторы, определяющие эту судьбу, во-вторых, на основе анализа этих факторов установить критерии анализа и оценки исторической судьбы этого учения, в-третьих, реализовать эти критерии в содержательном анализе основных направлений развития учения, определяемых этими критериями. Три основных фактора определяют судьбу социального учения: 1.его собственное качество, т.е. его познавательная ценность и творческий потенциал, а также его идеологическое содержание; 2.духовная

ситуация в обществе, в котором распространилось и существует данное учение, взятая в ее историческом развитии; 3.реальное историческое развитие общества, на почве которого возникло данное социальное учение.

Рассмотрим вначале первый фактор. В любом социальном учении можно выделить методологически-познавательный и мировоззренческо-идеологический аспекты, которые определяют содержательное осмысление социальной конкретной реальности в данном учении. В зависимости от преобладания того или другого можно выделить три типа социальных учений: 1.социальная теория (преобладание методологически-познавательного момента), 2.социальная идеология (преобладание мировоззренческо-идеологического момента), 3.практическая теория (синтез теории и идеологии). Судьба социальной теории оценивается критерием теоретической плодотворности, тем, вошла ли она в духовную культуру человечества и тем, стала ли она моментом развития социального познания человечества, тем, насколько адекватно и глубоко она позволяет познать социальную реальность. Здесь уместен также критерий адекватности отражения в этой теории современной ей социальной реальности.

Судьба идеологии оценивается критерием идеологической эффективности, т.е. тем, насколько эффективно она защищает интересы определенной социальной группы, насколько адекватно она выражает интересы и идеалы определенной социальной группы. Также уместен критерий гуманизма.

Судьба практической теории оценивается, кроме критериев, относящихся в частности к теории и идеологии, также дополнительными синтетическими критериями: 1.органичность синтеза теории и идеологии, 2.практическая эффективность – насколько полно и адекватно реализована в действительность идеологическая программа (насколько идеологическая практика оказалась адекватна самой себе и объективной исторической закономерности).

Партийность социального знания, а также статус социального учения марксизма как практической теории определил сложность и неоднозначность его восприятия в духовной среде своего времени и в последующей духовной ситуации XX века. Здесь правомерно поставить? прежде всего? следующий вопрос: 1.Какие социальные группы и каким образом восприняли марксизм позитивно? Соответственно, развивая эту тему: мы должны выяснить какое действительное развитие получил марксизм и каким догматическим толкованиям и ревизионистским искажениям он подвергся? Второй вопрос: Какой критике был подвергнут марксизм со стороны социальных групп, принципиально не принявших социальное учение марксизма? Насколько эффективной и конструктивной была эта критика?

Историческое изменение социальной реальности, как третий фактор, определяющий судьбу социального учения, применительно к марксизму требует поставить вопросы: 1.подтвердило ли действительное развитие общества объективные закономерности, описанные в социальной теории марксизма и в какой степени, т.е. шла ли действительная история в соответствии с описанными Марксом закономерностями? 2.как марксизм повлиял на действительную историю, в какой мере и каким образом он изменил социальную реальность?

Анализ исторической судьбы марксизма должен ответить на все эти вопросы. В результате мы сможем вынести суждение о том, устарел ли сегодня марксизм и в каких частях? Т.е., говоря точнее: должны ли мы сегодня относиться к марксизму только как к феномену истории социальной мысли, или же его методологический познавательный потенциал не исчерпан, и следовательно, он и сегодня сохраняет свое познавательное, а также идеологическое значение, и может быть орудием познания и преобразования современной действительности на основе действительного научного продуктивного развития марксизма, т.е. преодоления его всего исторической ограниченности?

Наконец, судьбу социального учения нужно рассматривать конкретно-исторически. Ведь, судьба семени зависит от почвы, на которую оно попадает. Соответственно, мы рассмотрим судьбу марксизма в истории и духовной культуре современного человечества.

Анализ исторической судьбы марксизма в западной культуре следует начать с уяснения статуса этого духовного образования и его места в духовной культуре западного общества. Марксизм сам неоднократно характеризовал свой статус как научной, революционной, идеологии пролетариата. Как идеология он есть целостная система взглядов на общество, учение о принципах «правильной» (справедливой) организации общества и правилах, нормах, образцах социального поведения и оценки социальных явлений (это нормативная часть идеологии). Как революционная идеология он включает в себя критическую часть - критику современного буржуазного общества и модель нового общества, устанавливаемого на смену буржуазному. Поскольку марксизм претендует на научность это означает, что мировоззренческая часть его идеологии основана на объективной научной социальной теории, что нормативная часть идеологии непосредственно опирается на теоретическую часть, что критика буржуазного общества ведется на основе выявления объективных закономерностей развития капитализма, и что программа революционного преобразования общества должна исходить из учета этих объективных закономерностей и конкретных условий революционной борьбы.

Оставив пока в стороне вопрос о совместимости науки и идеологии, рассмотрим вопрос о происхождении и судьбе идеологии вообще. Идеология является духовным продуктом общества, выражая представления и интересы определенных социальных групп и сил, т.е. взглядом этих групп и сил на социальную реальность и самих себя и на свое место в данной социальной реальности. Массы (социальные классы) нуждаются в идеологии, но сами способны выработать лишь эмпирическое сознание. Воспроизводством идеологии на уровне систематического, теоретического мышления занимаются теоретики-идеологи (философы). Когда идеология выражена теоретиками-идеологами, перед ней встает задача овладения массами, чтобы реализовать себя в жизнь, т.е. устроить общество в соответствии со своими нормативными представлениями и интересами. Внесением идеологии в массы занимаются практики-идеологи, пропагандисты. На их же долю ложится и теоретическая, идеологическая борьба с другими, враждебными идеологами. Борьба эта ведется за влияние на сознание масс. В обществе, разделенном на антагонистические классы, идет борьба классовых идеологий. Ставкой в этой борьбе является стабильность или революционное преобразование существующего общества. Поскольку идеология является регулятором массового экономического и политического сознания и поведения, именно на господстве определенной идеологии держится стабильность того или иного строя.

В обществе, разделенном на антагонистические классы, идет борьба классовых идеологий. Ставкой в этой борьбе является стабильность или революционное преобразование общества существующего. Поскольку идеология является регулятором массового экономического и политического сознания и поведения, именно на господстве определенной идеологии держится стабильность того или иного строя.[7]

Исходя, из всего этого мы должны рассматривать марксизм как необходимый духовный продукт буржуазного общества и важный элемент его духовной культуры. Анализ его судьбы, как «научной идеологии» в западной культуре состоит из двух аспектов: 1. выяснение того, кто, каким образом и насколько успешно вносил марксистскую идеологию в массы, и каким образом развивал эту идеологию в связи с изменением социальной реальности и 2. выяснение того, кто и каким образом критиковал марксизм.

Рассмотрим первый аспект. Какую судьбу имел марксизм в лице своих западных адептов? Марксизм был воспринят прежде всего как революционная идеология передовой интеллигенций и выходцами из рабочего класса. В качестве идеологической основы программы политической борьбы социал-демократических партий он утвердился после борьбы с другими, родственными лишь в критическом отношении к капитализму идейными течениями или разновидностями коммунизма: мелкобуржуазными, анархическими и другими.

Причем немалую роль в этом сыграла пропагандистская и организаторская деятельность самих К.Маркса и Ф.Энгельса. Перед социал-демократическим движением,

взявшим марксизм в качестве идейного оружия в своей политической борьбе, встали задачи: 1.внесения марксистской (коммунистической) идеологии в массы трудящихся, и 2.защиты марксизма от искажений недалекими «марксистами» и от критики принципиальных идейных противников – буржуазных идеологов. Третья задача была наиболее трудной: развитие марксизма с целью его согласования с изменяющейся социальной действительностью. Ведь основоположники марксизма не дали и не могли дать ответов на вопросы, которые поставила изменившаяся социальная реальность. Кроме того, многие конкретные прогнозы, а особенно тактические и стратегические установки марксизма не оправдались. Наконец, само развитие западного общества пошло по пути, во многом не совпадающему с марксовыми прогнозами. Стали накапливаться факты, противоречащие оригинальному марксизму.[6]

Рассмотрим, как и насколько успешно решались эти задачи. Предпосылкой внесения марксизма в массы трудящихся является усвоение его самими пропагандистами. Уже на этом этапе марксизм подвергся определенным упрощениям. При пропаганде марксизма он должен был быть приспособлен к возможностям восприятия простыми, малограмотными рабочими и, следовательно, здесь он подвергся дальнейшему упрощению, вульгаризации. В основном только в своей идеологической части марксизм был воспринят частью рабочего класса. Причем при этом нередко происходило смешение марксистской идеологии с элементами буржуазного эмпирического сознания и буржуазной идеологии в сознании даже передовых рабочих. Однако, даже, или лучше сказать, именно такой упрощенный смешанный и идеологизированный марксизм, позволил социал-демократам завоевать значительную часть рабочего класса и соответствующее политическое влияние. Защита марксизма в его чистоте и теоретической стройности и глубине плохо совмещалась с задачами практической пропаганды. Особенно трудно было отстаивать марксизм в его оригинальном виде в связи с изменением социальной реальности, на котором играли буржуазные противники марксизма.

Особенно уязвимой частью марксизма оказалась конкретная стратегия и тактика революционной борьбы. Не случайно именно с нее и началось то, что можно назвать развитием марксизма в новых исторических условиях. Перед западными марксистами встал выбор способа развития марксизма в связи с необходимостью теоретического осмысления новых исторических фактов и выработки новой стратегии и тактики политической революционной борьбы. Линия ортодоксального догматизма была неприменима и бесперспективна. Оставалось либо творчески развивать марксизм, либо ревизовать его.

Творческое развитие означает теоретическое осмысление новой социальной реальности с методологических и мировоззренческих позиций марксизма с сохранением его идеологического ядра, т.е. осмысление с позиции парадигмы марксизма новой социальной реальности и практики революционной борьбы. Ревизия же означает пересмотр бывшими марксистами важнейших основ марксизма и подмену их чуждыми теоретическими и идеологическими элементами. Общей почвой и для развития и для ревизии марксизма является сложность его концепции и структуры, которая допускает различные толкования. Почвой ревизионизма было политическое перерождение вождей социал-демократии, а, во-вторых, модернизация капитализма, вынуждаемая не только логикой экономического развития, но и классовой борьбой.

Почвой развития революционного, ортодоксального марксизма были социальные конфликты и классовые битвы первой половины XX века, мировые войны, первый глобальный кризис мирового капитализма начала 30-х г.г., Русские революции начала века и т.п. Опыт русской революции и социалистического строительства стал одним из главных объектов борьбы ревизионизма и революционного марксизма.

Адекватен ли русский социализм марксистскому или он есть его извращение? Соответственно, необходимо ли западной социал-демократии его брать за образец, или он должен быть отвергнут? Доказывает ли он или опровергает жизненность и силу марксизма? Все эти вопросы поставила жизнь как перед правоверными марксистами, так и перед ревизионистами. Первая волна ревизионизма в марксизме связана с началом XX века. Одним из ее основоположников был Бернштейн. Затем с началом Первой мировой войны

ревизионизм захватил большую часть вождей европейской социал-демократии. В 20-е-30-е г.г. усилиями таких западных марксистов, как Лабриолла, А. Грамши А., Г. Лукач были предприняты попытки защитить марксизм от ревизионизма и проанализировать новые исторические явления с позиции марксизма, т.е. творчески его развить. С периодом стабилизации западного капитализма в 60-е -70-е г.г., XX века а также под влиянием критики сталинизма, западный марксизм был окончательно поглощен второй волной ревизионизма, и слился с буржуазной идеологией в облике «еврокоммунизма».

Итак, на Западе марксизм как революционная идеология смог реализовать себя как революционная идеология лишь частично, не достигнув главной цели – уничтожения основ капитализма, однако став мощнейшим идеологическим фактором, приведшим к ряду серьезнейших реформ классического капитализма и уступок рабочему классу, привитию капиталистическому обществу отдельных черт социализма. По мере смягчения капитализма, его реформирования в социалистическом плане, революционный марксизм на западе все более утрачивал свою революционность и превращался в разновидность буржуазной идеологии, т.е. перерождался. Сегодня на Западе марксизм как революционная идеология политических партий практически не существует и воспринимается как факт истории.

Теперь мы рассмотрим, каким образом боролись буржуазные идеологические противники с марксизмом, как идеологией и социальной философией. Когда речь шла о борьбе с марксистской идеологией в массовом сознании буржуазные практические идеологи всегда эффективно использовали две тактики. Первая тактика - клевета, очернительство именно на уровне массовой психологии, а вторая тактика - умолчание. Но буржуазные идеологи-теоретики должны были действовать иначе - их призвание было в том, чтобы развенчать теоретические основы марксистской идеологии, разрушить ее научные основы. И в этом «благородном» деле упражнялись очень многие крупнейшие западные социальные ученые.

Сложилась традиционная схема отношения этих ученых к марксизму, состоящая из трех элементов: 1. абстрактные реверансы марксизму, персонально К. Марксу, высокая оценка его теоретического достоинства; 2. разоблачение «ограниченности» и несостоятельности марксизма как социальной теории (полной или частичной); 3. доказательство «устарелости» марксизма, его несоответствия реальной исторической действительности XX века. Занимаясь, разоблачением несостоятельности социальной философии марксизма, западные мыслители выбирают один из двух типовых или логически возможных для них путей. Первый путь - тотальная критика с позиции буржуазного мировоззрения или идеологии (идеологическая или мировоззренческая критика). Относительно этого пути можно сказать, что, во-первых, действительная продуктивная критика теории марксизма возможна только изнутри и при условии, что критик разделяет мировоззренческие позиции марксизма. Во-вторых, тотальная критика сводится к противопоставлению марксовой социальной философии различных теоретических концепций идеалистического, кантианского, или прагматически эмпирического толка, которые не выдерживают теоретического сравнения с социальной философией марксизма. Это означает, что предлагаемые теоретические альтернативы марксизму не выдерживают марксистской критики, а их критика марксизма оказывается неубедительной. В-третьих, фактически вместо действительной внутренней, содержательной критики марксизма в данном случае мы видим простую перестановку ценностных знаков с марксистской идеологии действительного гуманизма на буржуазную идеологию ограниченного абстрактного гуманизма. Марксизму бездоказательно или с помощью софистических трюков наклеиваются ярлыки: ненаучности, логической и методологической прочности, непродуктивности, утопичности, антигуманности. Противопоставляемым марксизму теоретическим альтернативам приписываются противоположные ярлыки: научности, гуманности, реалистичности.

Второй путь разоблачения несостоятельности марксизма - попытка его ассимиляции, поглощения в рамках альтернативной, более широкой и глубокой интерпретации, включение

марксизма в иную концептуальную систему, с уточнением, развитием отдельных идей. Поскольку это делается обычно на основе возрождаемых в новом виде, преодоленных марксизмом теоретико-методологических систем объективного или субъективного идеализма, в лучшем случае неокантианства, постольку эта ассимиляция не может рассматриваться ни как преодоление, ни как действительное развитие марксизма.

Приведем примеры высоких оценок марксизма западными философами. Ж.-П. Сартр, например, пишет: «Лишь марксизм имеет действительную теоретическую основу: он объемлет всю человеческую деятельность... Марксизм есть аутентичная философия современной эпохи... Каким бы ни были наши мысли, они могут развиваться лишь на этой основе; они должны развиваться в рамках, очерченных марксизмом, или же деградировать, исчезнуть в пустоте. ...Совершенно ясно, что эпохи философского созидания редки. На мой взгляд, между XVII и XX вв. есть только три эпохи: эпоха Декарта и Локка, эпоха Канта и Гегеля и, наконец, эпоха Маркса. Эти три философские эпохи представляют собой по очереди почву всякой необыкновенной мысли и горизонт всякой культуры. И они будут непреодолимы до тех пор, пока исторический момент, выражением которого они являются, не будет преодолен. Я часто подчеркивал, что «антимарксистский» аргумент есть не что иное, как явное возрождение домарксистской мысли. Так называемое «преодоление» марксизма есть в худшем случае возврат к домарксистской мысли, а в лучшем случае - возрождение мысли, содержащейся в философии, которую хотели «преодолеть.»»[12]

К.Поппер, один из самых яростных и фундаментальных критиков марксизма заявляет: «Маркс предпринял честную попытку применить рациональные методы к наиболее насущным проблемам общественной жизни. Ценность этой попытки не снижается тем фактом, что, как я постараюсь показать в дальнейшем, она в основном была безуспешной. Наука прогрессирует путем проб и ошибок. И Маркс действительно все время стремился осуществить те или иные пробы и, - хотя он заблуждался в основных своих теориях – его труды не пропали даром. Он на многое открыл нам глаза и обострил наше зрение. Возвращение к домарксистской общественной науке уже немислимо. Все современные исследователи проблем социальной философии обязаны Марксу, даже если они этого не осознают.

Чтобы справедливо судить о марксизме, следует признать его искренность. Широта кругозора, чувство фактов, недоверие к пустой и особенно морализующей болтовне, сделали Маркса одним из наиболее влиятельных в мире борцов против лицемерия и фарисейства. У него было пылкое желание помочь угнетенным, и он полностью осознавал необходимость показать себя в деле, а не только на словах. Его главные таланты проявились в области теории. Он затратил гигантские усилия, для того, чтобы выковать, так сказать, научное оружие для борьбы за улучшение доли громадного большинства людей». [8, С.98-99]

М Вебер, один из лучших буржуазных ассимиляторов марксизма, в беседе с О. Шпенглером на его замечание о том, что марксовы прогнозы не оправдались, эмоционально возразил, что собственные прогнозы Шпенглера ничего не стоят, «А вот у Маркса, которого вы так ругали совсем иначе. Встань он из гроба сегодня и взгляни вокруг себя, он, несмотря на некоторые важные отклонения от его пророчеств, - имел бы все основания сказать – «Воистину это плоть от плоти моей, кость от кости моей.»»[11]

Что касается доказательств устарелости марксизма и несоответствия его социальной реальности, развитию истории в XX веке, то она сводится к двум главным тезисам. Первый тезис состоит в том, что исторические прогнозы Маркса не сбылись, а второй тезис в том, что Маркс не объяснил новых фактов в истории XX века. Что касается первого, нельзя не заметить слабости этого тезиса. Во-первых, Маркс, как ученый не делал прогнозов, а изучал объективную закономерность развития капитализма, подчеркивая, что способ и конкретная форма ее реализации исторически случайна и зависит от сочетания множества конкретных исторических обстоятельств.

Как человек, Маркс, естественно, имел свои прогнозы по поводу сроков и формы реализации закономерного преобразования буржуазного общества в новый тип общества. Но

эти человеческие прогнозы нельзя отождествлять с его научными взглядами, хотя связь между ними и есть. Поэтому, то, что эти прогнозы частично не сбылись или сбылись не в том виде, как предполагал Маркс, никак не доказывает научной несостоятельности его социальной философии. Правильно нужно ставить вопрос по-другому: реализовывались ли в истории закономерности, выявленные Марксом и в какой форме, и почему именно в такой форме, а не подменять его пустым вопросом о том, насколько точно Маркс сумел предвидеть конкретный ход событий.

Когда доказывают устарелость марксизма, его несоответствие фактам, современной социальной реальности, то обычно делается соответствующая произвольная, предвзятая подборка фактов, «подтверждающих» данный тезис, при игнорировании фактов, противоречащих этому тезису. Кроме того, говорить о том, что марксизм не объяснил современных фактов, современное общество совершенно не корректно, просто глупо. Как бы он мог объяснить то, чего еще не было в его время. Вопрос нужно ставить по-другому: позволяет ли марксова методология социального познания теоретически верно и глубоко постичь суть изменившейся социальной реальности, сохраняет ли она познавательную продуктивность? Таким образом, мы видим, что доказательства устарелости марксизма основаны на произвольном толковании фактов и подмене правильной постановки проблемы отношения марксизма к современной реальности, ложной, искаженной, с заранее известным и желательным для критиков марксизма ответом.

Яркими представителями тотальной критики марксизма являются К.Поппер и А.Камю. Крупнейшим представителем ассимиляции марксизма является М. Вебер. По середине между буржуазными критиками марксизма, западными марксистами и самим Марксом стоит западный неомарксизм, в лице франкфуртской школы, а также теорий постиндустриального общества, которые предприняли действительные, хотя и ограниченные попытки применить марксистскую методологию к познанию современного общества. Ограниченность этих попыток носит принципиальный мировоззренческий характер, и связана с попыткой отделить марксову концепцию истории от ее идеологической базы и вершины – коммунистической теории.

Проблему судьбы марксизма в России и влияния марксизма на судьбу России в XX веке в нашей стране трудно не только решить, но и поставить в научно-нейтральной, объективной, правильной форме. Этому препятствует целый ряд обстоятельств. Во-первых, то, что именно в России марксизм был реализован как революционная теория коммунистического преобразования общества. Во-вторых, то, что в России марксизм долгое время был господствующей, официальной, государственной идеологией. В-третьих, то, что опыт российского коммунистического строительства оказал огромное воздействие на всемирную историю XX века. Но именно эти же обстоятельства настоятельно требуют научного, объективного решения данной проблемы, ибо то или иной ответ определяет не только оценку прошлого, но и влияющую на будущее оценку настоящего нашей страны и определение стратегии развития России в XXI веке и перспектив всей мировой цивилизации в XXI веке.

Объективность здесь может выражаться в сознательном определении партийности, как мировоззренческой позиции, определяющей постановку и решение проблемы, а также в сознательном выборе гуманистической партийности как основы выбора, постановки и последующего анализа этой проблемы.

Примитивная, вульгарная, но популярная сегодня, постановка проблемы сводится к вопросу вины марксизма, ответственности его за то, что произошло с Россией в XX веке. Виноват ли марксизм в трагической судьбе России и насколько? Так ставят вопрос те, кто рассматривает советскую систему и советскую историю как страшное время уродливого отклонения от нормального буржуазного пути развития общества в России. Утвердительный ответ – виноват на 100% - заложен в самой постановке вопроса.

Другой подход к проблеме «вины» марксизма таков: насколько именно марксизм обеспечил национальное спасение и процветание России в XX веке? Так ставят вопрос

апологеты советской системы. И утверждение позитивной роли марксизма само собой разумеется при этом. Между этими крайностями есть средняя позиция: она исходит из противоречивости советского коммунизма, в котором признаются и отрицательные и положительные стороны.

И тогда вопрос ставится так: за какие стороны несет ответственность марксизм, а за какие стороны несут ответственность его толкователи и практические реализаторы?

При первых двух подходах фактически отождествляются три понятия: оригинальный марксизм, русская его трактовка и советский строй, а ответственность за ход истории возлагается непосредственно на философскую теорию, а не на людей, которые толковали и воплощали ее по-своему разумению. Также при этих двух подходах русский советский строй рассматривается как адекватное воплощение в жизнь марксизма.

При третьем подходе вопрос усложняется: ответственность с самой теории переносится на людей, толкующих и реализующих теорию, различается оригинальный марксизм, его русское толкование, а также реальный советский строй. И «вина» или ответственность здесь должна распределяться между этими тремя сторонами русского марксизма.

Традиционный и заложенный в самой постановке проблемы ход состоит здесь в том, чтобы оправдать гуманистический смысл оригинального марксизма (причем ленинизм здесь одни исследователи относят к истинному марксизму, другие нет), а вину за его извращения в процессе реализации возложить на объективные и особенно субъективные условия его практической реализации, т.е. на недобросовестных толкователей и практических реализаторов марксистской программы, которые извратили не только его теоретическую суть, но и замаскировали марксистской идеологией совершенно чуждый духу и сути коммунизма строй или если не совсем чуждый, то с серьезными извращениями.

При всех различиях, роднит все три позиции то, что у них есть общая идеалистическая предпосылка: они явно или неявно исходят из того, что ход истории определяется волей гениальных ученых, создающих свои проекты общества и гениальных практиков-вождей, реализующих эти проекты в реальности. Одни эту волю считают злой, другие доброй, но сходятся в том, что именно воля Сталина, Ленина и ум Маркса создали советское общество.

Примером примитивной идеологической постановки проблемы роли марксизма в судьбе России является нашумевшая, в свое время и ставшая программой для современных антикоммунистов книга: З. Бжезинского «Большой провал. Агония коммунизма». Русский марксизм, Бжезинский, не отличая его принципиально от оригинального марксизма и не различая теорию и практику марксизма, рассматривает как неудачный, провалившийся, но стоивший многих жертв России (50 млн.) эксперимент: «В сущности своей это была западная доктрина, разработанная в читальном зале Британского музея одним интеллектуалом, немецким евреем. Зачем это чужеземное растение было пересажено в далекую евразийскую империю с традициями полувосточного деспотизма – пересажено одним автором брошюрок, русским революционером, выступавшим в роли хирурга истории.»[2,С.256] Как констатирует Бжезинский, созданный в России в результате революции 1917 года командно-административный, тоталитарный режим власти Коммунистической партии и ее идеологической диктатуры оказался во всех смыслах (экономическом, политическом и идейном) несостоятельным, проиграл соревнование западной демократии и к концу XX века потерпит неминуемый крах. Бжезинский дает несколько вариантов, как будет происходить конец коммунистического режима в СССР. Он же и участвовал в подготовке этого краха и разработке его сценариев, как член президентских администраций в США.

Односторонне подтасовывая факты, давая им нужную одностороннюю интерпретацию, Бжезинский подкрепляет ими свои тезисы о крахе коммунизма во всех областях. И делает заключение: «Обернувшаяся катастрофой встреча человечества в XX веке с коммунизмом дала болезненный, но крайне важный урок: утопическая социальная

инженерия находится в фундаментальном противоречии со сложностью человеческого бытия, а социальное творчество лучше всего расцветает, когда политическая власть ограничена. Этот фундаментальный урок делает тем более вероятной возможность, что XXI век будет веком демократии, а не коммунизма».[2,С.277]

Спустя тридцать лет после написания книги Бжезинского мы можем, имея горький опыт «капитализации страны», приобщения России к «демократии», констатировать, что не социализм, при всех его издержках и извращениях, а именно слом советского строя привел СССР и Россию на грань национальной катастрофы – физического вымирания народа и поглощения страны западными странами-хищниками.

Мы можем, кроме того сослаться на заключения современных западных исследователей глобальных проблем о том, что капитализм ведет все человечество к скорому и глобальному краху, гибели. Бжезинский неправомерно отождествил крах советского социализма, спровоцированный извне и изнутри искусственно, с крахом коммунистической идеи и марксизма вообще. Итак, мы отвергаем как поверхностные и не состоятельные подходы, трактующие вопрос о роли марксизма в судьбе России с позиций «вины», в любом смысле его за так или иначе оцененную советскую историю со всеми ее плюсами и минусами.

Адекватное решение этой проблемы можно получить при адекватной научной постановке проблемы, включая вопрос о роли марксизма в судьбе России в XX веке как подчиненный в более глобальную проблему: Закономерен ли был русский коммунизм (как общественный строй) и какую роль сыграла теория и идеология марксизма в его становлении? Здесь уже мы исходим из того, что марксизм, как и любая идеология – не произвольная выдумка отдельных мыслителей, а необходимый духовный продукт определенного типа общества в определенный период его развития, и не только продукт, но и действующая сила, определяющая в той или иной степени ход общественного развития. Здесь мы исходим из того, что в истории существует закономерность, которая проявляется в исторически случайной форме, во взаимодействии объективных и субъективных, материальных и духовных сторон общественной системы.

Однако, признавая объективную закономерность русского коммунизма, мы можем толковать ее идеалистически и материалистически. Рассмотрим обе трактовки.

Идеалистическую трактовку закономерности русского коммунизма мы находим у Н. Бердяева, причем с большими элементами материализма. По Н. Бердяеву, коммунизм оказался неотвратимой судьбой России в XX веке потому, что был «...наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России 1917 г. и наиболее верным некоторым исконным русским традициям и русским исканиям универсальной социальной правды, понятой максималистически, и русским методам управления и властвования насильем.» [1,С.93] Для победы коммунизма в России сложились благоприятные объективные материальные и, главное, духовные предпосылки. К материальным, не решающим, а лишь внешним, дополняющим главные духовные предпосылки Бердяев отнес: политический кризис правящего класса, разложение русского государства и армии в результате мировой войны, социальное возмущение крестьян и вообще широких масс народа, отчуждение власти от интеллигенции и от народа, идущее от Петра I. К духовным предпосылкам относится склад русской души, которая восприняла марксизм в форме извращенной религии мессианства: «Произошло как бы отождествление русского народа с пролетариатом, русского мессианизма с пролетарским мессианизмом.» [1,С.98] Душа большевизма, согласно Бердяеву, по своей структуре - это та же русская душа – искание царства социальной правды и справедливости, жертвенность, аскетическое отношение к культуре, целостное тоталитарное отношение к жизни, определяемое главной целью – осуществлением социализма. Склад ума русской интеллигенции, воспитанной в революционном духе, – это вторая духовная предпосылка русского коммунизма. Третья духовная предпосылка – крушение патриархальной религиозной веры в сознании массы крестьян.

Но главной причиной победы коммунизма и движущей силой этого процесса была, по Бердяеву, демоническая личность Ленина. Правда Ленин, да и вообще вся русская революция, в конечном счете, у Бердяева являются исполнителями божественного суда над русской историей. Т.о. мы видим, что элементы трезвого исторического анализа у Бердяева обесцениваются в сочетании с провиденциалистским идеалистическим истолкованием истории вообще, и русской, в частности. Бердяев, рассматривая роль марксизма в русской истории, считает, что русский народ и его вожди восприняли лишь ненаучную, религиозно-мессианскую сторону марксизма.

На примере Бердяева мы видим, что провести идею закономерности русского коммунизма и на этой основе точно уяснить роль марксизма в его становлении и развитии, последовательно не удается.

Материалистическая трактовка закономерности русского коммунизма исходит из того, чтобы вывести советский социализм из конкретно-исторического анализа взаимодействия всех экономических, политических и духовных процессов, происходивших в русском обществе в их взаимном влиянии, рассматривая политико-экономические процессы, как в конечном счете решающие. Под последними имеется в виду не безличное действие исторических законов, а реальная борьба социальных и политических сил за свои экономические и социально-политические интересы в конкретной исторической обстановке.

Говоря о судьбе марксизма в России в XX веке, мы и должны конкретно ставить вопрос, какую роль в этой борьбе и развитии советского строя сыграл марксизм и какие при этом он претерпел изменения?

На разных стадиях русской истории эта роль, сам статус и трактовка марксизма в России, и особенно в его духовной культуре существенно изменялись, и в зависимости от этого менялось его конкретное воздействие на русскую историю. Мы можем выделить четыре стадии развития марксизма как духовного явления (образования) на русской почве. Первая стадия – конец XIX века – стадия усвоения марксизма русской революционной интеллигенцией. Вторая стадия – от начала века до 1917 г. – стадия творческого развития марксизма как идеологического орудия революционной партии в политической борьбе за власть, сопряженное идеологической борьбой против оппортунистов-ревизионистов и идеологии политических классовых противников.

Третья стадия – от 1917 г. до 1985 г. – стадия марксизма как официальной государственной идеологии и теоретической концепции построения и совершенствования социализма и идеологического орудия стабилизации советского строя. На этой стадии марксизм претерпел целый ряд метаморфоз, связанных с противоречивостью его статуса и сменой политической конъюнктуры и типа режима в течение советской истории. Основные стадии этих метаморфоз таковы: – марксизм периода военного коммунизма, - ленинский марксизм периода НЭПа – сталинский марксизм (30-50-е гг.), - постсталинский марксизм в 60-80-хх гг.

Четвертая стадия марксизма в России – марксизм периода разрушения социализма и советского государства в результате т.н. «демократических реформ». Для этого этапа характерно изменение статуса марксизма: из государственной идеологии он превратился в отверженную теорию и исчез даже из учебных курсов университетов, а не только из СМИ. Он стал теорией и идеологией новой коммунистической оппозиции, и одним из социальных учений, вроде бы сохранившим лишь историко-философское значение. Эта стадия характеризуется глобальной психологической и идеологической критикой марксизма и коммунизма, направленной на освобождение массового сознания от марксистской коммунистической идеологии. Борьба с марксизмом и коммунистической идеологией ведется, в-основном, не в области теоретических научных споров, а методами психотропной обработки массового сознания с помощью электронных СМИ.

Какова же роль марксизма в истории России? Марксизм в России показал себя как эффективное идейное оружие революционного преобразования общества до тех пор и поскольку сохранял живой, творческий, критический дух объективного научного познания,

стремящегося к гуманистическому преобразованию общества. Он показал себя как вполне эффективная государственная идеология, поскольку истреблял в себе живой творческий дух и использовался в целях идеологической стабилизации советского общества.

Российский социализм XX века, который строился по предварительному идеологическому, теоретическому плану оказался началом перехода человечества к новой эре - идеологическому, информационному обществу, первым опытом такого общества, в котором социальная теория и гуманистическая идеология моделируют социальные отношения, т.е. являются предпосылкой и теоретической основой создания общественной системы, в котором политическая власть является основным инструментом реализации идеологического проекта. Этот опыт показал, что при этом власть стремится стать из средства самоцелью, что строители нового общества могут использовать свое положение в узкокорыстных целях, что реализация самой привлекательной социальной модели неизбежно выявляет ее ограниченность и нередко приводит к ее извращениям. Эти уроки необходимо осмыслить при второй попытке построения нового идеологического гуманитарного общества в России и в мире, чтобы избежать этих негативных последствий. При этом осмыслении нельзя, конечно же, обойти вопрос о причинах неудач и негативных результатов опыта социалистического строительства в России. Лежат ли эти причины в несовершенстве советского проекта или же они лежат в несовершенстве самого коммунистического социального идеала, или же в несовершенстве исполнителей, или же в недостаточной зрелости общества для реализации самого прекрасного проекта?

Чтобы ответить на эти вопросы первым делом нужно обратиться к критическому анализу коммунистической теории или идеи, как главной идеологической основы проекта коммунистического общества. Это тем более важно, как показывают уроки истории XX века, что чем выше экономическое развитие общества, тем выше степень свободы (и связанной с ней ответственности и риска) сознательных исторических деятелей, носителей власти, тем выше роль социальных теоретических проектов и их идеологической базы в определении судеб современного и будущего общества.

Ввиду громадности объема критики коммунистической идеи марксизма, мы ограничимся лишь обзором общих, главных линий нападения на коммунистическую теорию марксизма.

Всю критику можно разделить на два вида: 1. деструктивная критика, т.е. отрицание коммунистического идеала с позиций буржуазной идеологии и ее собственных идеалов и 2. конструктивная критика, т.е. выявление слабостей, недостатков коммунистической теории с целью ее развития, сохранения и укрепления, при принципиальном принятии критиком общих гуманистических идеалов марксизма. Эта конструктивная критика, в зависимости от классовых позиций, с которых она ведется, может быть трех видов.

Первый вид - это критика первой и второй частей коммунистической теории и противопоставление им иного обоснования и иных путей к коммунизму, дополняемая несколько иным толкованием и самого коммунистического идеала. Такая критика характерна для анархистов и представителей мелкобуржуазной идеологии. Как пример ее можно взять М.Бакунина, с которым сам Маркс вел острую идеологическую борьбу за влияние на рабочее движение.

Второй вид - это критика второй и третьей частей коммунистической теории с позиций исторических фактов, на основе чего выясняется их внутренняя непоследовательность, но без предложения конкретных поправок критикуемых частей. Она характерна для многих западных коммунистов начала XX века, которые опирались на анализ опыта Октябрьской революции. Незрелость российского коммунизма и вообще западного общества к коммунизму не позволяла им конструктивно исправить обнаруженные слабости коммунистической теории.

Критика всех трех частей коммунистической теории с высоты исторического опыта XX века, но не для того, чтобы ее отвергнуть, а чтобы изменить ее, сохранив общий гуманистический идеал, в соответствие с современной исторической реальностью,

преодолеть ее слабости и непоследовательности, абстрактность и дать ей новую жизнь и новые шансы для практической реализации.

Идеологическая критика коммунистической теории сводится к простому противопоставлению коммунистическому идеалу идеалов и ценностей буржуазного общества. И это все, на что способна любая идеологическая критика. Ее смысл сводится к утверждению, что общество может существовать только на основе капиталистических принципов организации.

Опыт строительства коммунизма в СССР в XX веке дал идеологическим противникам коммунизма главную почву и набор новых увесистых аргументов для критики коммунизма, уже не как теории, а как практики. А доказательство порочности, несостоятельности исторической практики коммунизма для них оказывается достаточным доказательством порочности самой теории. Хотя на самом деле, это не так. Ведь в процессе воплощения, в зависимости от случайных исторических местных обстоятельств, даже прекрасные теории могут быть искажены. Кроме того, сама их реализация неизбежно обнаруживает их ограниченность и необходимость практической и теоретической коррекции.

Буржуазная идеологическая критика коммунистической теории, а в основном практики коммунистического строительства в СССР стала главной и жизненно важной задачей буржуазной идеологии и приняла форму перманентной, очень хорошо финансируемой идеологической войны с советским социализмом, которая велась и на теоретическом и на психологическом уровне, методами «научной критики» и «массированной примитивной антикоммунистической пропаганды».

В этой войне мы выделим основные направления: 1.политическая критика; 2.экономическая критика; 3.историческая критика; 4.философская критика; 5.психологическая, пропагандистская война. Кратко рассмотрим каждое из них, основные аргументы и возможные возражения на них.

Начнем с политической критики. Каковы ее основные аргументы? Во-первых, политическая критика утверждает, что коммунизм есть диктатура партийной номенклатуры, которая держится на массовых репрессиях, идеологической обработке населения, отстранении народа от реального участия во власти.

На эту критику можно возразить так: поскольку это действительно так, постольку режим не может именоваться коммунистически, а есть его извращение, хотя исторически обусловленное. Однако и капитализм основан на диктатуре буржуазии, лишь внешне маскируемой под демократию, и он не чурается массовых репрессий в случае нужды.

Во-вторых, политическая критика утверждает, что коммунизм подавляет основные права и свободы человека. Здесь уместно такое же возражение, как и в первом случае. Однако, при этом следует добавить, что при коммунизме, т.е. в СССР, все-таки, трудящимся было гарантировано гораздо больше прав и эти права были реально обеспечены, в особенности такие права, как право на труд, право на бесплатное образование и медицинское обслуживание, право на социальное обеспечение и т.д.

В-третьих, антикоммунисты заявляют, что коммунизм (а именно, его воплощенная историческая форма – СССР) – это империя зла, агрессивный режим, стремящийся к мировой гегемонии.

Здесь валят с больной головы на здоровую. Принцип мирного сосуществования и конкуренции с капитализмом изначально лежал в основе внешней политики СССР. А распространение социализма на другие страны отнюдь не было связано с их эксплуатацией СССР. К мировой гегемонии всегда стремился и сегодня стремится как раз таки капитализм в лице ведущих развитых стран Запада во главе с США.

Вся эта политическая критика явно предвзята и односторонняя, ибо преследует цель не найти истину, а опорочить политического противника, и основана на замалчивании Западом своих политических пороков и на смешении коммунистического идеала и его исторических искажений, имевших место в практике строительства социализма в СССР.

Экономическая критика коммунизма выступает с тремя основными аргументами. Первый аргумент состоит в том, что экономическая система коммунизма нерациональна, неэффективна. Интересны рассуждения М. Вебера на эту тему. В частности в своей работе «Теория социальной и экономической организации», которая задумывалась как буржуазная альтернатива «Капиталу» К. Маркса, М. Вебер критикует государственную собственность и плановую экономику. Вот набор его аргументов. Государственное директивное установление цен, вместо рыночного, приведет к экономическим диспропорциям и нарушению нормального функционирования экономики. Государственные чиновники, руководящие экономикой, могут использовать свое служебное положение в корыстных целях. Плановое руководство сложным экономическим организмом, учет баланса интересов социальных групп невозможен. Обеспечение реального выполнения даже хорошего плана – это всегда почти неразрешимая проблема. Наконец, социалистическая экономика не имеет эффективных стимулов к труду.

Все эти аргументы, выдвинутые М. Вебером, верны лишь отчасти. С одной стороны они указывают возможные трудности социалистической экономики, с другой стороны, они говорят о возможных искажениях социалистической экономики. Однако, они т.о. относятся к искажениям коммунистической социально-экономической системы, и служат как бы предупреждением против этих искажений. Однако, все эти возражения не опровергают возможность рационально и эффективно разрешить возможные проблемы. И опыт СССР показывает реальность обеих возможностей, в реализации которых определяющую роль играет политический режим в государстве, степень его демократичности.

Второй аргумент экономической критики состоит в том, что коммунистическая, советская экономика проиграла экономическое соревнование Западу. В подтверждение приводятся статистические данные об уровне производства и потребления в ведущих Западных странах и в СССР, как абсолютные, так и на душу населения. При этом критики берут только выгодные для себя сравнения, игнорируя невыгодные. При этом, игнорируется неравенство стартовых условий экономического соревнования, игнорируется негативное влияние последствий двух мировых войн и постоянного военного давления Запада на СССР, гонки вооружений, навязанной нам Западу. Если же все это учесть, следует констатировать что, социалистическая советская экономика доказала свое потенциальное преимущество над капиталистической. И не случайно с 30-х годов XX века Запад перенял многие черты социалистической организации экономики, хотя и в ограниченном виде. И именно это спасло и спасает пока сам Запад от экономического краха. К тому же, оценивая соревнование двух систем, нельзя забывать о том, что Запад использует в этом соревновании не только свои национальные ресурсы, но мировые ресурсы, эксплуатируя слаборазвитые страны.

Третий аргумент экономической критики состоит в том, что коммунистическая, советская экономика пришла к неизбежному краху и развалилась. На самом деле она, во-первых, не сама развалилась, а была искусственно разрушена и до сих пор разрушается Западом через внутренних агентов, которыми стала бывшая партийная верхушка. Во-вторых, социалистическая экономика действительно столкнулась с кризисом в 80-е годы XX века, но этот кризис, во-первых был разрешим на почве социализма, во-вторых, был вызван неэффективным управлением деградировавшей и идеологически переродившейся партийной номенклатуры, а не принципами социализма. В-третьих, причиной этого кризиса стала как раз устаревшая, недостаточно социалистическая система экономической организации.

Историческая критика заявляет, что советский коммунизм, и коммунизм вообще – это не неизбежная стадия исторического развития, а аномалия, отклонение от нормального хода истории. На Западе не было коммунизма, он реализовался как случайный и дорогостоящий неудачный эксперимент в экспериментальной стране мировой истории – России.

Что на это следует возразить. Во-первых, то, что на Западе не было коммунизма, не говорит о том, что его там не будет. Кроме того, Запад внедрил у себя многие элементы социализма, и только эта модернизация, позволила ему еще продержаться на определенный исторический промежуток. Во-вторых, очень многие серьезные западные ученые признают,

что рыночная экономическая система, основанная на частной собственности и эксплуатации, при ее сохранении в условиях обостряющихся глобальных проблем и современного научно-технического развития приведет все человечество к глобальной катастрофе. (Сошлемся на известные исследования «Римского клуба»).

Далее, мы возразим критикам, что русский коммунизм в его советской форме – это вовсе не историческая аномалия. Он был закономерен именно в такой форме для России, но даже в этом искаженном и недоразвитом виде, он показал свой потенциал. Его нужно было совершенствовать, избавлять от исторически неизбежных, но уже отживших искажений и уродств, и главное от всевластия партийной номенклатуры. Но не нужно было его разрушать. Разрушение привело российский народ и его экономику к полному краху. Программа перестройки Горбачева, как это ни странно, была абсолютно верна по основным своим идеям, но она не была реализована, а использовалась как идеологическое прикрытие для противоположной политики – разрушения советского социализма во всех сферах.

Психологическая, обывательская критика наиболее эффективно внедряется через СМИ и наиболее мощно воздействует на массовое сознание. При этом ее аргументы не имеют ничего общего с логикой и научным мышлением, основаны на грубой лжи и подтасовке фактов. Ее сила в том, что она опиралась на мощный аппарат СМИ, и ориентировалась на общественную психологию, а не на разум публики.

Сводилась психологическая критика к простому очернению всего, что связано со словом коммунизм, «оплевыванию» до неузнаваемости и подменой под эту сурдинку коммунистических идеалов и представлений масс иными – буржуазными идеалами и представлениями. Коммунизм, а не партийную номенклатуру, извращавшую коммунизм, обвинили во всех грехах и бедах, от массовых репрессий 30-х годов до пустых прилавков в эпоху перестройки (хотя этот дефицит был искусственно создан). Параллельно с преувеличенным смакованием реальных и вымышленных «пороков коммунизма», с наглой клеветой на коммунистическую теорию и практику, шла реклама западных ценностей и западного образа жизни, в которой, как и во всякой рекламе умалчивались все его негативные стороны. Доверчивость, политическая наивность народа, привычка верить СМИ, перевертывание, идеологическое перерождение официальных коммунистических идеологов и самой КПСС, - все способствовало успеху вытравливания коммунистической идеологии из сознания населения. Главное обвинение против коммунизма на обывательском уровне сводилось к тому, что дескать коммунизм привел людей к нищете, страну к развалу. Хотя на самом деле искажение коммунизма стало причиной краха, нищеты и бедствий населения, которые с построением капитализма в России стали беспрецедентными. Так при чем же здесь коммунизм?

Теперь разберем философскую критику. Ничтоже сумняшеся сегодня наша «критически» мыслящая интеллигенция, бывшие верные идеологи коммунизма и творческие работники, занялись философской критикой коммунизма, как общественного идеала, и вообще коммунистической теории. Остановимся на типовых ее аргументах. Как пример можно взять статью писателя Тендрякова «Метаморфозы собственности.» [9] Ударившись в философию, этот писатель заявляет, что коммунистический идеал общественного устройства, предложенный Марксом, во-первых, абстрактен, во-вторых, порочен, в-третьих, не мог реализоваться иначе как в грубой форме партийно-номенклатурного казарменного коммунизма.

Итак, Маркс, дескать, лишь описал черты коммунизма, но не представлял себе его конкретную организационную форму и не знал реальных путей построения коммунизма. Тендряков торжествующе недоумевает: портной, который не знает, что и как шить – странен.

Мы возразим по этому поводу следующее. Маркс обосновал объективную закономерность развития капиталистической общественно-экономической формации, и, понимая, что историческая закономерность реализуется через деятельность людей, создал теорию революционной борьбы пролетариата для современных ему условий. Т.к. решение задачи непосредственного строительства коммунистического общества не стояло на

повестке дня, и т.к. определять его формы следовало, исходя из реальных конкретных исторических условий, то Маркс принципиально не занимался гаданием и произвольным конструированием на эту тему. Однако, формулировка принципов коммунизма являлась достаточным руководством для решения этой задачи с учетом конкретных условий. История – не шитье штанов, где все происходит гладко и точно по задуманному проекту. Только тот проект реалистичен, который привязан к конкретным условиям и вместе с ними корректируется.

Тендряков громогласно вещает нам далее: сам коммунистический идеал порочен. На такие наглые заявления не решаются даже многие западные оголтелые антикоммунисты. Но Бог судья нашему смелому писателю-критику. В чем же Тендряков видит коренные пророки коммунистического идеала?

Во-первых, якобы в том, что общественная собственность противоречит природе человека, в которой заложено стремление к собственности, свободе и предприимчивость. Человек от рождения капиталист. Может быть, это стало открытием для Тендрякова на старости его лет, но подобные заявления выдвинули еще философы Нового времени, Т.Гоббс и Д. Локк.

По существу же возразить можно так: не абстрактная природа человека определяет экономические отношения, а напротив, экономические отношения определяют природу конкретного человека. Только капиталист может распространять свою природу на природу человека вообще.

Во-вторых, наш писатель, конечно же, не будучи первооткрывателем и в этой теме, заявляет, что всеобщее равенство несбыточный миф. Разделение труда, а, значит, социальное разделение общества не исчезнет никогда, ибо оно – синоним организации производства. Для того, чтобы отвергнуть эту нападку Тендрякова, нам придется вновь напомнить ему некоторые азы. Во-первых, не следует смешивать друг с другом два разных понятия: технологическое разделение трудовых функций и общественное разделение труда. Именно последнее, а не первое предполагает разделение людей на общественные классы, монополизированные определенные виды труда, эксплуатирующие один другой. Первое остается, а второе будет уничтожено, и это не означает уничтожения вообще общественной организации труда. Просто она станет другой, более гуманной и справедливой.

Тендряков продолжает свою «критику»: превращение труда в потребность – утопическое благоупование, также, как и то, вместе со всесторонним развитием индивидов будет достигнуто материальное изобилие общества за счет роста производительных сил.

Объявить голословными декларациями черты коммунистического общества столь же доказательно, как объявить пустыми декларациями сами эти беспочвенные заявления. По крайней мере, современный рост производства создает все предпосылки для материального изобилия и превращения «качественно изменившегося» труда в потребность.

Но наш писатель упорен и методичен. Он далее утверждает, что реализовать принцип коммунизма: каждому по потребностям, а от каждого по способностям нельзя, потому что в смысле равенства способностей «люди всегда будут разными», а рост потребностей не ограничен. Все потребности никогда не удовлетворить.

Что же, возразим кое-что и на это. Если вести речь о потребностях материального накопления, власти и т.п. потребностях, порождаемых капитализмом, то они действительно неисчерпаемы. Если же говорить о потребностях коммунистического человека, то они имеют качественно иную структуру и природу. Их характеризует положительная, а не отрицательная бесконечность. Главными из этих гуманистических потребностей являются потребности в любви к людям, творчестве и познании.

Невозможность исчерпывающего удовлетворения этих, а не материальных потребностей будет стимулом роста коммунистического общества, а разумные материальные потребности там будут удовлетворены, что и откроет дорогу для подлинно человеческих творческих, духовных потребностей. Для их реализации человек получит возможность

свободно развивать свои способности, а не истощать свои умственные и физические силы в принудительном, отчужденном труде.

Равенство при коммунизме не означает грубого уравниательства всех под единую мерку, как пытаются клеветнически утверждать все антикоммунисты. Оно означает, что при коммунизме каждый человек получит возможность свободного развития всех своих способностей, каковы бы они не были, на благо общества. Различие же людей по природным способностям коммунизм никогда не собирался отменять. Он лишь хочет отменить социальное неравенство, препятствующее развитию каждой личности.

Тендряков в своей критике обращается от абстрактных философских аргументов к историческим аргументам. Он, опять-таки, не первый и не последний, твердит нам, что попытка реализовать коммунистический идеал на практике в России в XX веке раскрыла его абсолютную нереалистичность.

Как считает наш писатель, общественная способность на средства производства практически невозможна. Общественная значит ничья конкретно. Т.е. распоряжаться ей будут все-таки отдельные лица, хотя и от лица общества. Отобрать чужую собственность и объявить народ ее хозяином - не значит реально сделать всех собственниками. Он мягко намекает на присвоение и корыстное использование государственной собственности недобросовестными управленцами в лице номенклатуры КПСС.

Действительно, подобные факты имели место в советской истории, но, в основном государственная собственность в СССР служила интересам всего трудящегося населения. Криминальные отклонения от принципов социализма и злоупотребление КПСС своей властью в целях корыстного обогащения также безусловно имели место. Но, во-первых, это были именно отклонения от социализма. Во-вторых, именно эти отклонения говорят о том, что для утверждения полноценной государственной общественной собственности на средства производства необходимо, чтобы трудящиеся реально контролировали своих властных представителей, управленцев и постепенно приобщались к реальному распоряжению общественной собственностью. А это вполне возможно, особенно сегодня с развитием Интернет-технологий голосования.

Тендряков бичует и политическую систему советского общества, указывая на ее пороки, как на решающий аргумент невозможности построения социализма. Социалистическая революция в России привела к установлению диктатуры партии, фактически монополизирующей государственную власть и право распоряжения общественной собственностью, что превратило рабочих в бесправных наемных служащих государства, которое вынуждено было прибегать к уравниловке, принуждению к труду и т.п. Конечно, фактически Тендряков прав в том, что в России опыт социалистического строительства изначально проходил в условиях жесткой политической монополии КПСС на власть при формальных маскировках ее под общенародную демократию. Однако, это искажение принципов социализма также мало доказывает невозможность построения подлинной социалистической демократии, как и предыдущие возражения Тендрякова против невозможности реальной общественной собственности на средства производства.

Короче говоря, Тендряков объявляет исторически обусловленные искажения коммунизма в России всеобщими и обязательными условиями попытки реализовать коммунистический идеал. И потому сам этот идеал отвергается. Общий вывод нашего критика-писателя удивительно тривиален: коммунизм – это красивая, но несбыточная мечта. Этот аргумент сотни лет скандируют антикоммунисты всех сортов и мастей. И Тендряков стал в эти миллионные ряды, присоединился к этому унылому хору.

По этому поводу заметим, что о несбыточности коммунистических идеалов говорят те, у кого иные идеалы или те кто не хочет за них бороться или не знает как за них бороться. Во всяком случае, это самый гуманный идеал и он должен выполнять свою функцию – стимулировать борьбу за действительную гуманизацию общества, разработку и развитие конкретной теории и практики организации гуманного коммунистического общества. Он

несбыточен, если не заниматься работой по его воплощению в жизнь, и только в ходе такой работы он превращается в реальность.

Теперь мы переходим к конструктивной критике коммунистической идеи, ибо только эта критика может быть корректной и теоретически плодотворной. Более того, именно такая критика является потребностью современной социологии и истории.

Примером непоследовательной конструктивной критики является анархическая критика теории революционной борьбы пролетариата, при разделении анархизмом самого коммунистического идеала. Анархисты отвергают политическую борьбу пролетариата и необходимость государства диктатуры пролетариата, которое, по их мнению, привело бы не к коммунизму, а к диктатуре партии на основе государственной собственности. Взамен марксова пути, они предлагали анархическую версию революционной борьбы и построения коммунизма без государства диктатуры пролетариата, абсолютно утопическую.

Вторым примером непоследовательной, хотя и конструктивной критики была критика русского коммунизма 20-30-х гг. со стороны западных социал-демократов и коммунистов. (Каутский, Р. Люксембург, Ю. Мартов, Г. Плеханов). Они указали на извращения коммунистической теории в русском опыте, но не исследовали достаточно глубоко их историческую обусловленность, тенденции развития, а также возможные пути исправления. К. Каутский, как ортодоксальный марксист бы убежден, что нельзя строить социализм, пока для этого не созреют необходимые экономические предпосылки. Однако, большевики, по утверждению Каутского, решились строить социализм в отсталой стране с помощью угнетения, насилия и террора. Нищета масс, отсталость пролетариата, одичание, вызванное войной, все эти условия привели к тому, что социализм в России превратился в свою противоположность. Вожди русской революции построили варварскую диктатуру нового класса чиновников – партийных бюрократов, и казарменный социализм.

Р. Люксембург: также критиковала русский социализм за террористическую диктатуру, которая фактически отстраняла трудящихся от власти и лишала их политических свобод. Если же нет контроля над аппаратом власти со стороны масс, то господствующим классом становится бюрократия, и диктатура пролетариата вырождается в диктатуру клики политических вождей. Социализм можно строить, только опираясь на широкую и реальную демократию, живое творчество масс, а не с помощью партийных директив и насилия со стороны правящей партии, уничтожившей политические свободы.

Те же упреки бросали большевикам и Мартов и Плеханов, указывая Ленину на противоречие его методов построения социализма ортодоксальным марксистским идеям. Однако, эта критика не указывала конструктивных путей преодоления возможных извращений социализма в русском опыте и не исследовала закономерность русского коммунизма и тенденции его развития.

Последовательная конструктивная критика коммунистической теории марксизма должна: 1) установить ограниченность коммунистической теории Маркса и внести в нее поправки с точки зрения новых исторических фактов, осмысленных в их внутренней связи и закономерности, 2) обосновать и изучить закономерность советского социализма и стадии его развития и кризисы, 3) создать новую, соответствующую современным условиям действительности теорию революционной борьбы за коммунистическое преобразование общества, 4) подвергнуть исторической критике и сам коммунистический идеал, особенно в части конкретной политической, экономической и духовной организации коммунистического общества. Собственно в решении этих задач и состоит действительное развитие коммунистической теории и преодоление ее в исторически ограниченной форме марксовой коммунистической теории.

Мы лишь наметим общие направления такого развития – преодоления. Исходить нужно из реальных исторических фактов. А факты таковы. Во-первых, экономическое обоснование Марксом социалистической революции оказалось недостаточным. Те факты, которые он приводил, как свидетельства зрелости капитализма для революции, не привели к гибели капитализма. Капитализм, пережив кризисы своих форм XIX – начала XX века,

нашел новые резервы для выживания, модифицировался. Во-вторых, стратегия и тактика революционной борьбы, разработанная Марксом, не привела к социалистической революции и нуждается в серьезной корректировке. В-третьих, социалистическая революция в России была закономерна, но не неизбежна. В-четвертых, советский социализм, построенный сверху, директивно, был извращенным, но даже в таком виде показал свой гуманистический потенциал, причем по мере его развития, он постепенно гуманизировался, избавлялся от извращений. Он погиб, хотя и закономерно, но вовсе не необходимо, и не бесполезно, дав коммунистической теории множество ценных уроков на будущее, и серьезно изменив лицо современного мира. К тому же, он строился в России на недостаточной экономической базе. В-пятых, коммунизм потерпел временное поражение, но в этом поражении залог возможности будущей победы, которая однако, не гарантирована без революционной борьбы и успешного коммунистического строительства общества.

Апология марксизма состоит в ответе на вопросы: Какие главные идеи марксизма были подтверждены историей, сохранили сегодня свое значение, и в каком развитии сегодня они нуждаются? В качестве ответов на эти вопросы, можно привести следующие соображения. Марксова методология социального познания и сегодня является самой продуктивной и научной, и ее потенциал может и должен быть использован для познания современного общества в его закономерном развитии, правда для этого она должна быть освобождена от догматических и идеологических извращений и дополнена современными методами социального познания.

Общесоциологическая теория марксизма, опирающаяся на идею объективной закономерности в истории, понимаемой как объективная обусловленность сознательной исторической деятельности людей, как сложная статистическая закономерность, также подтверждена историей. История также подтверждает общее направление движения общества к коммунизму, хотя этот путь оказался вовсе не таким простым и коротким, как это казалось Марксу. Кроме того, для общесоциологической теории Маркса характерен европоцентризм, который следует преодолеть и рассмотреть специфику развития различных культур и взаимодействие различных культур и цивилизаций во всемирно-историческом процессе.

Коммунистическому идеалу нет альтернативы, но коммунистическая теория Маркса, безусловно, нуждается в развитии на основе обобщения опыта, удач и неудач советского социализма и социалистических модернизаций западного общества. Современное общество остро нуждается в новой гуманистической идеологии, которая может быть создана только на основе творческого развития коммунистической теории марксизма. История подтвердила общий практически-гуманистический потенциал марксизма и показала, что современная социальная философия должна быть теоретическим обоснованием революционной практики, основанной на научном анализе современного общества и тенденций его развития. НЕ случайно в наше время фактически «В России сложилось интеллектуальное течение, которое делает акцент на понимании современной (в широком смысле слова, начиная с XX века) реальности как эпохи глобальных, качественных изменений в самих основах общественной жизни, создающих предпосылки для генезиса не только посткапиталистического, но и постиндустриального, постэкономического общества («царства свободы»); в этом смысле мы можем назвать наше течение «марксизмом постиндустриальной эпохи.»»[3,С.47]Итак, современная прогрессивная социальная наука должна создать новую гуманистическую революционную теорию и она может это сделать только через действительно научное, конструктивное преодоление парадигмы социального познания марксизма, т. е. через действительно ее развитие в новых исторических условиях.

Литература

1. Бердяев Н. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 222 с.

- 2.Бжезинский З. Большой провал. Агония коммунизма. // Квинтэссенция. Философский альманах. – М.: Политиздат, 1990. – 447 с.
- 3.Бузгалин А.В. Социальная философия XXI в.: ренессанс марксизма? //Вопросы философии. – 2011. - № 3. – С.36-47.
- 4.Гобозов И.А. Сартр и марксизм //Философия и общество. – 2006. - № 2.
- 5.Горидько М.И. О современном понимании марксистского учения в России URL: edu.rgazu.ru/file.php/1/vestnik_rgazu/data/20140519155324/001.pdf
- 6.Поломошнов, П.А. Концепция социокультурной динамики П. Сорокина /П.А. Поломошнов //Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2008. - № 5. - С. 38-41.
- 7.Поломошнов, П.А. Личность и кризис культуры в социальной философии П. Сорокина /П.А. Поломошнов //Современные проблемы науки и образования. - 2014. - № 5. - С. 699.
- 8.Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2 - М, 1992. – 525 с.
- 9.Тендряков В.Ф. Метаморфозы собственности. URL: http://elibr.tendryakovka.ru/tendryakov_html/book9.html
- 10.Шихардин Н.В. Луи Альтюссер: критика, реконструкция и защита марксизма //Вестник Самарского государственного университета. – 2009. - № 67.
- 11.Baumgarten E. Max Weber. Work and Person. – Tubingen, 1964.
- 12.Sartre, J. P. Critique de la raison dialectique. – Paris, 1960.

References

- 1.Berdjaev N. Istoki i smysl russkogo kommunizma.[Origin and meaning of Russian Communism] – М.: Nauka, 1990. – 222 s.
- 2.Bzhezinskij Z. «Bol'shoj proval. Agonija kommunizma».[Big fail. Agony of communism] // Kvintjessencija. Filosofskij al'manah. – М.: Politizdat, 1990. – 447 s.
- 3.Buzgalin A.V. Sotsial'naya filosofiya XXI v.: renessans marksizma? [Social Philosophy of the XIX century .: renaissance of Marxism?] //Voprosy filosofii. – 2011. - № 3. – S.36-47.
- 4.Gobozov I.A. Sartr i marksizm [Sartre and Marxism] //Filosofija i obshhestvo. – 2006. - № 2.
- 5.Gorid'ko M.I. O sovremennom ponimanii marksistskogo uchenija v Rossii [On the modern sense of the Marxist doctrine in Russia] URL: edu.rgazu.ru/file.php/1/vestnik_rgazu/data/20140519155324/001.pdf
- 6.Polomoshnov, P.A. Kontsepsiya sotsiokul'turnoy dinamiki P. Sorokina [The concept of socio-cultural dynamics of Sorokin] /P.A. Polomoshnov //Gumanitarnye i sotsial'no-ekonomicheskie nauki. - 2008. - № 5. - S. 38-41.
- 7.Polomoshnov, P.A. Lichnost' i krizis kul'tury v sotsial'noy filosofii P. Sorokina [Personality and culture crisis in social philosophy of Sorokin] /P.A. Polomoshnov //Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. - 2014. - № 5. - S. 699.
- 8.Popper K. Otkrytoe obshhestvo i ego vragi. [The Open Society and Its Enemies] T. 2 - М, 1992. – 525 s.
- 9.Tendryakov V.F. Metamorfozy sobstvennosti. [Property metamorphosis] URL: http://elibr.tendryakovka.ru/tendryakov_html/book9.html
- 10.Shihardin N.V. Lui Al'tjusser: kritika, rekonstrukcija i zashhita marksizma [Louis Althusser: criticism, reconstruction and protection of Marxism] //Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2009. - № 67.
- 11.Baumgarten E. Max Weber. Work and Person. – Tubingen, 1964.
- 12.Sartre, J. P. Critique de la raison dialectique. – Paris, 1960.

Поломошнов Андрей Федорович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и истории ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет».

ПОНЯТИЕ ФОРМЫ В ТРАКТАТЕ СУНЬ-ЦЗЫ «ИСКУССТВО ВОЙНЫ»

Курилкин О.А.

Статья посвящена анализу концепции искусства войны Сунь-Цзы. Понятие формы рассматривается китайским стратегом как состояние армии, соответствующее условиям войны. Идеальное положение получается тогда, когда для противника у меня нет «формы», а «форма» противника мне ясна. Поскольку «форма» - это состояние армии, которое отражает сочетание всех элементов войска, то и сама форма подлежит изменению. Из этого Сунь-цзы делает вывод, что полководец, постигший это сложное сочетание, может управлять победой и поражением.

Ключевые слова: Сунь-Цзы, форма войны, искусство войны, армия.

CONCEPT OF FORM IN THE TRACTATE SUN - TZU «THE ART OF WAR»

Kurilkin O.A.

This article analyzes the concept of the art of war by Sun Tzu. The concept of form is considered by Chinese strategist as a state of army which meets the conditions of the war. The ideal position is obtained when I have no «form» for the enemy, but I know «form» of the enemy. Since the «form» is a state of the army, which reflects the combination of all the elements of the army, hence the form itself is subject to change. Consequently Sun Tzu concludes that the general, comprehended this complex combination, can control winning and losing.

Keywords: Sun Tzu, the form of the war, the art of war, the army.

Литература по военному искусству занимает значимое место среди работ, оставленных древним Китаем. Подобно известным классикам философии, эта литература имеет своих классиков. Конфуцианскому «Пятикнижию» и «Четверокнижию» тут соответствует «Семикнижие». Семикнижие появилось в результате многовекового отбора военной литературы, тех произведений, которые приобрели авторитет в военных вопросах. Свою окончательную форму этот отбор получил при сунской династии в XI веке.

Первое место среди всех работ занимает «Сунь-цзы», названная так по имени стратега, авторство которого ему приписывают. «Этот трактат создал основы военной науки старого Китая.»[1,С.6] В первой половине XVII в. Мао- Юань-и говорил, что возможно и были трактаты по военному искусству и до Сунь-цзы, но они до нас не дошли, и, самое важное, что в них имелось, вошло в учение Сунь-цзы. Поэтому, заключает Мао, вся военная наука в Китае целиком заключается в Сунь-цзы.

Основным по своему значению источником сведений о Сунь-цзы является его биография, помещенная Сыма Цянем в его «Исторических записках». Время жизни Сунь-цзы определяется данными его биографии, «Как передает Сыма Цянь, главная деятельность Сунь-цзы протекала в царстве У в то время, когда там правил Хо-люй.» [1,С.18] Имя этого правителя в разных источниках пишется по-разному: Хо-люй или Хо-лу. Его правление выпадает на 514-495 гг. до н.э. Следовательно, эпоха, в которой жил полководец, это период чунь цю (770-403). На вопрос, действительно ли этот трактат принадлежит самому Сунь-цзы, Сыма Цянь дает точный и положительный ответ. «В его биографии Сунь-цзы князь Хо-люй, обращаясь к своему полководцу, говорит: Я прочитал Ваши 13 глав». [1,С.20] Эта фраза является первым упоминанием о трактате, носящим имя Сунь-цзы.

Упомянутые выше 13 глав ставят вопрос о его составе. На этот счет имеется две версии. Сыма Цянь говорит о 13 главах, а в «Ханьской истории» упоминается 82 главы. Но все известные комментаторы работали с 13 главами. Есть несколько предположений, касающихся 82 глав. Первое предположение состоит в том, что большинство из них исчезли, и до нас дошли лишь 13. Другой вариант состоит в том, что со временем глав стало меньше из-за редакторской работы проведенной Цао-гуном, одним из первых комментаторов трактата (155-220гг.). Но как уже было сказано, все комментаторы работали с 13 главами.

Понятие формы рассматривается китайским стратегом в четвертой главе, которая состоит из десяти тезисов. Сначала Сунь-цзы разграничивает два положения. Первое, когда противник не может тебя победить, второе, когда ты не можешь победить противника. Эти положения взаимосвязаны, они не отделимы друг от друга - это одно и то же состояние, рассматриваемое с двух сторон.

«В древности тот, кто хорошо сражался, прежде всего, делал себя непобедимым, в таком состоянии выжидал, когда можно будет победить противника». [2,С.52] Комментатор Ду Ю рассматривал это так, что сначала воюющая сторона должна позаботиться о полной неуязвимости от противника и постоянно наблюдать за ним, «Сначала совещаются на военном совете, обсуждают опасности и трудности кампании и после этого возводят высокие редуты, выкапывают глубокие рвы, обучают солдат» [3,С.528], наблюдают за тем, чтобы при обнаружении противником, превратить свою непобедимость в возможность победы над противником.

В связи с чем Сунь-цзы говорит: Непобедимость заключена в самом себе; возможность победы зависит от врага. [4] Мысль Сунь-цзы сводится к тому, что гипотетическая победа находится в твоих руках, а реальная победа зависит от состояния противника. Быть готовым и во всеоружии - это значит иметь все нужное для победы, но не обязательно победить. Враг тоже может быть во всеоружии. Но когда у тебя есть все нужное для победы, а у противника нет, можно победить и в действительности.

Сунь-цзы не рассматривает явления изолированно, говоря о победе, он ставит ее в связь с поражением противника. «Возможность победы превращается в реальную победу лишь тогда, когда сам противник открывает для меня возможность реализовать мои шансы на победу.» [1,С.176]

Далее Сунь-цзы говорит о таких элементах стратегии, как наступление и оборона. Когда ты обороняешься, значит, у тебя есть в чем-то недостаток, а когда наступаешь - у тебя всего в избытке. Оборона, это результат некоторой слабости. Но эта слабость не только твоя, это значит, что нет слабости у противника. Ему не хватает чего-то, чтобы я перешел из обороны в наступление. Так же и сила, есть возможности для победы, которые дает сам противник. В этом месте трактата, Сунь-цзы также избегает рассматривать вещи отдельно друг от друга, эти явления у него взаимосвязаны, нет одного без другого.

Еще один из тезисов гласит: «Тот, кто видит победу не более чем прочие люди, не лучший из лучших.» [2,С.52] Это значит, что полководец должен видеть победу лучше, чем другие, там, где ее еще нет. Китайские комментаторы понимают это так: «Что уже существует, что выяснилось, это знают все; я вижу то, что еще не имеет формы, еще не зародилось.» [1,С.183] Цао-гун считал тоже самое, «Надлежит видеть то, что еще не зародилось.» [2,С.183] Мысль Сунь-цзы можно понять следующим образом, что полководец должен видеть победу, когда ее еще не существует, когда она еще не одержана. Это и отличает его от остальных людей, которые видят победу, когда она уже одержана.

В конце главы Сунь-цзы подводит итог предыдущим рассуждениям. Он говорит, что тот, кто хорошо сражается, видит то, чего не видят другие, побеждает так, словно и нет никакой победы, тем самым сохраняет армию, производя минимальные затраты. Получает выгоды от войны и уменьшает от нее вред.

Заключение, которое делает полководец в четвертой главе, гласит: «Когда побеждающий сражается, это подобно скопившейся воде, с высоты тысячи саженей низвергающейся в долину. Это и есть форма.» [2,С.52] К этому понятию формы сводится

все, что говорил Сунь-цзы в этой главе трактата. Форма - это состояние армии, соответствующее условиям войны. Это понимание формы вскрывают китайские комментаторы. Цао - гун видит под формой соотношение движений и действий своих и противника. Ли Цю-ань имеет в виду соотношение обороны и наступления, соотношение позиций, времени, места. Ван Чже считает, что форма - это соотношение силы и слабости обеих сторон. Получается, что форма, это соотношение всех элементов войны, относящееся к воюющим сторонам, проявленное в их состоянии.

Из этого появляется новое положение, о котором Сунь-цзы прямо не говорит, а доносит его через образы. «Тот, кто хорошо обороняется, прячется в глубинах преисподней; тот, кто хорошо нападает, действует с высоты небес.» [1,С.192] Становится понятно, что здесь идет речь о требовании тайны. Противник ничего не должен узнать. Моя оборона должна быть скрыта, словно я нахожусь в «глубине преисподней», а мое наступление также скрыто, словно я атакую с «небесных высот». Моя «форма» должна быть всегда скрыта от противника, а я, в свою очередь, должен стараться узнать «форму» моего врага. Следовательно, идеальное положение получается тогда, когда для противника у меня нет «формы», а «форма» противника мне ясна. Китайский комментатор Ду Му считает, что по «форме» можно узнать положение. У кого «формы» нет, тот надежно укрыт, у кого она есть, открыт. Кто укрыт, тот побеждает, кто открыт, тот терпит поражение.

Можно сделать вывод, что «форма» - это соотношение всех элементов войны. Мое состояние на войне, это моя форма. «На языке Сунь-цзы и есть «Форма», состояние армии.» [1,С.193]

Поскольку «форма» - это состояние армии, которая отражает всех элементов войны, то и сама форма подлежит изменению. Из этого Сунь-цзы делает вывод, что «полководец, постигший это сложное соотношение, может управлять победой и поражением. Следовательно, в его руках и «форма.» [1,С.193]

Литература

1. Конрад Н.И. Сунь-цзы Трактат о военном искусстве. – СПб., 2013.
2. Сунь-цзы Трактат о военном искусстве. - СПб.: Азбука, 2013.
3. Сунь-цзы. Искусство стратегии. - М.: Изд-во Эксмо; СПб.: Мидгард, 2006. – 528 с.
4. Сунь-цзы – Искусство войны – анализ книги. URL: http://who-are.ru/publ/sun_czy_iskusstvo_vojny_analiz_knigi/1-1-0-104

References

1. Konrad N.I. Sun'-czy Traktat o voennom iskusstve. [Sun Tzu's treatise on the art of war] – SPb., 2013.
2. Sun'-czy Traktat o voennom iskusstve. [A treatise on the art of war] - SPb.: Azbuka, 2013.
3. Sun'-czy. Iskusstvo strategii. [Arts of strategy] - M.: Izd-vo Jeksmo; SPb.: Midgard, 2006. – 528 s.
4. Sun'-czy – Iskusstvo vojny – analiz knigi. [Art of War] URL: http://who-are.ru/publ/sun_czy_iskusstvo_vojny_analiz_knigi/1-1-0-104

Курилкин О.А. – сотрудник Института философии и социально-политических наук Южного федерального университета.

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ

Поломошнов П.А.

В статье исследуется проблема социальной идентичности личности в модернизирующемся обществе. Эта проблема осознается теоретически в условиях рассогласования действительности с нашим представлением о ней, что означает разрыв естественной монистичности, целостности и самотождественности субъекта. Автор рассматривает историю концептуализации темы социальной идентичности человека в западной и российской мысли. Особое внимание уделено характеристике современной модернизации общества. Автор выделяет два типа идентичности: идентичность негативную или внешнюю, как отделение, обособление одной общности от другой, проведение границы и позитивную идентичность или внутреннюю, как чувство соотнесения с той или иной общностью.

В ходе модернизации общества реальность этих характеристик меняется, одни устаревают и становятся «менее реальными», а на их место приходят другие. Изменяются как факторы, так и степень их влиятельности. Некоторые факторы выходят на первый план, становятся более явственными, действительными, реальными, а другие отмирают или становятся дополнительными, вспомогательными, вторичными. Изменяется само ядро идентичности. Так же меняется и внешняя негативная идентичность как потребность проведения границы. Автор прослеживает трансформации обоих выделенных аспектов.

Идентичность модерна - абстрактная, универсальная, крупногрупповая, сложноструктурированная, многомерная, диверсифицированная (неравномерная, в разных измерениях – разная), космополитичная, транснациональная, материальная по преимуществу – экономическая.

Ключевые слова: личность, социальная идентичность, человек, модернизация, общество модерна.

IDENTITY OF MAN IN CONDITIONS OF MODERNIZATION

Polomoshnov P.A.

The article examines the problem of social identity of the individual in a modernizing society. This problem is recognized in theory in a mismatch of reality with our understanding of it, which means the gap of natural monistic, integrity and self-identity of the subject. The author examines the history of conceptualization of social identity of human themes in the Western and Russian thinking. Particular attention is paid to the characteristics of modern society modernization. The author distinguishes two types of identity: the negative or external identity, as the separation of one community from another, carrying out border and a positive or internal identity, as a sense of relating to one or another community.

In the course of modernization of the society the reality of these characteristics changes, some out of date and become «less real», while others come in their place. Their influence varies as factors and the extent. Several factors come to the fore and become more distinct, actual, real, while others die or become additional, ancillary, and secondary. Changes vary core of identity. External negative identity is changing as the need of the border. The author traces the transformation of both the selected aspects.

The identity of modernity is an abstract, universal, complex structured, multidimensional, diversified (non-uniform, in different dimensions - different), cosmopolitan, transnational, the material par excellence - economic.

Keywords: identity, social identity, human, modernization of society, society of modern.

Проблема самоопределения человека возбуждает интерес на всем протяжении его существования как непосредственно связанная с его сущностью. Попытки найти ответ на вечный вопрос «кто я?» уходят корнями в глубь истории человеческой культуры. В современном дискурсе гуманитарных исследований эта проблема связывается с использованием понятия идентичности. Это концепт, имеющий широкий спектр интерпретаций. Однако, начать нужно с того, что проблема идентичности не тождественна проблеме определения субъективности и самосознания как такового.

Основная функция понятия идентичности - указать, выявить тот содержательный момент, который должен ответить на вопрос «кто я есть и чем я отличаюсь от других?» Вопрос осознается теоретически в условиях рассогласования действительности с нашим представлением о ней, что в данном случае означает, с одной стороны, разрыв естественной монистичности, целостности и самотождественности субъекта, что в свою очередь вызвано усложнением и расширением внутренней самости. Можно провести аналогию с «большим взрывом» и расширением Вселенной. Я становится больше и разнообразней: «проблема идентификации и идентичности всегда связана с проблемой возможности существования единого, последовательного Я человека, сочетающего различные Я-образы.»[17,С.14]

Такой вопрос возможен для уже обладающих самосознанием субъектов, поэтому проблема идентичности по определению не может быть исходной, она производная, что и отражается на ее роли в познавательном пространстве. Чаще конструкция идентичности становится не самостоятельной целью, а средством для исследования отдельных аспектов человеческого бытия. Понятие идентичности, помещенное в определенное смысловое поле, становится инструментом, функции которого зависят от сферы приложения, «призмой, через которую рассматриваются, оцениваются и изучаются многие важные черты современной жизни.»[1,С.176] Какие это будут черты – зависит от контекста. Не претендуя на исчерпывающую полноту, можно привести примеры контекстуализации.

Исходным является методологический аспект – конструирование смысла и структуры понятия идентичности, оказывающихся весьма многомерными, в качестве средства изучения наиболее существенных проблем современного человека. Это исследования, начинающиеся с середины XX века на Западе, подхваченные позднее отечественными авторами. Тематизация идентичности сначала совершалась применительно к субъектам, в роли которых может выступала формирующаяся личность как феномен психической и социальной жизни.¹ Однако, человек как субъект культуры открывает различные варианты развертывания его сущности и вскоре происходит контекстуализация по самым разным измерениям социокультурной реальности, ситуациям и субъектам большего масштаба, начиная от малых социальных групп, заканчивая цивилизациями. Так, идентификация представлена в социологическом измерении как инструмент анализа структуры и форм социальных отношений.²

Анализ политической реальности не обходится без обращения к концепту идентичности.³ Предметом в таком случае оказываются региональные, этнические, национальные, гражданские идентичности. Ряд исследователей рассматривают идентичность как основной инструмент изучения этничности человека.⁴ Тематика, связанная с анализом

¹ См.: Tajfel, H., Turner, J. C. The Social Identity Theory of Inter-Group Behavior. // Psychology of Intergroup Relations. Ed. by S. Worchel and L. W. Austin, Chicago: Nelson-Hall, 1986.; Эриксон Э. Идентичность: юность/кризис/пер. сангл.; общ.ред. и предисл. А.В. Толстых.— М.: Прогресс, 1996.; Кон. И.С. В поисках себя: Личность и ее самосознание. М.: Политиздат, 1984.

² См.: Habermas U. Communication and Evolution of Society. Boston, 1979.; Ядов В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности//Мир России. 1995. №3-4.

³ См.: Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 1. Идентичность как категория политической науки. Словарь терминов и понятий. Отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН. М., 2011; Политическая идентичность и политика идентичности. Т. 2. Идентичность и социально-политические изменения в XXI веке. Отв. ред. И.С. Семенов. М.: РОССПЭН, 2012

⁴ См.: Олпорт Г. Становление личности: Избранные труды. М.: Смысл, 2002.; Тишков, В. А. Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. – М.: Наука, 2003.

этнической составляющей особую остроту приобретает в связи с кризисом в межнациональных отношениях в условиях социально-политической и экономической нестабильности и потому вполне ожидаемым оказывается использование теоретико-методологического аппарата идентичности для анализа процессов, происходящих в России в Новейшее время.¹ Вопрос исторической судьбы России, трансформируясь в концепцию национальной идентичности становится предметом философских, культурологических, политических изысканий, с тем замыслом, чтобы создать или воссоздать проект консолидации общества на базе некоторых гражданских, национальных или транскультурных духовных ценностей.²

На наш взгляд, особое значение приобретает контекстуализация идентичности в ее динамике. Это связано с принципиальной процессуальностью идентичности, которая в свою очередь связана с временным бытием человека. Некоторые исследователи определяют: «Идентичность есть конечный результат процесса идентификации – самоотождествления, самоопределения.»[10,С.69] Однако, конечность, наличность идентичности иллюзорна, она может быть лишь очерчена, определена аналитически как логический момент качественной определенности в отдельный момент времени. В действительности же она подвижна и изменчива, не имеет раз навсегда определенных границ, поэтому можно вести речь об образе, срезе идентичности. В связи с этим возможны различные углы обзора, например «процесс становления информационной деятельности во взаимосвязи с проблемой идентичности и отражение этой взаимосвязи в современной научной картине мира.»[6,С.8] Предметом нашего внимания является идентичность в ее социальной природе, как момент социальной деятельности в аспекте динамики. Для понимания всей совокупности происходящих процессов нужно отыскать некий процесс, определяющий все остальные, не в смысле координирующего и поглощающего, а в смысле образующего импульс и проследить его влияние на остальные аспекты меняющейся реальности, в частности на трансформационную среду. [13]

Динамическое понимание идентичности представлено в концепции Н.Н. Федотовой, которая утверждает «процессуальный характер идентичности, отображающий континуум, полюсами которого выступают устойчивые, завершенные идентичности с линейной динамикой и идентичности, незавершенные, меняющиеся, близкие к разрушенным, имеющие нелинейную динамику. Имеется смысловая и контекстуальная связь многочисленных состояний идентичности, расположенной на этом континууме, суть которой – в признании необходимости процессуального самоотождествления и различения.»[20,С.45]

Злободневность проблемы идентичности нарастает в условиях неустойчивости, глобальных социокультурных изменений, нестабильности, когда острее всего ощущается потребность самоидентификации. В таком виде, как мы его представляем в данной работе, вопрос возникает тогда, когда возникает ощущение неполноты, разорванности содержания Я. В масштабе общечеловеческой истории таким процессом ставшим причиной, импульсом нестабильности, является модернизация.

В предельно общем виде явление социальной модернизации представляется как «совокупность экономических, демографических, психологических и политических изменений, претерпеваемых обществом традиционного типа в процессе его трансформации в общество современного типа.»³ Модернизация как переломный процесс, вызывающий глобальные изменения в структуре общественных отношений всех порядков и создающий

¹См.: Дробижева Л.М. Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации. Опыт 20 лет. М.: Новый хронограф, 2013.; Жаде З.А. Векторы геополитической идентичности. – Ростов-н/Д.: Изд-во ЮФУ, 2007.

²См.: Волков Ю. Г. Гуманистическая идеология и формирование российской идентичности. – М.: Соц.-гуманит. знания, 2006.; Картунов С. В. Национальная идентичность: Постигание смысла / С. В. Картунов. — М.: Аспект Пресс, 2009.; Стратегии России в историческом и мировом пространствах /Материалы Всероссийской научной конференции (Москва, 5 июня 2009 г.). — М.: Научный эксперт, 2009.

³Поляков Л.В. Модернизация социальная // Новая философская энциклопедия: В 4 т. М.: Мысль, 2001.

само глобальное измерение. Понятие модернизации общества или социальной модернизации также применяется в чрезвычайно широком диапазоне значений зависящих от того, что скрывается под названием «современного общества». Если подразумевать под ним исключительно общество настоящего, и уже одним этим более совершенное, чем общество прошлого, то существует риск концептуально обезличить понятие социальной модернизации, что с другой стороны, добавляет риторической привлекательности, например таким образом: «Модернизация - совокупность технологических, экономических, социальных, культурных, политических перемен, направленных на совершенствование общественной системы в целом.»[4,С.214] Абсолютно правомерно указание на многогранность процесса модернизации, но при этом. Более аутентичным вариантом представляется конструктивно-генетическое воспроизведение схемы модернизации.

Современное общество становится специальным предметом общественных наук в классической социологии XIX века, следовательно, с учетом этих знаний нужно говорить о выделении его сущности, теоретического критерия. Самоидентификация современного общества связана с противопоставлением его традиционному в классических социологических концепциях. Изучая развитие общества, Э. Дюркгейм¹ выделял два основных типа социальных связей: механистическую солидарность и органическую солидарность. В традиционном обществе преобладает способ соединения индивидов на основе их сходства, изоморфизме действий. В современном обществе социальная солидарность основана на общественном разделении труда, где определяющую роль играет спецификация, различие. Соответственно, в обществе первого типа существует высокая степень детерминации поведения его членов неким образом, а в обществе второго типа свобода индивидов есть условие их участия в социальных отношениях. В этом смысле теоретический конструкт модернизации может быть представлен как переход от механического типа солидарности к органическому. Подобная дихотомия типов общественной связи наблюдается у Ф. Тенниса.² В зависимости от типа взаимоотношений совокупность людей может представлять собой общность (Gemeinschaft) или общество (Gesellschaft). По его мнению, в современном обществе, естественные мотивы, такие как доверительность, привязанность, взаимная симпатия, составляющие основу общности заменяются формально-рациональными отношениями между людьми, связанными с расчетом, ориентацией на получение выгоды и коммерческого успеха.

Зависимость социальных отношений от мотивации социального действия становится центральной темой социологии М. Вебера. Модернизация, исходя из его теоретических построений [2], представляется как рационализация социального действия в наиболее значимых аспектах поведения. Изменение характера социальных отношений является следствием трансформации сознания субъекта социального действия, которая, в свою очередь, связана с внутренним преображением христианской этики в эпоху Реформации. [3] В хозяйственной сфере дух капитализма (позитивная моральная санкция, доходящая до самооценности на накопление капитала, аскетизм, трудолюбие) сменяет традиционалистские ментальные установки (самоценность потребления, минимизация усилий, нежелание вводить новшества). В политической сфере рациональный тип легитимации власти (бюрократия) заменяет харизматическое и традиционное господство.³ Количество рациональных действий субъектов (целе-рациональное и ценностно-рациональное) начинает преобладать над иррациональными (аффективное и традиционное) изменяя образ жизни людей Западной цивилизации. Модернизация общества свершается самими действующими субъектами.[12]

Наиболее распространен в научных кругах XX века оказывается именно экономический смысл понятия модернизации, радикальным образом связывающий понятие общества модерна с характером производственной системы. Американский социолог Н.

¹Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М., 1991.

²Теннис Ф. Общность и общество // Социологический журнал. 1998. №3/4. - С. 207-229.

³Макаренко В.П. Вера, власть и бюрократия. Критика социологии М. Вебера/ В.П. Макаренко. – Ростов-на-Дону, 1988.

Смелзер писал: «Мы употребляем термин «модернизация» для характеристики сложной совокупности перемен, происходящих почти в каждой части общества в процессе его индустриализации.»[16,С.620]. Модернизация теперь – это «теоретическая модель семантических и аксиологических трансформаций сознания и культуры в контексте становления индустриального общества.»[9,С.639] Данной принципиальной позиции, по мнению Ю.И. Семенова [15,С.200-201], придерживались, к примеру, У Ростоу, Ш. Эйзенштадт, С. Блэк, считавшие индустриальное общество прогрессивной стадией развития человечества. Представление сферы производства в качестве базовой, контекстообразующей, задает вполне определенные рамки решения проблемы. Этот теоретический ход отсылает нас скорее к Марксу чем к Веберу, как первоисточнику. В общественно-исторической концепции К. Маркса акцент в анализе общественного развития делается на сфере производства, а модернизация может быть представлена как естественноисторический процесс изменения способа производства, переход от локальной связи земледельческой общины к системной всеобщей вещной связи, создающей капиталистические производственные отношения, характеризующиеся динамизмом и остротой классовых противоречий, глобальным мировым масштабом. «Буружуазия быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения вовлекает в цивилизацию все, даже самые варварские нации.»[8,С.427-428]. Практически о том же говорится в социальной философии второй половины XX века, обратившей взоры на перспективы информационного и постиндустриального общества, где модернизация интерпретируется как переход от традиционного к индустриальному обществу, имеющий глубокий, системный характер и приводящий к конвергенции обществ. «Модернизация – это процесс, ведущий к однородности...Модернизация порождает тенденцию к сходству обществ.»[21,С.31]. Глобализирующий и супериоризирующий характер модернизации отмечал также и Ф. Фукуяма, подводивший черту под историей человечества после утверждения индустриально-либеральных механизмов общественного устройства.¹

Формационная теория, а за ней и парадигма индустриализма и постиндустриализма, рассматривают развитие общества как некий единый образец, к которому с неизбежностью должны прийти все нации. Для Запада модернизация - фактически пройденный этап, поэтому понятие модернизации приобретает социально-практическое и политическое значение, как системная стратегия преодоления отсталости обществ отстающих от цивилизационного пути Запада, понятие модернизации как индустриализации становится фактически синонимом вестернизации. Показательным в этом плане является определение политической модернизации Д. Дэвида: «процесс, решающее воздействие на который оказывает экономическая модернизация и в ходе которого традиционные или колониальные формы политической и государственной организации заменяются западными, включая современные политические партии».²

Особая роль отводилась политической системе – ликвидация отсталости, так называемая «запаздывающая» модернизация, становится делом управленцев, соответственно перед обществом ставится задача активизации элит. Однако данный благожелательный сценарий противоречит как исторической истине (множество примеров недействующей модернизации в странах Востока, Африки), так и теоретическим посылкам самой теории. Процесс модернизации, во-первых, объективный и изменение основ социальной системы здесь – результат саморазвития, реализации заложенного внутреннего потенциала, а во-вторых – конкретно-исторический, то есть обладает вышеописанными характеристиками и свойствами только для тех условий, в которых он формировался, то есть, для Запада. Индустриализм, взятый аксиологически универсально, не может представлять

¹Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. - М., 2004.

²Дэвид Д., Джери Дж. Большой толковый социологический словарь. В 2-х т., Т.2. М.:Аст – 1999. URL: <http://voluntary.ru/dictionary/567>

универсальную модель для культурно и экономически диверсифицированных обществ мира. Специфика преобразовательных процессов в обществах не относящихся к образцу, отличающихся, не ассимилировавших его, требует либо изменения содержания теории, либо поиска альтернативы, что и знаменует выход на авансцену концепций зависимости и мир-системного подхода, которые, по мнению Ю. И. Семенова рассматривают в первую очередь не вертикальные, межстадиальные связи и переходы как наиболее значимые, а горизонтальные и синхронные. [2,С.203-204] Л. В. Никифорова [11] разделяет теории современного постиндустриального общества на две волны. По ее мнению, представители первой, к которой относятся такие ученые как К. Поланьи, Дж. Гэлбрэйт, Дж. Роулз, И. Валлерстайн разоблачают рациональность модерна, как рыночной модели хозяйства, основанной на антиобщественной стратегии эгоизма, выявляют несправедливость как сущностное качество мировой капиталистической системы.

Представители второй волны, такие как Э. Тоффлер, Ф. Фукуяма, С. Хантингтон рассматривают постиндустриальное общество по сути как окончательный разрыв традиционных связей и отказ от общества. Так как принципы социальной поддержки с одной стороны и принципы либерализма и рынка с другой несовместимы, социальное неравенство оказывается для них закономерным итогом цивилизации. По сути, в социальном знании науке актуально присутствует спор между двумя мировоззренческими, идеологическими стратегиями: построение постиндустриального общества как альтернативы индустриальному на базе внеэкономических, но общественных постматериальных стратегий самореализации человека, либо программа «продолжения тенденции» и закрепление несправедливости как цивилизационной нормы в прогрессивном «постобщественном» обществе.[14]

Конечно, понятие модернизации, сформировавшееся в классической западноевропейской традиции, описывающее социокультурные процессы как вписывание в единую линию рыночно-индустриального развития не является единственно возможным. М.А. Можейко, предлагает следующую идею видоизменения модернизационной стратегии. «При всей восточной специфике и социалистических издержках правомерно говорить о возможности модернизации не как внешней, механической вестернизации и унификации, но как о глубокой трансформации массового создания на основе выработанных западной культурой социальных идеалов и рационализма при возможности сохранения специфики этно-национальных традиций. Современная концепция цивилизационного поворота как перехода от цивилизаций локального типа к глобальной цивилизации выдвигает идеал единого планетарного социоприродного комплекса, основанного именно на этно-культурном многообразии и полицентризме. В рамках этого подхода культурная гетерогенность мира, позволяющая и предполагающая конструктивный диалог и плодотворное взаимовлияние неповторимо уникальных этно-национальных традиций, фиксируется как основа не только цивилизационной стабильности человечества, но и его эволюционного культурного потенциала.»[9,С.641].

Как проект модернизации в классическом понимании сочетается с концепцией идентичности? В современной социально-философской мысли постановка проблемы идентичности в контексте модернизации совершена как в западной¹, так и в отечественной литературе.² Структура идентичности полностью зависит от данной цели, то есть, мы не претендуем на всеохватывающий анализ феномена идентичности, а лишь ставим задачу сравнения идентичности традиционного и современного общества и их черт. Структура,

¹ См.: Giddens, A. *Modernity and Self-Identity: Self and Society in the Late Modern Age*, Stanford, CA: Stanford University Press, 1991; Alexander, J.C., Eyerman, R., Giesen, B., Sztompka, P. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley, London: University of California Press, 2004. Wagner, P. *Theorizing Modernity. Inescapability and Attainability in Social Theory*. London, Thousand Oaks, New Delhi: Sage, 2001.; Бауман З. *Текущая современность*. - СПб.: Питер, 2008.

² См.: Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. *Глобальный капитализм: Три великие трансформации. Социально-философский анализ соотношения экономики и общества*. – М.: Культурная революция, 2008.

предлагаемая здесь, содержит два аспекта: 1) Идентичность негативная [5, С.35-44] или внешняя, как отделение, обособление одной общности от другой, проведение границы; 2) Позитивная идентичность или внутренняя, как чувство соотнесения с той или иной общностью, сопричастности, которая «базируется на историческом прошлом, опирается на настоящее, стремится к будущему» [10,С.69], самость как таковая.

Несмотря на многозначность внутренней идентичности, «в основе идентификации индивида или общности всегда лежат реальные объективные характеристики»[10,С.69]. Но в ходе модернизации реальность этих характеристик меняется, одни устаревают и становятся «менее реальными», а на их место приходят другие. Изменяются как факторы, так и их соотношение в структуре, степень влияния, некоторые из них выходят на первый план, становятся более явственными, действительными, реальными, а какие отмирают, или становятся дополнительными, вспомогательными, вторичными. Поэтому нельзя говорить о фиксированном наборе характеристик. Изменяется само ядро идентичности, то с чем происходит самоотождествление, характер ее усвоения. Так же меняется и внешняя негативная идентичность как потребность проведения границы. Необходимо проследить трансформации обоих выделенных аспектов.

Если анализировать содержательную сторону идентичности, то для традиционной характерны следующие черты: содержательность, духовность, равномерность, редуцированный характер – то есть, она основана на более простых механизмах идентификации – кровное родство, половая принадлежность, возраст, язык, территория проживания, раса. Это идентичность сходства, чаще всего естественного. «В традиционном обществе идентичность не была проблемой, поскольку она была задана квазинатуралистически — ее поддерживаемый традицией характер оставался практически неизменным.»[18,С.76] Конечно, не вся традиционная идентичность редуцирована. Самоидентификация личности традиционного типа связана с усвоением культуры, мировоззрения, ценностей, традиций, образа жизни, и в этом плане, она богата надприродным содержанием, но это мелкогрупповая, локальная идентичность, которая усваивалась, автоматически, безальтернативно. Также выделим ретроспективность – самость определяется прошлым. Принадлежность и самосознание себя как члена сообщества означает сопричастность, тождество с прошлым, общность исторического пути. Внешняя идентификация является крайне важной в традиционном обществе, дихотомически разделяя мир на «свой» и «чужой».

Модерн предполагает радикальные изменения и углубления идентичности. Позиционируется укрупнение масштаба идентичности от мелких форм к крупнымобезличенно-абстрактным, от идентичности себя как члена общности к идентичности члена общества. Национальная, гражданская идентичность гораздо более значима для эпохи модерна, что знаменует усиление гражданской консолидации и укрепления государства как политическо-правовой системы. Однако, ядро модернизации – экономика, поэтому меняется и сам смысл социальной идентификации. Встраивание в культурную среду, самоидентификация как духовное родство взамен и в дополнение кровного превращается во встраивание в структуру обезличенных, абстрактных связей и отношений производства. Идентичность модерна абстрактная, универсальная, крупногрупповая, сложно структурированная, многомерная, диверсифицированная (неравномерная, в разных измерениях – разная), космополитичная, транснациональная, материальная по преимуществу – экономическая.

Человек позиционирует себя, прежде всего, в русле производственных отношений, как «наиболее реального» социального фактора. Старое содержание трансформируется в новую форму – культурная, духовная составляющая: искусство книги, музыка, идеи, превращаются в брендированный товар, услуги, которые так же выполняют функцию позиционирования человека в системе координат капитализма. «В современном, динамически развивающемся обществе с существенным уровнем социальной стратификации и утраченными или ставшими неэффективными традиционными способами

самоидентификации массовая культура становится механизмом социализации и начинает выполнять ценностно-ориентационные функции, реализуемые, в частности, через социально маркированное потребление. Существующая в многообразии вариантов, эта культура фактически отражает вкусовую и эстетическую дифференциацию потребностей, а также сложную общественную иерархию и через потребление закрепляет эти отношения.»[7,С.45] Идентичность больше не осознается как тождество со своим прошлым, она принадлежит настоящему. Самость строится на том, кем является субъект здесь и сейчас. Появляется альтернатива и свобода идентификации, идентичность усваивается не автоматически ««Предначертанность» сменилась «житейскими планами», судьба - призванием, а «природа человека», в какой он был рожден, - «идентичностью», за которой необходимо следить и которую нужно поддерживать в соответствующей форме.»[1,С.178] «Модернити заменяет предопределенность социального положения принудительным и обязательным самоопределением.»[1,С.181] Негативная идентификация оказывается малозначимой в принципе.

Можно оценивать такую ситуацию двояко. С одной стороны, поиск роли и места становится сложным и нелинейным процессом, все менее зависимым от природных факторов и все более определяемых социокультурными факторами, природные становятся незначительными, вторичными, все чаще уступая место надприродным, то есть собственно человеческим. Характер усвоения идентичности делает необходимой свободу личности, устраняя подчинение целому как обязанность. При этом сама проблемная ситуация рассогласования идентичности возможна становится возможной в условиях модерна, когда функциональный момент перевешивает традиционный. «Рефлексия на идентичность появляется с момента возникновения «кризиса идентичности.»[6,С.131]. Кризис идентичности знаменует уже вторая волна модернизации, непосредственно связанная с глобализацией, доведением проекта модернизации до своего предела. Социокультурные идентификационные факторы общества модерна первого порядка (национальные, гражданские, потребительские) так же подвергаются устареванию, уступая место необязательным, фрагментированным виртуальным, существующим и транслируемым в новой информационной среде. Это порождает проблемы идентификации личности и обществу, происходящие из еще более радикальных изменений структуры внутренней идентичности - неспособность осуществить процедуру самоидентификации, девиации идентичности.

Еще один симптом современности – противостояние разных моделей идентичности в рамках одного социокультурного пространства, сформированного глобализацией, интеграционные процессы, в направлении усиления взаимозависимости социокультурных субъектов разного масштаба и увеличении значимости общечеловеческих факторов. Развитие противопоставления дает возможность нарисовать сценарий конфликта, свидетельства которого и можно наблюдать в современном мире (столкновение культур малых национальных, этнических групп и глобальной мировой культуры). Это вызовы, общий мотив которых -повышение неопределенность и нестабильности. Из-за неравномерности социального времени происходит наслоение эпох, параллельное протекание их в одном культурном пространстве и искажение социокультурной реальности, попавшей под одновременное влияние двух трех сил. Современность – это стык не двух эпох, старой и новой, а трех традиции, модерна и постмодерна. И в таком случае остается проблема сочетания и соизмеримости разновидностей и уровней идентичности в глобализирующемся мире становится сверхактуальной

По мнению Федотовой Н.Н. «Глобализация выступает не только как наиболее значимый для смены идентичности процесс, но также как контекст формирования новых идентичностей. Глобализация усиливает процессы фрагментации, многообразие возможностей, самоопределение в отсутствие авторитетов и стандартизированное квазирыночное поведение. Именно таковы рамки глобальной идентичности.» [20,С.38] Таким образом, глобализация, как эпифеномен модернизации, создает условия для

преодоления собственной тенденции унификации, в перспективе делая возможным полилог идентичностей. Тем самым создаются условия снятия ограничений как внутренней, так и внешней идентификации, поскольку наиболее продуктивной потенциально оказывается та стратегия, которая выводит локальные идентичности на глобальный уровень: «дискурс глобализации, т. е. научные и повседневные, ненаучные представления о ней, усиливают значимость локального, традиционного, исторического, религиозного при формировании глубинной идентичности людей, не препятствуя ее плюрализации в сфере их функциональной деятельности. Именно последняя является главным местом эффективного применения идей толерантности.»[19,С.90] Это сценарий не представляется автору безболезненным и простым, но является вполне реализуемым, при условии согласованного проведения продуманной политики идентичности.

Концепция идентичности в оптимистическом варианте рассматривается как своеобразная методология, пересматривающая одномерность социального действия. В целом, данный интеллектуальный проект представляется возможностью обойти ограниченность гомогенности концепции модернизации, как в когнитивном плане, так и в цивилизационном, в проектном, в качестве методология выработки сценариев развития на базе новых контекстов культуры.

Литература

- 1.Бауман З. Индивидуализированное общество. - М. 2005.
- 2.Вебер М. Основные социологические понятия //Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. - С. 602–643.
- 3.Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. - С .63-207.
- 4.Волков Ю.Г., Мостовая И.В. Социология: Учебник для вузов / Под ред. проф. В.И. Добренькова. – М.: Гардарики, 1998.
- 5.Гудков Л.Д. К проблеме негативной идентификации//Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. – 2000. - № 5 (49). - С. 35-44.
- 6.Заковоротная, М. В. Идентичность человека. Социально-философские аспекты. – Ростов-н/Д: СКНЦ ВШ, 1999.
- 7.Костина А.В. Культурология. - 5-е изд. - М., КНОРУС, 2010.
- 8.Маркс К. Манифест коммунистической партии /К. Маркс, Ф. Энгельс. – Соч. 2-е изд., Т 4 – М., 1965.
- 9.Можейко М.А. Модернизации концепция // Новейший философский словарь : 3-е изд., исправл. — Минск: Книжный Дом, 2003.
- 10.Мчедлова М.М. Идентичность общероссийская / Российская цивилизация: Этнокультурные и духовные аспекты: Энциклопедический словарь/ Ред. Кол.: Мчедлов М.П. и др.; Авт. Кол.: Андреев А.Л. и др. – М. 2001.
- 11.Никифорова Л.В. Теории постиндустриального общества: наука или идеология? URL: www.terrahumana.ru/arhiv/06_01/06_01_04.pdf (дата обращения: 30.10.2013)
- 12.Поломошнов, А.Ф. Краткий курс житейской мудрости /А.Ф. Поломошнов. - п. Персиановский: Изд-во ДонГАУ, 2009. – 272 с.
- 13.Поломошнов, А.Ф. Парадигма философии истории /А.Ф. Поломошнов. - п. Персиановский: Изд-во ДонГАУ, 2006. – 163 с.
- 14.Поломошнов, А.Ф., Сапрыкина, Н.В. и др. Российские реформы на рубеже тысячелетий. /А.Ф. Поломошнов, Н.В. Сапрыкина, Л.А. Чернобродова, В.Г. Корнев, Л.И. Захарова. – п. Персиановский: Изд-во ДонГАУ, 2009. – 246 с.
- 15.Семенов Ю. И. Философия истории. - М. – 2003.
- 16.Смелзер Н. Социология: пер. с англ. — М.: Феникс, 1994.
- 17.Труфанова Е.О. Человек в лабиринте идентичностей //Вопросы философии. - 2010. - № 2.

18. Федотова Н. Н. Глобализация и изучение идентичности //Знание. Понимание. Умение. - 2011 — №1.
- 19.Федотова Н.Н. Мультикультурализм и политика развития // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2006. – № 3–4.
- 20.Федотова Н.Н. Теоретическая динамика рефлексии идентичности: формирование процессуальной теории. Специальность 22.00.01 – Теория, методология и история социологии Автореф. дис. докт. соц. наук.
- 21.Huntington S.P. The Change to Cange: Modernization, Development and Politics//Comparative Modernization. New York. 1976.

References

- 1.Bauman Z. Individualizirovannoe obshchestvo.[Individualized society] - M. 2005.
- 2.Veber M. Osnovnye sotsiologicheskie ponyatiya [Basic sociological concepts] //Veber M. Izbrannye proizvedeniya. M., 1990. - S. 602–643.
- 3.Veber M. Protestantskaya etika i dukh kapitalizma [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism] // Veber M. Izbrannye proizvedeniya. M.: Progress, 1990. - S .63-207.
- 4.Volkov Yu.G., Mostovaya I.V. Sotsiologiya: Uchebnik dlya vuzov [Sociology: Textbook for high schools]/ Pod red. prof. V.I. Dobren'kova. – M.: Gardarika, 1998.
- 5.Gudkov L.D. K probleme negativnoy identifikatsii [On the problem of negative identification] //Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny. – 2000. - № 5 (49). - S. 35-44.
- 6.Zakovorotnaya, M. V. Identichnost' cheloveka. Sotsial'no-filosofskie aspekty.[The identity of the person. Social and philosophical aspects] – Rostov-n/D: SKNTs VSh, 1999.
- 7.Kostina A.V. Kul'turologiya. [Culturology] - 5-e izd. - M., KNORUS, 2010.
- 8.Marks K. Manifest kommunisticheskoy partii [The Communist Manifesto] /K. Marks, F. Engel's. – Soch. 2-e izd., T 4 – M., 1965.
- 9.Mozheyko M.A. Modernizatsii kontseptsiya [Modernization concept] // Noveyshiy filosofskiy slovar' : 3-e izd., ispravl. — Minsk: Knizhnyy Dom, 2003.
- 10.Mchedlova M.M. Identichnost' obshcherossiyskaya [The identity of the All-Russia] / Rossiyskaya tsivilizatsiya: Etnokul'turnye i dukhovnye aspekty: Entsiklopedicheskiy slovar'/ Red. Kol.: Mchedlov M.P. i dr.; Avt. Kol.: Andreev A.L. i dr. – M. 2001.
- 11.Nikiforova L.V. Teorii postindustrial'nogo obshchestva: nauka ili ideologiya? [Theories of post-industrial society: Science or Ideology?] URL: www.terrahumana.ru/arhiv/06_01/06_01_04.pdf (data obrashcheniya: 30.10.2013)
- 12.Polomoshnov, A.F. Kratkiy kurs zhiteyskoy mudrosti [A short course of worldly wisdom] /A.F. Polomoshnov. - p. Persianovskiy: Izd-vo DonGAU, 2009. – 272 s.
- 13.Polomoshnov, A.F. Paradigma filosofii istorii [The paradigm of the philosophy of history]/A.F. Polomoshnov. - p. Persianovskiy: Izd-vo DonGAU, 2006. – 163 s.
- 14.Polomoshnov, A.F., Saprykina, N.V. i dr. Rossiyskie reformy na rubezhe tysyacheletiy. [Russian reforms at the turn of the millennium] /A.F. Polomoshnov, N.V. Saprykina, L.A. Chernobrodova, V.G. Kornev, L.I. Zakharova. – p. Persianovskiy: Izd-vo DonGAU, 2009. – 246 s.
- 15.Semenov Yu. I. Filosofiya istorii. [Philosophy of history] - M. – 2003.
- 16.Smelzer N. Sotsiologiya: [Sociology] per. s angl. — M.: Feniks, 1994.
- 17.Trufanova E.O. Chelovek v labirinte identichnostey [A man in a labyrinth of identities] //Voprosy filosofii. - 2010. - № 2.
- 18.Fedotova N. N. Globalizatsiya i izuchenie identichnosti [Globalization and identity study] //Znanie.Ponimanie.Umenie. - 2011 — №1.
- 19.Fedotova N.N. Mul'tikul'turalizm i politika razvitiya [Multiculturalism and development policy] // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noy antropologii. – 2006. – № 3–4.
- 20.Fedotova N.N. Teoreticheskaya dinamika refleksii identichnosti: formirovanie protsessual'noy teorii. [Theoretical dynamics of identity reflection: the formation of a procedural

theory] Spetsial'nost' 22.00.01 – Teoriya, metodologiya i istoriya sotsiologii Avtoref.dis.dokt. sots. nauk.

21.Huntington S.P. The Change to Cange: Modernization, Development and Politics//Comparative Modernization. New York. 1976.

Поломошнов Платон Андреевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и культурологии Ростовского государственного экономического университета.

УДК. 303.1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОВЕДЕНИЯ ИНДИВИДОВ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА РИСКА

Швандерова А.Р., Асташева Н.П.

В статье анализируются методологические принципы исследования поведения человека в контексте ролевого анализа, являющегося естественно-адаптационной реакцией человека на возникновение в обществе противоречий, о чем впервые заявили Э.Дюркгейм и Р. Мертон. Дюркгейм акцентирует внимание на переходных периодах в развитии общества, Мертон – на стадиях относительно стабильного функционирования, рассматривая девиантное поведение как продукт социальной адаптации. Применение данных параметров к известной типологии предполагает, на наш взгляд, дополнительное измерение девиации поведения и обуславливает введение новой характеристики – аберрантности.

Ключевые слова: *аномия, девиантное поведение, нонконформистское поведение, аберрантность, аберрантное поведение.*

METHODOLOGICAL PRINCIPALS OF STUDING THE BEHAVIOR OF INDIVIDUALS IN CONDITIONS OF RISK SOCIETY

Shvanderova A.R., Astasheva N.P.

The paper analyzes methodological principles of studying the behavior of person in the context of role-playing analysis, which is natural and adaptive human response to the emergence in society of contradictions, what first came to E. Durkheim and R. Merton. Durkheim focuses on transitional periods in the development of society, Merton - at the stages of relatively stable functioning, treating deviant behavior as a product of social adaptation The application of these parameters to a known typology suggests, in our view, additional measurement of deviations of behavior and leads to the introduction of a new performance – aberrantly.

Keywords: *anomie, deviant behaviour, non-conformist behavior, aberrantly, aberrant behavior.*

Социогенный риск – объективное условие жизнедеятельности современного российского общества: институциональные преобразования, направленные на кардинальное переустройство социальной системы, глубокий экономический кризис, беспрецедентное внешнеполитическое давление, информационная война, социальная дифференциация, аномия - создают в обществе ситуацию неопределенности, собственной незащищенности и уязвимости, ощущение утраты контроля над социальными изменениями, что, в свою очередь, выливается в общественные конфликты, некоторые формы социальной напряженности и различные формы девиации. Поэтому принципы исследования различных форм девиаций нуждаются в постоянном внимании и развитии.

История науки знает множество разнообразных теорий девиации, которые условно можно сгруппировать по трем видам, в зависимости от того, что их авторы рассматривают в

качестве причины отклоняющегося поведения: теория физических и биологических типов; психоаналитические теории; социологические или культурные теории [5].

Наиболее адекватным, по нашему мнению, является объяснение девиантного поведения с социологической точки зрения, как разновидности ролевого поведения, которое служит естественно-адаптационной реакцией человека на возникновение в обществе противоречий.

Первая попытка объяснить девиацию как социальный феномен, как известно, была предпринята Эмилем Дюркгеймом, который выбрал термин «аномия» для обозначения дезорганизации социальной жизни, при которой нормативный, институциональный порядок в обществе перестает выполнять свою регулирующую роль [1], нормативно-функциональные требования системы и реальное поведение индивидов становятся крайне рассогласованными, что приводит к отчуждению индивидов от общества. В такой ситуации люди, лишенные ценностно-нормативной ориентации, пребывают либо в состоянии крайнего возбуждения, либо впадают в глубокую депрессию, чаще всего, руководствуясь сиюминутными интересами.

Как отмечают В.Г. Зарубин и Н.А. Мартыанова [2], «ядром теории Дюркгейма было его определение «человека двойственного», согласно которому несоциализированную, импульсивную сторону человеческой природы нужно сдерживать и контролировать с помощью общественной морали», социальных норм, которые устанавливают границы, условия, формы поведения, характер отношений, цели и способы их достижения. Нарушение же норм вызывает конкретную и четкую негативную реакцию со стороны социальной группы, общества, его институциональных форм, направленную на преодоление отклоняющегося от нормы поведения. **Неоднородность и неустойчивость социальных связей может стать причиной социального хаоса.**

Теория Роберта К. Мертон делает акцент не на конфликте индивидуальной личности, а на конфликте **внутри** социальной структуры. Поэтому Мертон вносит некоторые коррективы в концепцию аномии, предложенную Дюркгеймом, используя два понятия «аномия» и «социальная структура» общества. При этом первое явление (аномия) выступает как следствие процессов, происходящих в рамках второго явления (социальная структура).

Социальная структура, по Мертону, образуется из двух составляющих: существенных целей, которые ставят перед собой социальные группы общества (либо которые ставит перед ними жизнь), и средств, которые употребляются в ходе достижения указанных целей. Сами эти средства неоднородны, их можно разделить на предписываемые (законные) и наиболее эффективные, наиболее успешные, ведущие к результату кратчайшим путем. Мертон полагает, что в том случае, когда отношения личности и общества не отрегулированы, причиной девиации является разрыв между культурными целями общества и социально одобряемыми средствами их достижения.

Таким образом, для концепции Мертона **чрезвычайно важно** указание на то, что законность и эффективность вовсе необязательно совпадают применительно к избираемым средствам. Следующим **важным положением является указание** на то обстоятельство, что в принципе господствующее в данном обществе отношение к целям и к средствам может быть неодинаковым. Так, все внимание может быть перенесено на цели. А к характеру средств может допускаться полное пренебрежение и наоборот.

Изучение дюркгеймовской и мертоновской трактовок аномии показывает, на наш взгляд, что они взаимодополняемы. Если первая акцентирует внимание на переходных периодах в развитии общества, то вторая – на стадиях относительно стабильного функционирования. При этом обе концепции описывают и объясняют соционормативные аспекты регуляции поведения, которые самым тесным образом связаны с механизмом детерминации отклоняющегося поведения. **Аномия, как в форме безнормативности, так и в форме рассогласования целей и средств, выступает в качестве одной из существенных предпосылок, опосредующих генезис девиантного поведения.** Оно может принимать

множество форм, поэтому следует тщательно анализировать каждую форму девиации для определения породивших ее факторов.

Безусловно, основой оценки девиантного поведения индивида является анализ его взаимодействия с реальностью, поскольку главенствующий принцип нормы – адаптивность – исходит из приспособления к чему-то или к кому-то, то есть реальному окружению индивида и предполагает мотивы, цели, направленность субъектов действия, само действие, ожидание, оценку, средства обеспечения этого взаимодействия, позволяют четко различать нормативное как поведение, соответствующее социальной норме определенного социума, и ненормативное (отклоняющееся от норм) поведение. В ненормативном же поведении, по нашему мнению, необходимо различать:

- *поведение, не урегулированное никакой социальной нормой*, потому что просто нет таковой – ни религиозной, ни моральной, ни правовой. Например, в разные эпохи и в разных культурах существовали свои правила, эталоны отношений к суицидам: самоубийство осуждается с точки зрения христианской морали, а в Индии и Японии в определенных обстоятельствах суицид не просто допускали, а считали обязательным (самоуничтожение вдов – обычай сати; харакири – у самураев). Отсутствие *общей* нормы отношения к суициду до сегодняшнего дня порождает в современном мире бесконечные дискуссии о «нормативности» и «ненормативности» эвтаназии (одобрение эвтаназии в отдельных странах не имеет на сегодняшний день *общего* характера);

- *поведение, противоречащее существующей норме*, отклоняющееся от нее. Мы анализируем именно этот тип ненормативного поведения.

Мертон рассматривает девиантное поведение как продукт социальной структуры и выделяет пять типов индивидуальной адаптации в зависимости от того, принимает человек культурные нормы или нет:

- **конформист** принимает как культурные цели, так и институциональные средства, одобряемые в обществе, и является лояльным членом общества;

- **инноватор** пытается достигнуть культурных целей (которые он принимает) неинституциональными средствами (включая криминальные);

- **ритуалист** принимает институциональные средства, которые абсолютизирует, но цели, к которым он должен стремиться с помощью этих средств, игнорирует или забывает;

- **изолированный тип** отходит как от культурных, традиционных целей, так и институциональных средств, необходимых для их достижения (например, бомжи, наркоманы, алкоголики);

- **мятежник** пребывает в нерешительности относительно как средств, так и культурных целей; он отступает от существующих целей и средств, желая создать новую систему норм и ценностей и новые средства для их достижения [4].

Разумеется, все пять типов поведения приобретают свою специфику, преломляясь через индивидуальное сознание, и потому в реальной жизни могут дать множество вариаций. Но в любом случае этот тип ненормативного поведения, по Мертону, – нормальное, ожидаемое следствие деформации социальной структуры, где рассогласованы измерения норм и ценностей и измерения возможностей.

Однако предложенная Мертоном типология девиантных форм поведения, хотя и схватывает их сущностные характеристики, все же описывает их безотносительно *регулирующим нормативным системам и мотивации поведения*. В то время как применение этих параметров к типологии предполагает, на наш взгляд, *дополнительное измерение девиантного поведения и обуславливает введение его новой характеристики – аберрантности*. Рассмотрим природу и роль аберрантности в типологии девиантного поведения, обратившись к теории Р. Мертона. Он выделяет:

- **неконформистское поведение** (принципиальное отклонение) – социально значимое отклонение от общепризнанных норм поведения, определяющее наиболее прогрессивный в энергетическом, а значит, и в адаптационном плане, вектор эволюционного развития общества;

- аберрантное - целесообразное отклоняющееся поведение в условиях дезорганизации, дисфункции основных социальных институтов, патологии социальных связей, взаимодействий, то есть всего того, что со времен Э. Дюркгейма определяется как аномия.

Нонконформистское поведение способствует прогрессу системы, повышает уровень её организованности, помогает преодолеть устаревшие, консервативные или даже реакционные стандарты поведения, а *аберрантное* допускает совершение человеком или группой людей социальных действий, отклоняющихся от доминирующих в социуме (отдельной социальной группе, страте) социокультурных ожиданий и норм, общепринятых правил выполнения социальных ролей, влекущих за собой сдерживание темпов развития общества: разрушение энергетического потенциала отдельных личностей и общества в целом. При этом такая разрушительная (асоциальная) девиация это не только и не всегда поведение, уголовно наказуемое, запрещенное законом, она является лишь одной из форм данного вида девиантного поведения.

Чтобы выявить роль аберрантности в типологии девиантного поведения, сравним характеристики нонконформизма и аберрантности, предложенные Мертоном [3] (табл. 1).

Таблица 1 - Альтернативные типы девиантного поведения

Нонконформизм – публичное попрание социальных норм, включающее инновацию, ритуализм, мятеж, эскапизм	Аберрантность – целесообразное и скрытное использование социально неодобряемых, в том числе инновационных средств достижения цели
1. Нонконформисты публично объявляют о своем несогласии с социальными нормами и не стараются скрыть этого.	1. Аберранты публично соглашаются, стремясь избежать общественного осуждения.
1. Бросают вызов законности, социальным нормам, которые отрицают или, по крайней мере, противостоят их применению.	1. Осознают законность норм, которые нарушают, но считают такое нарушение приемлемым для себя.
1. Стремятся заменить морально подозрительные с их точки зрения нормы теми, которые кажутся им морально обоснованными.	1. Стараются избежать наказуемого воздействия существующих норм, не предлагая им замены.
1. Становятся социальной нормой вследствие дискретного институционального изменения, целенаправленного проектирования (посредством инновационных изменений).	1. Оцениваемые большинством как успешные, целесообразные, становятся «законными» нормами путем институализации, часто как результат политической популистской спекуляции.

Сравнение показывает, нонконформизм и аберрантность – два альтернативных типа девиантного поведения, имеющие инновационный характер положительной и отрицательной направленности.

Рисунок 1 – Аберрантность в типологии социального поведения

При этом *аберрантность конкретизирует все четыре основных формы девиации – инновацию, ритуализм, мятеж, эскапизм – с точки зрения утверждения активной индивидуальной мотивации поведения, направленной на установления права на личностные предпочтения и противопоставления личности сложившемуся социальному порядку.*

Аберрантность, на наш взгляд, чревата опасностью «незаметного» перехода к делинквентности, поскольку искажения в системе ценностей неизбежно ведут к разложению социальных институтов: возникает «двойная мораль», при которой противоречивые нормы используются одним и тем же лицом или социальной группой для разных целей. Например, общественные нормы предписывают «не укради», а ограниченные возможности использовать законные пути для реализации своих целей вынуждают определенную часть населения нарушать социальные нормы, создавать новые «правила игры».

Складывается такая ситуация: когда официальные законы и предписания отстают от изменения интересов, ценностей и потребностей значительной части населения, общество переживает период трансформации признанных социокультурных ценностей. Развивается аномическая деморализованность (растерянность, вызванная отсутствием как ценностей, так и регулирующих норм), она порождает различные нормативные реакции на аномию. П. Штомпка считает [6], чтобы понять механизм таких нормативных реакций и увидеть результат изменений, необходимо сосредоточиться на способе, при помощи которого нормы (или измененные нормы) возникают из действий, предпринимаемых различными социальными агентами. Для этого Штомпка предлагает рассмотреть схему инновационного процесса.

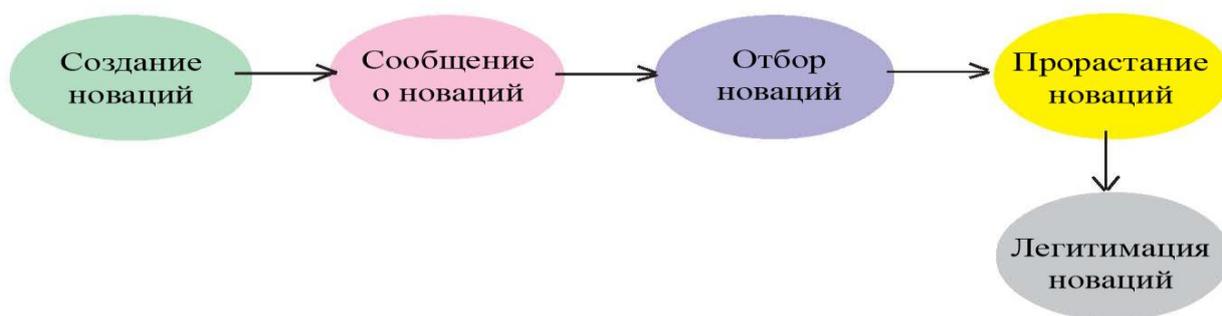

Рисунок 2 – Инновационный процесс в стабильном обществе

Однако данная схема развития инновационного процесса возможна, по нашему мнению, только в стабильном обществе, в котором девиация не выходит за рамки критического для системы уровня. В обществе риска, аномических явлений инновационный процесс утрачивает последовательность, механизмы селекции перестают функционировать, появление, распространение и внедрение новых, отклоняющихся от былых стандартов, норм носит хаотичный характер, что еще больше усиливает нестабильность социума.

Рассмотрим генезис аберрантного (целесообразного отклонения) и нонконформистского (принципиального отклонения) поведения, предложенный Мертоном

[3]: любое изменение норм предполагает в качестве своего рода прелюдии нормативные отклонения (см. рисунки 3 и 4).

Морфогенез путем нормативного отклонения начинается с отдельных случаев аберрантного поведения тех, кто находит нормы чересчур строгими, хотя в целом вполне законными.

Но наиболее важная фаза, полагает Мертон, наступает тогда, когда принимающее все больший размах аберрантное, но удачливое поведение стремится ослабить или даже уничтожить законность институциональных норм, действующих в системе.

Институционализация отклонений включает в себя четыре момента:

- во-первых, они имеют определенный, регулярный характер;
- во-вторых, принимаются большинством, т. е. из частной сферы переходят в общественную;
- в-третьих, организованы в виде хорошо отработанной «социальной механики»;
- в-четвертых, редко наказываются, а если и подвергаются санкциям, то обычно в символической форме, чтобы подтвердить священность правил. Существуют три более специализированных варианта институционализированного отклонения.

Первый — «нормативная эрозия». Иллюстрацией может быть медленная, но уверенно распространяющаяся либерализация сексуальных нравов или постепенное, но не менее уверенное ослабление легальных стандартов относительно порнографии.

Второй вариант - «сопротивление нормам»: новые нормы вводятся указом «сверху» и отличаются от традиционных образцов поведения. Это можно наблюдать при проведении реформ, направленных против общепринятых обычаев, стереотипов, предрассудков или моральных обязательств.

Третий вариант — «замещение норм». Старые нормы остаются в силе, но широко распространившиеся отклонения как бы приобретают законность благодаря масштабам и длительной традиции их применения. Отклонение может стать отчасти законным просто за счет длительного существования.

Все три формы институционализированного отклонения ведут к конечной фазе морфогенеза — установлению властями новых норм или приобретению последними статуса санкционированных, полностью легитимных и встроенных в новую нормативную структуру».

Рисунок 3 – Генезис аберрантного поведения в обществе риска

Альтернативный механизм нормативного морфогенеза – нонконформизм - накопление новаций. В этом случае ставится под сомнение действенность самих норм, отрицаются те или иные привычки, традиции, обычаи, законы, причем делается это открыто, а иногда даже с вызовом, демонстративно. Мертон такое поведение можно называет «бунтом». Бунт ведет к полной переоценке всего и вся, когда прямой или заимствованный опыт фрустраций влечет за собой полнейшую дискредитацию ранее принятых ценностей. Идентична схеме инновационного поведения, предложенной П. Штомпкой, и альтернативна генезису аберрантного поведения:

Рисунок 4 – Генезис неконформистского поведения в обществе риска

Само понятие нормативных новаций имеет широкое приложение. Его можно отнести к ученым, выдвигающим новые научные парадигмы, изобретателям, реализующим оригинальные технологические решения; религиозным деятелям, предлагающим собственные трактовки добра и справедливости; художникам или писателям, изобретающим новый творческий стиль; предпринимателям, реорганизуящим производство или торговлю; политикам или правителям, вводящим новый кодекс законов, и т. д. В каждом случае ниспровержение прежних норм и правил начинается с проявления творчества, оригинальности, с отхода от существующих общепринятых традиций. Между тем моментом, когда выдвигается какая-то новация, и временем, когда она становится, наконец, общепринятой, замещая господствовавшие прежде предписания, представления и нормы лежит значительная дистанция. Процесс, как мы видим на **рис.4**, может быть разбит на четыре стадии, и каждая стадия полна случайностей: процесс может продолжиться, а может и застопориться, достичь конечной фазы морфогенеза или остановиться на полпути.

Здесь, конечно, требует ответа отдельный и чрезвычайно важный вопрос: **какова природа критериев отбора** («селекторов»), которые одним новациям не дают распространяться, а другим позволяют прорываться, даже «подталкивают» их. Мы знаем, что в любом обществе действуют три основных «селектора»: правящая элита, правовые нормы, культурно-ценностные ориентации и установки населения (доминирующие коллективные представления о социальном порядке). Несомненно, очень важным критерием отбора, действующим на большом временном интервале, являются объективно выраженные интересы членов общества (два других критерия на большом временном интервале могут радикально измениться, либо вообще уйти с «поля боя»). И если новации успешно прорываются сквозь все фильтрующие механизмы и достигают широкой общественности, начинается фаза их масштабного распространения и утверждения в качестве новых социальных эталонов.

Действительно, и неконформистское и aberrантное поведение инициируют пути нормативного морфогенеза противоположной направленности - посредством нормативных новаций и нормативного отклонения. При этом и то и другое являются уникальными новыми формами социального становления.

Таким образом, применяя структурно-функциональную, институционально-эволюционную интегрированную методологию можно, на наш взгляд, четко представить, как формируется логичный результат всевозможных нормативных морфогенезов - от изменения-отклонения к «норме-оправданию». То есть, реальность новых правил определяется их действенностью, всеобщностью признания и адекватностью применения в рамках различных социальных институтов. При этом складывается парадоксальная ситуация: следование старым нормам квалифицируется как девиация (или, по меньшей мере, анахронизм, консервативное, не отвечающее духу времени поведение), а то, что раньше считалось отклонением, воспринимается как конформизм.

Литература

1. Дюркгейм Э. Самоубийство. - М. 1994. - С.238.
2. Зарубин В.Г., Мартьянова Н.А. Концепция структурного функционализма Роберта К. Мертона. - Ростов-на-Дону- СПб., 2010. - С.78-79
3. Merton R.K/ Social Research and Practicing Profession. Cambridge. 1982 p.72-73. (Использован перевод из: Штомпка П. Социология социальных изменений. /Пер. с англ. Под ред. Ядова В.А. - М., 1996. - С.314-318.
- 4.Мертон Р. Социальные теории и социальная структура //Социологические исследования. - 1992. - №№ 2 - 4.
5. Смелзер Н. Социология: пер. с англ. – М., 1994.
6. Штомпка П. Социальные изменения как травма. //Социологические исследования. - 2001. - № 1. - С.7-10.

References

1. Djurkgejm Je. Samoubijstvo.[Suicide] - M. 1994. - S.238.
2. Zarubin V.G., Mart'janova N.A. Konceptija strukturnogo funkcionalizma Roberta K. Mertona. [The concept of structural functionalism of Robert K. Merton] - Rostov-na-Donu- SPb., 2010. - S.78-79
3. Merton R.K/ Social Research and Practicing Profession. [] - Cambridge.1982 p.72-73. (Ispol'zovan perevod iz: Shtompka P. Sociologija social'nyh izmenenij. /Per. s angl. Pod red. Jadova V.A. - M., 1996. - S.314-318.
- 4.Merton R. Social'nye teorii i social'naja struktura [Social theory and social structure] //Sociologicheskie issledovanija. - 1992. - №№ 2 - 4.
5. Smelzer N. Sociologija: [Sociology] per. s angl. – М., 1994.
6. Shtompka P. Social'nye izmenenija kak travma. [Social change as trauma] //Sociologicheskie issledovanija. - 2001. - № 1. - S.7-10.

Швандерова А.Р. – кандидат социологических наук, доцент кафедры теории истории и права государства ФГБОУ ВО Ростовский филиал «РГУП».

Асташева Н. П. - доктор биологических наук, профессор ГБОУ ВО Московского областного технологического университета.

УДК 291.11

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ФЕНОМЕНА РЕЛИГИОЗНОСТИ

Шпалова Е.В.

В статье анализируются альтернативные концептуальные подходы к изучению феномена религии. Многообразие религиозных форм, языковые различия для выражения этих форм в разных культурах делают чрезвычайно трудной проблему поиска характерных черт, которые позволили бы относить некоторые явления к религиозным. Все это усложняет проблему определения религии. Насчитывают более 250 таких определений, и число это постоянно растет, и рассмотреть их все невозможно, однако все определения можно разделить на группы и изучить характерные черты каждой из них. Выделяются следующие основные группы определений религии: теологические, философские, психологические.

В понимании сущности религии выделяются два основных направления: религиозное и атеистическое. Внутри этих двух направлений существует множество разнообразных трактовок.

Особое внимание автором уделяется культурологическому анализу феномена религии. Религия с точки зрения культурологического подхода должна рассматриваться как социокультурный институт в контексте ее взаимодействия с другими социальными институтами и в динамике социокультурного исторического процесса.

Ключевые слова: религия, теология, философия религии, психология религии, культурология религии.

**THEORETICAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE PHENOMENON
OF RELIGIOUS**

Shpalova E.V.

The article analyzes the alternative conceptual approaches to the study of the phenomenon of religion. The variety of forms of religious, linguistic differences for these forms of expression in different cultures make it extremely difficult problem of finding the characteristics which would allow classification of certain religious phenomena. All this complicates the problem of defining religion. There are more than 250 such determinations, and the number is constantly growing, and consider them all is impossible, but all definitions can be divided into groups and to examine the characteristics of each of them. There are the following main groups of definitions of religion: the theological, philosophical, and psychological.

In the understanding of the essence of religion there are two main areas: the religious and atheistic. Within these two areas there are many different interpretations.

Particular attention is paid to the cultural analysis of the phenomenon of religion. Religion from the perspective of cultural approach should be seen as a social and cultural institution in the context of its interaction with other social institutions and socio-cultural dynamics of the historical process.

Keywords: religion, theology, philosophy of religion, psychology of religion, cultural studies of religion.

Современный этап развития науки обозначил потребность в изучении влияния религии на повседневное поведение людей и, в частности, молодежи. Отличительной особенностью религиозной ситуации в нашей стране на данном этапе является переход от религиозного индифферентизма к формальной религиозности, чему поспособствовали преобразования, проводимые в нашей стране в последние двадцать лет. Политические и правовые перемены в стране, ликвидация официальных и неофициальных запретов,

административных и нравственных притеснений верующих, принятие нового законодательства о свободе совести позволили более свободно исповедовать веру. [15] Ухудшение экономического положения, политическая нестабильность, межэтнические конфликты, ожидание экологических и техногенных катастроф так же стимулировали всплеск интереса к религии и церкви, как формам самозащиты личности и сохранения национальной культуры. В итоге, в стране, население стало менять атеистические взгляды на религиозные. Вместо прошлой практики административного внедрения атеизма началось административное внедрение религии, которая активно пропагандируется в наши дни СМИ и массовой культурой.

Поэтому изучение религиозной культуры невозможно без уточнения самого понятия «Религия». Религия как явление, присущее человеческому обществу на протяжении всей его истории и охватывающее до настоящего времени подавляющую часть населения земного шара, является, все же, областью, мало понятной для очень многих людей. Одной из причин этого факта служит то обстоятельство, что религию, как правило, оценивают по ее внешним признакам, по тому, как она практикуется ее последователями в культе, в личной и общественной жизни. Отсюда проистекает масса различных трактовок религии, усматривающих ее существо либо в элементах, являющихся в ней второстепенными, незначительными, либо даже в ее искажениях, которых не избежала ни одна религия.

Так в современном мире перед учеными, как материалистами, так и идеалистами, встают важнейшие задачи по изучению феномена религиозности и веры. Поэтому в данном параграфе мы уделим внимание определению религии с философской точки зрения и рассмотрим некоторые теоретические воззрения философов и психологов, касающихся сущности религиозных переживаний человека. Особое внимание уделим изучению внутреннего мира верующего и влиянию религиозности на развитие личности. Но прежде, чем приступать к рассмотрению этих задач, необходимо, все-таки, определиться с тем, что мы называем религией.

Изучая всеобщую историю человечества, мы наблюдаем, как на фоне постоянных войн, борьбы за власть, появляются учения, пытающиеся показать людям их настоящее лицо, определить цели и задачи, указать место в космической эволюции.[14] К таким учениям относятся мировые религии. В своем учебнике А.А. Круглов задает вопрос: «Что же такое религия?» Отвечая на этот вопрос, он приводит интересные факты. Оказалось, что в нашей стране действуют более 26 официально зарегистрированных конфессий и более 30 неокультов. К верующим причисляет себя каждый второй житель, но при этом никто не может дать определение «Религии», и, как правило, опрошенные могут назвать только около 6 конфессий: православие, католицизм, баптизм, иудаизм, иеговизм, ислам.[9,С.43-44].

Религия и на самом деле является весьма сложным явлением, и остается некоторой тайной не только для неверующих, но и для большинства верующих. Даже происхождение термина «Религия» трактуется по-разному: от лат. «Religio» - благочестие, благоговение, святость; от лат. «Relegere» - вновь собирать, обсуждать, обдумывать; от лат. «Religare» – связывать, соединять; от лат. «Reeligare» - воссоединять, вновь отыскивать. Возможно, что первоначально это выражение обозначало привязанность человека к чему-либо священному, постоянному, неизменному. Слово «Религия» вошло в обиход в первые века христианства и подчеркивало, что новая вера – не дикое суеверие, а глубокая философская и нравственная система.

Религия может быть рассмотрена в разных ракурсах: с точки зрения психологии человека, с исторической, социальной, с какой угодно, но определение этого понятия будет в решающей степени зависеть от главного – признания существования высших сил, т.е. Бога или Богов.

Известно значительное расхождение научных подходов к определению понятия «религия». Так американский социальный психолог Г. Оллпорт насчитывает около пятидесяти религий [12, С.130], российские ученые религиоведы- Е.И. Аринин - более ста

[1], И.Н. Яблоков - двести пятьдесят. [26] Соответственно пути конструирования определения религии также многообразны.

Науке известно около пяти тысяч религий. Многообразие религиозных форм, языковые различия для выражения этих форм в разных культурах делают чрезвычайно трудной проблему поиска характерных черт, которые позволили бы относить некоторые явления к религиозным. Все это усложняет проблему определения религии. Насчитывают более 250 таких определений, и число это постоянно растет, и рассмотреть их все невозможно.

Понятие «религия» трактуется в литературе неоднозначно, в одних определениях предпринимаются попытки найти в религии такие признаки, которых нет у других образований, выделить единое, специфическое свойство религиозного сознания, специфическое действие, функцию, а в других - продолжает сохраняться устойчивая традиция более расширенного толкования религии. Нужно сказать, что трактовка религии напрямую зависит от мировоззрения автора, с какой точки зрения он рассматривает данный феномен.

Однако все определения религии можно разделить на группы и изучить характерные черты каждой из них. Выделяют следующие группы определений религии: теологические, философские, психологические. [19] В понимании сущности религии выделяют два основных направления: религиозное и атеистическое. Внутри этих двух направлений есть множество разнообразных трактовок.

Теологические определения осмысливают религию изнутри, исходят из той ее модели, которую задает соответствующая религия и конфессия. Несмотря на различие религиозных конфессий, в этом вопросе общим для всех является то, что они рассматривают религию как связь человека с Богом. Определения этого типа можно разделить на две группы: супранатуралистические и исторические.

Супранатуралистические определения исходят из того, что религия - это действительно существующая связь человека с Богом, она возникает из Откровения Бога, она дана человеку Богом раз и навсегда в неизменном виде. Эти определения не могут объяснить причин изменения религии. Их авторы считают, что человек нуждается в понятии Абсолюта, присутствие которого он постоянно ощущает; это ощущение помогает человеку упорядочить свою собственную жизнь. Русский религиозный философ П. Флоренский писал, что «религия - это система действий и переживаний, обеспечивающих душе спасение. Душу окружает хаос общественных отношений и собственных бессознательных импульсов. Религия помогает выстроить из этого хаоса целостный закономерный мир и тем самым спасает душу от хаоса.» [19].

Исторические определения утверждают, что религия и общество тесно связаны. Религия является априорным, доопытным переживанием. Однако в обществе она испытывает разнообразные влияния со стороны государственных, семейных, экономических и других отношений. Таким образом, религия представляет собой одновременно и субъективное отношение к Богу, и историческую реальность. Эту точку зрения развивали многие богословы, в частности немецкие теологи Эрнст Трельч и Рудольф Отто. Исторические определения позволяют понять религию как исторический феномен, изменяющийся в соответствии с изменениями общества и в то же время сохраняющий неизменной свою способность к трансцендированию - выходу за пределы реальности с целью конструирования смыслового поля существования.

Так авторы Полного православного богословского энциклопедического словаря трактуют религию как «исконно присущую человеку потребность общения с Богом», настаивая на том, что только «в религии человек находит для себя высшее и совершенное удовлетворение и руководство в своей деятельности» [13]. Протестантский философ Р. Отто (1869-1937) сводит религию к априорно присущему человеку «переживанию святого», обусловленного силой исходящей от божества. П.А. Флоренский (1882-1937), являясь православным богословом и философом, утверждал, что «...онтологически религия есть жизнь нас в Боге и Бога в нас», она есть «система таких действий и переживаний, которые

обеспечивают душе спасение» [17,С.426]. С.Н. Булгаков, крупный русский мыслитель и богослов, писал «в самой общей форме можно дать такое определение религии: религия есть познание Бога и переживание связи с Богом». [5,С.231] Современный богослов, профессор Н.Н. Фиолетов в «Очерках христианской апологетики» (1992) считает, что религия «есть целостное отношение к абсолютному началу, определяющее смысл всей жизни и деятельности». [9,С.47]

Таким образом, мы можем отметить, что у богословов, несмотря на конфессиональные различия, существует общее мнение о том, что религия – это нечто возвышенное, величина особого рода, возникшая в результате взаимосвязи человека с Богом. Под термином религия, ими понимаются воззрения, основанные на признании реального существования сверхъестественных сил и возможности отношений с ними. Богословы приписывают религии следующие общеобязательные требования: 1.исповедовать Бога, как духовное начало и Творца всего сущего, в том числе и человека; 2.верить в способность человека к духовному единению с Богом в результате соблюдения догматов и заповедей данной религии; 3.признавать первичность духовных и нравственных ценностей по сравнению с ценностями материальными 4.соблюдать культ всех обрядовых предписаний, таинств и действий.

Философские определения позволяют взглянуть на религию как на особое образование, выполняющее в обществе важные функции. [16] Они стремятся отыскать признаки религии извне, сознательно дистанцируют себя от какой бы то ни было религии, и часто занимают по отношению к ней критическую позицию.

Философский подход к феномену религиозности характеризуется многообразием, которое обусловлено различными взглядами мыслителей. Условно эти взгляды можно разделить на два направления: идеалистическое и материалистическое. Философы идеалистического направления отстаивают позиции религиозной философии, а философы – материалисты – атеистической.

Цель философов идеалистов – доказать, что религия является обязательной частью человеческой души. И что она необходима и вечна, и это исходит из общей картины мира и самого человека. В. Зеньковский утверждал: «...сама по себе религиозная функция является неотъемлемой, неустранимой общечеловеческой силой души, принадлежащей к самой природе души». [7,С.84]

Философы – материалисты осуществляют анализ религии с помощью научного подхода. Так, например, для марксистской философии характерно отвержение утверждений теологов о врожденном характере религиозных представлений и чувств, их обусловленности божественной причиной. Религиозное сознание рассматривается ею как исторически приходящее явление, «как специфическое отражение социальных условий жизни людей». [4,С.5]

Идеалисты в своих трудах подчеркивают преимущества религиозного образа жизни, который, по их мнению, очищает помыслы человека, придает жизни осмысленность, обеспечивает гармоничное развитие от младенчества до самой смерти. Философы – идеалисты, как и богословы, в своих определениях религии с различных позиций отстаивают ее вечность и необходимость для жизни людей. К такого рода определениям религии, можно отнести субъективно - идеалистические (Джеймс У.), биологизаторско - психологические (Фрейд З., Фромм Э., Юнг К.), антропологические (Малиновский Б., Фрейзер Д.), социологические (Э. Дюркгейм и др.) и др.

Философы – материалисты предпочитают видеть обратную сторону, они считают, что «религия, наряду с политикой, правом, наукой, моралью и искусством, является лишь одной из форм общественного сознания». [4,С.176] Они считали, что религиозное отражение окружающей действительности не только не может приблизить человека к абсолютной истине, а, наоборот уводит от нее.

Наиболее оригинальный взгляд на соотношение религии и общества в истории философии высказал И. Кант. Он считал, что человек как свободное существо должен

следовать категорическому императиву, т.е. нравственному закону. Этот закон требует полноты нравственной добродетели, которая недостижима в «мире вещей для нас», следовательно, достижение этой высшей добродетели возможно только в перспективе, а значит, душа бессмертна и Бог является гарантией этого бессмертия и моральной основой бытия.

Кант различает религии моральные и статуарные. Моральные религии основаны на вере «чистого разума», в них человек с помощью собственного разума познает божественную волю в себе самом. Статуарные религии основаны на исторической традиции, в них познание происходит посредством Откровения Бога, их нельзя признать обязательными для людей. Только моральная религия является обязательной. Религия возникает сначала как моральная, но, чтобы получить распространение в обществе, она принимает статуарный характер. Высшая форма религии — христианство, причем, прежде всего, в его протестантской разновидности.

Кант говорил о необходимости поворота религии от индивидуума к обществу и о социальных задачах религии. К этому выводу он приходит через анализ добра и зла в мире и человеке. Каждый человек предрасположен к животности, человечности и личности. И лишь при воздействии на людей произвола они становятся злыми, то есть заложенное в них зло проявляется. Но злой от природы человек может стать добрым через революцию своего образа мышления, которая для нас возможна вследствие наших первоначальных моральных предрасположений. Каждый человек должен совершать в себе эту революцию образа мышления. [8]

Кант утверждал, что большинство страстей человека, если не все, возникают из-за того, что мы живем общей жизнью с другими. То есть из-за социальных отношений. Поэтому для торжества доброго принципа над злым, необходимо не только каждому человеку стать другим, но и изменить общество в целом. Надо основать «Общество по закону добродетели или царство Божие на Земле». Подобно юридическому, в таком обществе возникает общий этический строй, а люди сознательным образом объединятся в народ Божий.

Несмотря на то, что сам Кант считал, что идеал такого общества для людей никогда не достигим, он все же призывал не быть бездеятельными и стремиться приблизиться к нему. Изменение общества философ не мыслит без изменения церкви. Существующую церковь он называет «видимой церковью», основанной на церковной вере, на откровении. Такая церковь никогда не сможет заменить «невидимую церковь», «чистую веру религии.» [8, С.438] В процессе изменения общества религиозная этика должна сыграть важную роль. Священный текст необходимо, по мнению Канта, трактовать моралистически. И только таким образом традиционная церковная религия сможет приблизиться к своей цели. К вере чистой религии, вызвав тем самым изменения в обществе.

Немецкий философ Г. Гегель считал, что религия является одной из форм самопознания Абсолютного духа, наиболее адекватной его природе. Религия равнозначна философии, у них один предмет - вечная истина, Бог и объяснение Бога. Но они различаются по методу исследования: религия исследует Бога с помощью чувств и представлений, а философия - с помощью понятий и законов.

Л. Фейербах в отличие от Канта и Гегеля считал, что религия появилась в результате отчуждения от человека самых лучших его характеристик, возведение их в абсолют и поклонение им. Он считал, что такую религию нужно уничтожить, а на ее место поставить поклонение одного человека другому, или любовь человека к человеку.

Так, например, К. Маркс считал, что религия – специфическая форма общественного сознания, отличительным признаком которой является фантастическое отражение в сознании людей господствующих над ними внешних сил. «Всякая религия является ни чем иным, как фантастическим отражением в головах людей тех внешних сил, которые господствуют над ними в их повседневной жизни,— отражением, в котором земные силы принимают форму неземных. В начале истории объектами этого отражения являются прежде всего силы приро-

ды, которые при дальнейшей эволюции проходят у различных народов через самые разнообразные и пестрые олицетворения... Но вскоре, наряду с силами природы, вступают в действие также и общественные силы, — силы, которые противостоят человеку в качестве столь же чуждых и первоначально столь же необъяснимых для него, как и силы природы, и подобно последним господствуют над ним с той же кажущейся естественной необходимостью». [26, С.308]

Марксистская философия определяет религию как веру в сверхъестественное. В первобытном обществе люди зависели от стихийных сил природы, поэтому обожествляли их. С появлением классов и развитием общественных отношений люди познают законы природы, научаются пользоваться ими для достижения своих целей, поэтому природа перестает быть загадкой и предметом поклонения. Ее место занимают общественные отношения, которые становятся все более непонятными для людей. Как на земле воцаряется единый монарх, так и на небе появляется единый Бог.

Марксистской философии характерно отвержение теологов о врожденном характере религиозных представлений и чувств, их обусловленности божественной причиной. Религиозное сознание рассматривается ею как исторически преходящее явление, как специфическое отражение социальных условий жизни людей. К. Маркс писал: «...религия есть самосознание и самочувствие человека, который или еще не обрел себя, или уже снова себя потерял... Она претворяет в фантастическую действительность человеческую сущность потому, что человеческая сущность не обладает истинной действительностью... религиозное убожество есть в одно и то же время выражение действительного убожества и протест против этого действительного убожества... Религия есть опиум народа». [10, С.414-415]

Религию К. Маркс, вслед за Гегелем, называл средством одурачивания народа с целью эксплуатации. Религия во времена Маркса была единственной разрешенной в обществе идеологией, выражающей интересы господствующих классов; с ее помощью богатые эксплуатировали бедных. Однако таким опиумом становится любая безальтернативная идеология, выражающая идеи и интересы тех, кто стоит у власти, даже атеистическая. Марксизм утверждал, что основой религии является незнание людьми законов природы и общества. Как только законы их существования и развития будут открыты, необходимость в религии отпадет.

Немецкий философ и социолог, один из основателей социологии религии М. Вебер считал, что религия вырастает из переживания иррациональности мира и человеческой жизни. Религия является способом придания смысла социальному действию; религия вносит рациональность в объяснение мира и в повседневное поведение. Вебер исследовал, каким образом протестантизм стимулировал развитие капитализма в Западной Европе.

Психологические же определения видят основу религии в особенностях человеческой психики. Представитель прагматизма, американский философ и психолог У. Джеймс считал, что истинность религии определяется ее полезностью. Основная функция любой религии - переход от душевного страдания к постепенному освобождению от него. Религия обладает чудесной силой, считал Джеймс, - самое невыносимое страдание человеческой души превращать в самое глубокое и самое прочное счастье. Полезность религии Джеймс видел в том, что она способствует внутреннему росту и более интенсивной духовной жизни.

Австрийский психолог, невропатолог и психиатр Зигмунд Фрейд называл религию великой иллюзией. По Фрейду религия — это тезисы, высказывания о фактах и обстоятельствах внешней или внутренней реальности, сообщающие нечто такое, чего мы сами не обнаруживаем и что требует веры. [24, С.135] Общество накладывает запреты на проявление человеческих инстинктов, в результате чего происходит вытеснение инстинктивных влечений, а это порождает неврозы. Религия является средством защиты от невроза, поскольку предлагает замещение желаемого и, соответственно, иллюзию исполнения желаний. Фрейд считал, что под воздействием рационального начала, по мере

осознания человеком своих бессознательных влечений религия как иллюзия будет уничтожена.

Стремясь понять роль религии в жизни человека, Фрейд опирается на психоаналитические представления о природе человека и его влечениях. Основную ценность религии Фрейд усматривает в возможности посредством веры удовлетворять самые глубинные потребности человека и «воспитывать совесть». При этом сама религия воспринимается им как «драгоценнейший инвентарь культуры, высшая ценность.» [24,С.109] Открытие им метода психоанализа сделало возможным самое тонкое и интимное исследование души и ее исцеление психологами. В «Будущем одной иллюзии» Фрейд разработал проблему отношения религии и психоанализа. К вопросу о возникновении и сущности религии он подходит в своем произведении через психологическую оценку культуры. Фрейд утверждал, что создается впечатление о культуре, как о чем-то навязанном противящемуся большинству меньшинством, которое владеет средствами власти и насилия. Это объясняется несовершенством форм культуры, как они складывались до сего дня. Необходимо считаться с тем фактом, что у всех имеют место деструктивные, то есть антиобщественные и антикультурные тенденции, и большинство людей повинуются соответствующим культурным запретам лишь под давлением внешнего принуждения, то есть только там, где нарушение запрета грозит наказанием. И в этом случае важную роль играет религия.

Продолжая линию психологического понимания истоков религии, на психоаналитическом уровне, Фрейд связывал возникновение религии с чувством беспомощности человека перед противостоящими силами природы. Главную задачу религии, ее подлинное обоснование он видел в защите людей от природы. И самый первый шаг религии по этому пути – очеловечивание природы. В язычестве человек, поворачивая себя наружу, во внешний мир, не имеет никакой моральной ответственности за свои поступки, за него отвечает высший мир. В этом случае человек не чувствует себя индивидуальностью, поэтому оправданными являются войны и каннибализм. К необходимости защиты человека от природы с помощью религии, присоединилось и стремление исправить болезненно ощущаемые несовершенства культуры.

Фрейд говорил о том, что религиозные представления считаются драгоценным достоянием культуры, высшей ценностью какую она может предложить своим участникам, гораздо большей, чем все искусства и умения. Но приходит к выводу о том, что как раз те сообщения нашей культуры, которые могли бы иметь величайшее значение для нас, которые признаны объяснить нам загадку мира и примирить нас со страданиями жизни, имеют самое слабое логическое подтверждение.

Религия для Фрейда – это повторение детского опыта, особая форма коллективного невроза. В большинстве случаев эти детские неврозы спонтанно преодолеваются по мере роста. На основании этого можно прогнозировать, что отход от религии неизбежно совершится с процессом «роста» человечества. Фрейд защищает этическое ядро религии, но критикует ее теистические и сверхъестественные стороны, мешающие, по его мнению, полному осуществлению этических целей, таких как знание, братская любовь, облегчение страданий, обретение независимости и ответственности. [1,С.115]

Швейцарский психолог и культуролог К. Юнг считал, что помимо индивидуального бессознательного существует коллективное бессознательное, которое выражается в архетипах и воплощается в образах мифологии и религии. Коллективное бессознательное одинаково для всех людей на земле, так как обусловлено телесной организацией человека, оно является причиной появления религии. Различия, имеющиеся в религиозных представлениях разных народов, объясняются особенностями исторически сложившихся обычаев, традиций, ритуалов этих народов. Религия, как считал Юнг, выполняет важную функцию защиты сознания от разрушающих факторов - тайных бессознательных сил человеческой души.

Человекобъясняет темные стремления души - промыслами дьявола, а светлые стороны - стремлением к Богу. С такими объективированными образами человеку справиться легче, чем с собственными влечениями. В любой религии существует система действий, ритуальных предписаний, направленных на защиту человека от бессознательных сил. Юнг считал, что религия в таком понимании не будет преодолена никогда, потому что основа - свойства человеческой психики - неизменна. Не случайно психоанализ возникает в то время, когда религия сдает свои позиции. То, что осуществляла религия на протяжении веков, теперь пытаются заменить психоанализом.

Людвиг Фейербах отмечал психологические и антропологические основы религии. Он говорил, что Бог человека таков, каковы его мысли и намерения. «Сознание Бога есть самосознание человека, познание Бога – самопознание человека». Он считал религию «младенческой сущностью человечества», а исторический прогресс религии связывал с тем, что все казавшееся более ранней религии объективным, теперь кажется субъективным то, что раньше считалось и почиталось божественным, ныне считается человеческим. Явления действительности становятся объектом религии не в силу их адекватного отображения в психике человека, а, наоборот, почитаются человеком лишь постольку, поскольку они искажаются и извращаются сознанием человека. Природа, реальность дают лишь материал для идеи Бога, но форма, преобразующая этот материал в божественную сущность, порождается фантазией, поэтому фантазия есть источник и теоретическая причина религии.

Религиозная сила воображения, по Фейербаху, связана с чувством зависимости, которое включает не только страх. Но и любовь, благодарность, почитание. Зависимость эта также связана со стремлением человека к счастью. Только люди несчастные нуждаются в религии, жаждут спасения, помощи и просят это у Бога. [22]

Ф. Ницше упрекал христианство в том, что оно преследует лишь «дурные цели», отстранено от действительности, а все содержание христианской религии – «мир фикций». Единственный позитив, по Ницше, который несет в себе учение Христа, заложено в понимании «искупления», т.е. «понимание того, как надо жить», «практическое поведение – вот, что завещал Христос человечеству». [11, С.29-53]

Более широкое определение дает Фромм, который под религией понимает «любую разделяемую группой людей систему мышления и действия, позволяющую индивиду вести осмысленное существование и дающую объект преданного служения.» [25, С.240]

Э. Фромм, в отличие от З. Фрейда и многих более поздних исследователей, видит в религии ориентиры для «поиска смысла жизни», путь «самоосуществления» человека и достижение им целостности с собой и другими. По его мнению, целью религии в конечном итоге является: «сознательная, исполненная силы, а не слабости любовь», «признание человеческой силы ..., а не опыт бессилия». Он считает, что религия предоставляет человеку ориентиры для выбора действий и способа самоанализа своих поступков с нравственной точки зрения: «ритуал покаяния или утешение священника.» [25, С.200-211]

Таким образом, мы можем отметить, что исследованием религии занимаются богословы, историки, философы, психологи, но делают они это с разных сторон. Богословы заботятся о наиболее точном выражении фактов религиозного сознания, данных путем откровения. Историки рассматривают ступени религиозного сознания, сравнивают и классифицируют различные религии. Психологи исследуют психологические причины возникновения и функционирования религии, ее воздействие на общество, коллектив, религиозную группу и отдельного индивида. Философы стремятся осмыслить феномены религиозности, пытаются выделить религиозные формы сознания, раскрыть их основные типы.

Сравнительное изучение религии началось лишь в XIX в. На сегодняшний день философский анализ религиозного сознания вновь является актуальной проблемой нашей жизни, общественного сознания современной эпохи.[17] Способность осмысленно воспринимать окружающее у людей сегодняшнего дня многозначна, и влияние религии на современную жизнь больше чем это принято думать.

Религия является одним из важнейших факторов человеческой истории. Существуют точки зрения, согласно которым можно утверждать, что человек без религии не стал бы человеком, существуют и диаметрально противоположные позиции доказывающие, что без нее человек был бы лучше и совершеннее. Но религия в любом случае неизбежная реальность человеческой жизни и, именно так, следует ее воспринимать. Роль религии необходимо рассматривать конкретно как роль данной религии в данном обществе и в определенный период, и значение ее для всего общества, для отдельной группы людей или для конкретного человека может быть различна.

Так «для верующих религия выполняет функцию удовлетворения потребностей человека в поиске жизненных координат, предельных нравственных ценностей, предоставление нравственных ориентиров и обобщенных способов взаимодействия с собой и другими, способами самопонимания и самостроительства, а также она оказывает влияние на становление целостного непротиворечивого образа мира, в котором преобладающее значение имеют представления о добре, нравственных ценностях, для верующих характерно и спокойное отношение к смерти». [3, С.32]

То есть, мы можем отметить, что религия значительно облегчает жизнь, оказывает психотерапевтическое воздействие на психику, но это касается только внутренне ориентированной, просвещенной религии, лишенной догматизма и авторитарности. И, тем не менее, есть основания полагать, что сознание и тем более самосознание религиозного человека и человека не верующего, существенно отличаются между собой.

Среди научных подходов к изучению религии выделяются три: конфессиональный, атеистический и феноменологический.

Конфессиональный подход - церковный, вероисповедальный, т.е. религиозный. Так как ученые, придерживающиеся такого подхода, принадлежат к конкретным конфессиям (церквям, религиям), то они, выстраивая картину развития религии, сравнивая и сопоставляя разные религиозные учения, имеют своей конечной целью утвердить истинность своей религии, доказать ее превосходство над другими. Иногда бывает так, что, рассматривая историю религий как исторический процесс, они вообще не включают в общий обзор сведения о «своей» религии, считая, что она должна рассматриваться отдельно, вне общего течения истории, по особой методологии. Такой подход можно назвать еще апологетическим.

Атеистический или натуралистический подход рассматривает веру людей в Бога как ошибку, временное, преходящее, но занимающее определенное место в истории явление. Для этого подхода более важной является не столько сама религия, сколько история ее изживания в человеческом сознании. Как правило, исследователи, стоящие на атеистических позициях, уделяют большое внимание социальной, экономической, политической стороне религиозной жизни, тонкости же вероучения их интересуют в гораздо меньшей степени, а иногда даже отвлекают и раздражают как что-то незначительное и даже смешное.

Феноменологический – это подход, с точки зрения которого религия описывается и изучается вне связи с проблемой бытия или небытия Бога. Если религия существует как явление, следовательно, ее можно и нужно изучать. Большую роль в феноменологическом изучении религий сыграли историки культуры, археологи, этнографы, искусствоведы, т.е. все исследователи, сферы интересов которых естественным образом соприкасались с религиозной жизнью, как в древности, так и в настоящее время. Их может интересовать историческая роль церкви, которую они считают на каких-то этапах реакционной, мешающей человеческому прогрессу, либо положительной и прогрессивной, либо нейтральной к нему.

Таким образом, обобщив все выше сказанное, перед нами встает вопрос, какой же из рассмотренных подходов к сущности религии можно использовать при анализе религиозной культуры личности?

Теологический подход по своей сути несовместим с критериями научности, т.к. согласно его идее, все основано на вере. Вера - это такое духовное явление, которое в принципе неподвержено анализу, иначе оно попросту разрушится.

Для психологических трактовок характерно то, что они рассматривают религию с точки зрения психологических функций и не концентрируются на сущности религии. В рамках культурологического анализа опираться на психологические определения религии попросту невозможно, их можно использовать только как дополняющие.

Философские трактовки делятся на идеалистические, близкие к теологическим, т.к. идеализм - это рационализированная теология, а значит, они отпадают по той же причине, что и теологические.

Таким образом, можно заключить, что эти подходы имеют свои слабые места: 1. отрицание религии как одно из высших форм духовности; 2. преувеличенное критическое отношение к религии.

Поскольку нас интересует религия, как форма духовной культуры общества и личности, постольку нам необходимо выработать культурологический подход к понятию религия и этот подход должен быть мировоззренчески нейтральным, т.е. не впадать в крайности религиозности или в крайности атеизма. Мы должны рассматривать религию, как явление духовной культуры человечества. Поэтому нам необходима такая формулировка понятия религии, которая будет опираться на понятие культуры.

Очевидно, что все без исключения проявления религии включены в реальную культуру. Но вопрос о взаимоотношении культуры и религии до сих пор остается открытым: является ли религия социально и культурно обусловленной, другими словами - подсистемой общества и/или культуры, или же религия - автономная система, а общество, и сама культура в целом, трансформируется под влиянием религии? Если даже понятия «культура» и «религия» связаны отношениями части и целого, а религия есть часть культуры, то на практике не только религия может быть оценена с позиций культуры, но и культура - с позиций религии. Наверное, следует согласиться с мнением английского культуролога К.Г. Доусона, который считает, что «культурный процесс открыт для изменения в обоих направлениях. Любое материальное изменение, преобразующее внешние условия жизни, будет также изменением культурного образа жизни и тем самым произведет новое религиозное отношение. И подобно этому любое духовное изменение, преобразующее взгляды людей на реальность, будет стремиться к изменению их образа жизни и тем самым произведет новую форму культуры.» [6, С.101]

Таким образом, существование религии обогащает всю систему культуры в целом. Если отказать религии в праве на существование, а такие попытки в истории неоднократно предпринимались, тем самым культура лишится своих важнейших функций. Конечно, «свято место пусто не бывает», поэтому функции религии частично переходят к другим подсистемам культуры, менее для этого приспособленным, например, к искусству или науке. С развитием общества происходит рационализация и латентных функций религии, когда религиозные институты начинают ориентироваться не на духовные, а на материальные ценности. И в этом случае искусство парадоксальным образом становится более религиозным, чем сама религия, поскольку оно противопоставляет художественно-символическое, эстетическое мировосприятие бюрократическо-деловому клерикальному подходу. Но обычно наука, искусство, хотя и относятся к духовной сфере, все же значительно уступают религии в обращенности к «предельному». Поэтому свои функции в системе культуры религия успешно выполняет уже многие тысячи лет, являясь обязательной составляющей любой культуры. [2] Нужно сказать, что религиозное сознание, несомненно, подвержено влиянию современной ему культуры, но, с другой стороны, само оказывает значительное воздействие на культурную динамику в обществе. Мы склонны рассматривать религию именно в контексте культуры, т.е. как подсистему культуры, ее неотъемлемую часть. Такой подход позволяет объяснить, например, процессы трансформации религии в современном мире. Это не исключает очевидного факта влияния религии на культуру и

общество: известно, что при определенных условиях состояние любой системы может определяться поведением лишь одной ее подсистемы. [21]

На наш взгляд, нельзя ограничивать феномен религии лишь рамками религиозного опыта или же религиозных организаций: сама современная культура при всей ее кажущейся «секулярности» является питательной почвой для появления самых разнообразных религиозно ориентированных субкультур.

Поэтому, рассматривая религию как социокультурное явление, можно выделить в ней две основных составляющих: 1. исторически сложившуюся «сакральную» составляющую, с течением времени практически не подвергающуюся пересмотру и изменениям; 2.«социокультурную» составляющую, не противопоставляемую сакральной, но напрямую связанную со всеми общественными и культурными изменениями и помогающую религии адаптироваться к современному миру.[18]

Рассматривая религию в системе культуры, обратим внимание на некоторые особенности российской религиозности. Вышеуказанные тенденции в определенной степени справедливы и для нашей страны. Имеющиеся различия объясняются, главным образом, особым историческим путем России: на наш взгляд, на формирование российской религиозности сильно повлиял государственный, официальный характер православия (и, как следствие, формализм по отношению к вере как таковой), а в не столь давнее время – принудительно-атеистический характер коммунистической идеологии. На наш взгляд, к основным тенденциям современной религиозности можно отнести следующие: рост религиозного индифферентизма; синкретизм новых религиозных движений; активное формирование новых мифологий; сохранение традиционных религий как этнокультурного феномена; рост религиозного фундаментализма.

Таким образом, нужно не только описывать взаимоотношения религии с другими культурными феноменами, но и осознать их как единство, как составляющие системы культуры. Лишь тогда станет возможным перейти от уровня описания к пониманию того, как проявляет себя религия в той или иной культуре, какой конкретный вклад она вносит в культуру, как она влияет на многочисленные социокультурные процессы, и, наоборот, какому влиянию подвергается со стороны культуры и общества. Таким образом, мы можем с уверенностью сказать, что религия является важным компонентом культуры.

Литература

- 1.Аринин Е.И. Религиоведение (Введение в основные концепции и термины): Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. - М.: Академический проект, 2004. - С.288-310.
- 2.Балим Г.М., Рыжов В.П., Рыжов Ю.В. Проблемы системного анализа культуры. - Таганрог, Изд-во ТРТУ, 2003.
3. Бобровская, О. А. Исследование психотерапевтических функций христианства / О. А. Бобровская, Н. Г. Осухова // Психологический журнал. – 1995. – Т. 2. – № 8. – С. 128–139.
- 4.Борунков Ю.Ф. Структура религиозного сознания.- М.: Мысль, 1971.
- 5.Булгаков С. Православие: очерки учения православной церкви.- М.: Терра, 1991.
- 6.Доусон К.Г. Религия и культура. - СПб., 2000.
- 7.Зеньковский В. Апологетика. - Париж, 1956.
- 8.Кант И. Собрание сочинений: В 8 т. Т.6.- М.: ЧОРО, 1994.-612 с.
- 9.Круглов А.А. Религиоведение. - Минск.: Тетра Синема, 2002.
10. Маркс К. К критике гегелевской философии права. Введение. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.1.-М.: Госполитиздат, 1955.
- 11.Ницше Ф. Антихристианин /Сумерки Богов /Сост. и общ.ред. А.А. Яковлева. - М.: Политиздат, 1989.
- 12.Оллпорт Г. Становление личности: Избранные труды. - М.: Смысл, 2002
- 13.Полный православный богословский энциклопедический словарь. - М., 1992.

14. Поломошнов, А.Ф., Анисимова, О.С. Кризис ценностей в культуре постсоветского общества /А.Ф. Поломошнов, О.С. Анисимова // Современные проблемы науки и образования. - 2013. - № 6. - С.901.
15. Поломошнов, А.Ф. Творчество и гуманизм: альтернативные концепции /А.Ф. Поломошнов, П.А. Поломошнов // Вестник Донского государственного аграрного университета. - 2014. - № 3 (13). - С. 124-136.
16. Поломошнов, А.Ф. Проблема творчества и постмодернистский кризис культуры /А.Ф. Поломошнов, П.А. Поломошнов // Современные проблемы науки и образования. - 2014. - № 5. - С. 695.
17. Поломошнов А.Ф., Лаврухина И.М., Поломошнов П.А. Философия и современный мир: Курс лекций / пос. Персиановский, 2015.
18. Поломошнов, П.А. Личность и кризис культуры в социальной философии П. Сорокина /П.А. Поломошнов // Современные проблемы науки и образования. - 2014. - № 5. - С. 699.
19. Религия. www.Grandars.ru «Философия» «Религия» URL: <http://www.grandars.ru/college/filosofiya/religiya.html> (Дата обращения: 22.01.2016.)
20. Рыжов Ю. Религия, наука и искусство в системе культуры. URL: http://www.binetti.ru/studia/ryzhov_10.shtml (Дата обращения 27.01.2016).
21. Фейербах Л. Сущность христианства. - М.: Мысль, 1965. - 412 с.
22. Флоренский П.А. Собрание Сочинений: В 2-х т.-Т.1. - М.: Слово, 1994.
23. Фрейд З. Будущее одной иллюзии.// Сумерки Богов/Сост. И общ. Ред. А.А. Яковлева. - М.: Политиздат, 1989.
24. Фромм Э. Психоанализ и религия.// Сумерки Богов /Сост. И общ. Ред. А.А. Яковлева. - М.: Политиздат, 1989.
25. Энгельс Ф. Людвиг Фейербах и конец классической немецкой философии. - Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Соч., т.20. – С.308.
26. Яблоков И.Н. Религиоведение: Учебное пособие и Учебный словарь-минимум по религиоведению.-М.: Гардарики, 2002.

References

1. Arinin E.I. Religiovedenie (Vvedenie v osnovnye kontseptsii i terminy)[Religious (Introduction to the basic concepts and terminology): Uchebnoe posobie dlya studentov vysshikh uchebnykh zavedeniy. - М.: Akademicheskij proekt, 2004. - S.288-310.
2. Balim G.M., Ryzhov V.P., Ryzhov Yu.V. Problemy sistemnogo analiza kul'tury. [System Analysis Culture Issues] - Taganrog, Izd-vo TRTU, 2003.
3. Bobrovskaya, O. A. Issledovanie psikhoterapevticheskikh funktsiy khristianstva [Study psychotherapeutic functions of Christianity] / O. A. Bobrovskaya, N. G. Osukhova // Psikhologicheskij zhurnal. – 1995. – Т. 2. – № 8. – S. 128–139.
4. Borunkov Yu.F. Struktura religioznogo soznaniya. [The structure of the religious consciousness] - М.: Mysl', 1971.
5. Bulgakov S. Pravoslaviye: ocherki ucheniya pravoslavnoy tserkvi. [Orthodoxy: Essays on the teachings of the Orthodox Church] - М.: Terra, 1991.
6. Douson K.G. Religiya i kul'tura. [Religion and Culture] - SPb., 2000.
7. Zen'kovskiy V. Apologetika. [Apologetics] - Parizh, 1956.
8. Kant I. Sobranie sochineniy: [Collected works] V 8 t. Т.6.- М.: ChORO, 1994.-612 s.
9. Kruglov A.A. Religiovedenie. [Religious] - Minsk.: Tetra Sinema, 2002.
10. Marks K. K kritike gegelevskoy filosofii prava. Vvedenie.[Critique of Hegel's Philosophy of Right]. Introduction. Marks K., Engel's F. Soch. 2-е изд. Т.1.-М.: Gospolizdat, 1955.
11. Nitshe F. Antikhrisianin [Anti-Christian] /Sumerki Bogov /Sost. i obshch. red. А.А. Yakovleva. - М.: Politizdat, 1989.

12. Ollport G. Stanovlenie lichnosti: Izbrannye trudy. Formation of personality: Selected Works] - M.: Smysl, 2002
13. Polnyy pravoslavnyy bogoslovskiy entsiklopedicheskiy slovar'. [Complete Orthodox Theological Encyclopedic Dictionary] - M., 1992.
14. Polomoshnov, A.F., Anisimova, O.S. Krizis tsennostey v kul'ture postsovetskogo obshchestva [The crisis of values in the culture of post-Soviet society] /A.F. Polomoshnov, O.S. Anisimova // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. - 2013. - № 6. - S.901.
15. Polomoshnov, A.F. Tvorchestvo i gumanizm: al'ternativnye kontseptsii [Creativity and Humanity: Alternative Approaches] /A.F. Polomoshnov, P.A. Polomoshnov // Vestnik Donskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta. - 2014. - № 3 (13). - S. 124-136.
16. Polomoshnov, A.F. Problema tvorchestva i postmodernistskiy krizis kul'tury [Problem of creativity and post-modern culture crisis]/A.F. Polomoshnov, P.A. Polomoshnov // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. - 2014. - № 5. - S. 695.
17. Polomoshnov A.F., Lavrukhina I.M., Polomoshnov P.A. Filosofiya i sovremennyy mir: Kurs lektsiy [Philosophy and the Modern World: Lectures]/ pos. Persianovskiy, 2015.
18. Polomoshnov, P.A. Lichnost' i krizis kul'tury v sotsial'noy filosofii P. Sorokina [Personality and culture crisis in social philosophy of Sorokin]/P.A. Polomoshnov // Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya. - 2014. - № 5. - S. 699.
19. Religiya. www.Grandars.ru «Filosofiya» «Religiya» [Religion] URL: <http://www.grandars.ru/college/filosofiya/religiya.html> (Data obrashcheniya: 22.01.2016.)
20. Ryzhov Yu. Religiya, nauka i iskusstvo v sisteme kul'tury. [Religion, science and art in the culture system] URL: http://www.binetti.ru/studia/ryzhov_10.shtml (Data obrashcheniya 27.01.2016).
21. Feyerbakh L. Sushchnost' khristianstva. [The essence of Christianity] - M.: Mysl', 1965. - 412 s.
22. Florenskiy P.A. Sobranie Sochineniy: [Collected Works] V 2-kh t.-T.1.- M.: Slovo, 1994.
23. Freyd Z. Budushchee odnoy illyuzii. [The Future of an Illusion] // Sumerki Bogov/Sost. I obshch.Red. A.A. Yakovleva.- M.: Politizdat, 1989.
24. Fromm E. Psikhooanaliz i religiya. [Psychoanalysis and Religion] // Sumerki Bogov /Sost. I obshch.Red. A.A. Yakovleva.- M.: Politizdat, 1989.
25. Engel's F. Lyudvig Feyerbakh i konets klassicheskoy nemetskoy filosofii. [Ludwig Feuerbach and the End of Classical German Philosophy] - Marks K., Engel's F. Soch. 2-e izd. Soch., t.20. – S.308.
26. Yablokov I.N. Religiovedenie: Uchebnoe posobie i Uchebnyy slovar'-minimum po religiovedeniyu. [Religious Tutorial and Training Dictionary] -M.: Gardariki, 2002.

Шпалова Елена Владимировна – соискатель кафедры философии и истории Донского государственного аграрного университета.

УДК 338.432:140

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ СФЕРЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Москалюк В. М.

В статье исследуются вопросы научно-прогностического потенциала философии применительно к развитию агропромышленной сферы и сельскохозяйственных наук. Автор анализирует философские методы познания мира в качественно различных областях человеческой культуры, одной из которых является агропромышленное производство. В статье доказывается, что вектор развития современной агропромышленной сферы направлен на сближение ее с теоретическими науками.

Ключевые слова: философия, агропромышленная сфера, сельскохозяйственные науки, современное общество, природа, экология.

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF AGROINDUSTRIAL SPHERE IN MODERN SOCIETY

Moskaliuk V.M.

The article examines the issues of scientific and prognostic potential of philosophy in relation to the development of the agricultural sector and agricultural sciences. The author analyzes the philosophical methods of understanding the world in qualitatively different areas of human culture, one of which is agricultural production. It is proved that the vector of development of modern agro-industrial sphere is aimed at its convergence with the theoretical sciences.

Keywords: philosophy, agro-industrial sphere, agricultural science, modern society, nature, ecology.

В осмыслении взаимосвязи природы и общества особую роль играет философия, так как именно она изучает наиболее общие законы и принципы организации и развития мира. «Научно-прогностический потенциал философии обеспечивает ее методологические функции по отношению к различным видам инновационной деятельности.» [5, с.1084]. Уже в XX веке в науке и философии наметился окончательный переход от физических моделей мира к биологическим. Сущность этого перехода заключалась в том, что мир перестал восприниматься как механизм, он приобрел в представлениях людей живые черты и стал организмом. «... вопрос: органическое целое или механический агрегат, «личность» или «вещь», – шире и глубже традиционной психофизической проблемы... Согласно механистическому миропониманию, всякое целое есть сумма или комбинация самостоятельных элементов... В противоположность этому, органическое мировоззрение признает целое несводимым к сумме или равнодействующей составных элементов... Примером органического целого является биологический организм, все органы которого реагируют на раздражения: координированно, согласованно, т. е. именно как целое», – отмечает один из виднейших философов русского зарубежья С. А. Левицкий [2, с.73 – 74].

Современное агропромышленное производство, подобно живому организму, также представляет собой органическую целостность взаимосвязанных между собой производственных процессов, что порождает необходимость решения многочисленных проблем. Сегодня с неизбежностью встал вопрос о взаимоотношениях человека, общества и природы в условиях сельскохозяйственного производства, которые, по сути своей, являются специфическими условиями создания, культивирования человеком «второй

природы». Выращивание культурных растений и животных, с развитием и совершенствованием необходимых для человека качественных характеристик, поставили перед философией и сельскохозяйственными науками новые проблемы.

Практика показывает, что вектор развития современной агропромышленной сферы направлен на сближение с теоретическими науками. Всё более органично воспринимаются сегодня тесные взаимосвязи этих наук с общественными науками. Ни у кого не вызывает сомнений то, что урожай, прирост мясомолочного скота можно повысить, внедряя научную организацию труда, совершенствуя управление производством. Современное агропромышленное производство – это различные самостоятельные отрасли, которые исследуются многочисленными сельскохозяйственными науками. Объектом изучения этих наук являются специфические законы функционирования агропромышленного производства.

Чем вызвана необходимость философского осмысления развития аграрно-промышленной сферы в современных условиях развития общества? Философии, как особой форме познания мира и человека, присуща системность, фундаментальность принципов, стремление к созданию обобщенной (целостной) картины мира. Посредством философских методов познания мира возможно осмысление общности в качественно различных областях человеческой культуры, понимание их единства и целостности. Выдающийся русский философ, богослов, экономист С. Н. Булгаков отмечает: «Наука о хозяйстве принадлежит к числу наиболее обусловленных и философски наименее самостоятельных дисциплин, но вместе с тем, по фактической роли и жизненному влиянию, которое принадлежит ей в наш век, она притязает быть повелительной законодательницей мысли, хочет стать философски декретирующей, распространить влияние далеко за свои пределы» [1, с. 7].

Философски осмысливая проблемы аграрного производства, сосредоточим внимание на понимании философией сущностного строения какого бы то ни было организма как целостной системы взаимосвязанных между собой элементов. Взаимосвязь, корреляция отдельных его частей и функций, происходящая в процессе эволюции, сохраняет организм как целостность, в противовес, к примеру, чисто механическому соединению отдельных его частей. Более того, само существование организма является возможным лишь в той мере, в какой все его органы имеют гармоническую взаимосвязь, нарушение которой чревато рассогласованием жизненно важных функций и разрушением всего организма. «Он (человек – В. М.) или различным образом пользуется разными частями одного предмета или создает для своего использования целое, не существующее в природе. Связь координации, то есть наличие определенных необходимых частей в предмете, является здесь результатом практических действий человека и фиксируется как необходимая в зависимости от условий использования созданного предмета в общественной практике.» [3, с. 214] Речь здесь идет не о фиксации различных частей целого, а о происхождении их от единого начала – человека. Именно человек, как смысловой центр мира, воплощает в себе его единство и именно человек, обладающий способностью синтеза научных знаний, является началом, истоком соединения всех частей этого мирового целого. «Человек, будучи частью природы, до некоторой степени ее продуктом, носит в сознании своем образ идеального всеединства, в нем потенциально заложено самосознание всей природы. В этом самосознании в нем непосредственно проявляется мировая душа, идеальный центр мира, и в этом смысле, как мы уже говорили, природа человекообразна. Каждая человеческая личность потенциально носит в себе всю вселенную...» [1, с. 125]. Так же и в растительном или животном организме, одновременно со специализацией клеток, происходят процессы внутреннего координирования и интеграции, создавая единое целое всего организма. Если перенести это восприятие мира как некой целостности из философского знания в практическую деятельность работников сельскохозяйственных отраслей, то не вызывает сомнений факт, что понимание ими эволюции живых организмов как эволюции целостных систем, взаимосвязанных между собой элементов, может способствовать повышению эффективности их труда.

Практическая деятельность человека, какой бы сферы она не касалась, представляет собой взаимодействие объекта и субъекта, которое неизбежно приводит к изменениям как в одном, так и в другом. Ведущим принципом диалектического понимания сельскохозяйственного труда является конкретный анализ конкретной ситуации. Но на чем основывается этот конкретный анализ? Многие апробированные идеи, открытия, новации агротехнического производства представляют собой уже существующее, полученное ранее, профессиональное знание. Это знание, подобно «дрейфующему и, до времени, дремлющему гену» нашего сознания, является нам в случае необходимости анализа сложившейся ситуации и принятия решения, таким образом получая свою актуализацию (практическое воплощение) в конкретной профессиональной деятельности.

Сельскохозяйственные науки, преимущественно, являются науками индуктивными. Как в философии, так и в сельскохозяйственных науках проявляется познавательное отношение человека к действительности. В этом познавательном отношении человека к действительности, мы наблюдаем единство научной теории и практического метода. Как нам известно, теория – это обобщённое отражение действительности, под методом мы понимаем способ практического воплощения теории. Рассматривая данную взаимосвязь теории и метода диалектически, (а именно диалектический метод является одним из ведущих методов познания в сельскохозяйственных и других науках), мы с неизбежностью приходим к выводу о действии диалектических (всеобщих) законов в жизни и переносим это понимание на возделывание сельскохозяйственных культур, производство мясо-молочной продукции в определённых условиях профессионального труда.

Сегодня, как никогда актуально, стоит вопрос сознательной внутренней модернизации самого стиля мышления работников агропромышленного комплекса. «Чрезвычайно важно не упускать из внимания, что мысль рождается из жизни, и что в этом смысле философская рефлексия есть саморефлексия жизни...», – читаем в «Философии хозяйства» С. Н. Булгакова [1, с.11] Если еще в недавнем историческом прошлом человек, работающий на земле, скотоводческих фермах, был носителем антропоморфного сознания, инстинктивной традиции, то сегодня он вооружен знаниями для того, чтобы обеспечить развитие агропромышленного комплекса на качественно новом научном уровне. Учеными, предметом исследования которых являются сельскохозяйственные науки, доказано, что в ситуации, когда работа агропромышленных комплексов построена с учетом последних научных достижений, – сохраняется гармоническое соотношение человеческой производственной деятельности и окружающей среды, независимо от экономических кризисов и природных катаклизмов.

В настоящее время большой популярностью пользуется теория экопроизводства. Последователями этой теории и сегодня поддерживаются и развиваются такие способы ведения сельского хозяйства, которыми пользовались в те времена, когда еще не были изобретены искусственные удобрения и корма для скота. В развитии экологических практик агропромышленного производства – современная философия жизни, а, возможно, и выживания человечества. С пониманием философии как науки, которая «стремится отыскать новые мировоззренческие ориентиры путем рационального осмысления универсалий культуры, их критического анализа и формирования на этом пути новых мировоззренческих идей» [5, с.1083], – приходит убеждение в ее универсальности. Философия ищет и находит объяснение для всего многообразия явлений жизни человека и природы.

Сегодня ни у кого не вызывает сомнений тот факт, что успешное развитие агропромышленных комплексов, представляющих собой важнейшую составляющую общественной экономической системы, во многом определяет характер функционирования экономики государства в целом. Так же понятно, что обеспечение стабильного развития экономики сельского хозяйства вызывает необходимость формирования нового типа экономической и аграрной деятельности, которую невозможно представить без научного обоснования. Эффективная, (с широким использованием научных открытий), работа

агропромышленных комплексов способствует установлению и поддержанию экологического равновесия, сохранению и обновлению ландшафта сельской местности.

Для людей, профессией которых является сельскохозяйственное производство, объектом труда выступает определенное состояние части окультуренной ими природы. Философия рассматривает это не просто как часть природы, а в качестве исторически сложившейся формы бытия. В отличие от аграриев, философы не останавливаются на деталях строения живого организма, концентрируя внимание только на тех особенностях живых организмов, которые отвечают общим характеристикам всех видов материи. То есть, в живой материи они видят лишь особый ярус материального бытия, те всеобщие признаки, которые позволяют говорить об окружающей природе как о живой материи. Осознание органической связи между философией и сельскохозяйственными науками целенаправленно ориентирует нас на необходимость обращения к истории научного познания. Философия и сельскохозяйственные науки исходят из общих мировоззренческих принципов в раскрытии сущности живой природы, ее органической целесообразности.

Проблему органической целесообразности сосуществования человека с природой исследуют многие современные ученые: Ф. И. Гиренюк, А. А. Горелов, И. И. Кравченко, Г. А. Кузнецов, Н. Н. Моисеев, И. А. Сафонов и другие. К примеру, И. А. Пашков в статье «Проблема бережного отношения к земле в современных концепциях мирового развития» подчеркивает: «Нужны новые эколого-экономическая, земельная, аграрная, социальная, региональная политика и сильная нормативно-правовая база, основанные на новой философской парадигме и новой идеологии со-развития (со-бытия) общества, хозяйства и природы. Пока же разрабатываются десятки мер и программ как на национальном, региональном и местном, так и на международном уровнях, базирующихся преимущественно на старых, отживших свой век парадигмах, принципиально не меняющих наших давно испорченных отношений с Землей, природой, биосферой.» [6,с.192]. Об этом же пишет Н. Н. Моисеев. В книге «Быть или не быть человечеству?» он предупреждает о вероятности глобальной экологической катастрофы, если человек кардинальным образом не изменит свое отношение к природе. В качестве аргументов ученый приводит объективные данные о современном состоянии окружающей человека среды. [4]

Работа агропромышленной отрасли в современном обществе должна строиться с учетом бережного отношения к природным ресурсам, поскольку они составляют предмет труда сельскохозяйственных работников. А.Д.Урсул, являющийся одним из авторов теории адаптивной интенсификации сельского хозяйства и автором концепции агроноосферной революции, подчеркивает, что при условии научной организации труда в сельском хозяйстве, продовольственная безопасность цивилизации может быть гарантирована. [7] В современных условиях стремительного развития техники, которая задает жесткие правила отношений человека с природой, задача сельскохозяйственных наук состоит в том, чтобы, не отменяя этих правил, разработать возможности их вариативного использования, которые позволили бы достичь высокоэффективного производства и, одновременно, сохранить природную среду.

Таким образом, современной агропромышленной отрасли для ее эффективного функционирования и развития необходима продуманная эколого-экономическая и социальная политика, основанная на философской научной парадигме. В современном обществе уже давно назрела проблема создания новой идеологии, основным содержанием которой должно стать со-развитие, со-бытие общества, хозяйства и природы. В работах отдельных ученых этот вопрос исследуется (Дудина И. А., Гобозов И.А., Грицай О.В., Заблоцкий Б. Ф, Соколов С.В. , Шулындин Б. П., Кутырев В. А., Прохоров М. М., Тоненкова М. М., Леонтьев В. В., Марков Л. С, Пистун М. Д., Родионова И. А., Михайлова М. И. и др.), но неисчерпаемость данного проблемного поля постоянно задает новые векторы его развития, очерчивая парадигмы, потенциально могущие внести принципиальные изменения в отношения тружеников агропромышленных комплексов с землей и ее природными ресурсами.

Литература

- 1.Булгаков С. Философия хозяйства / Сергей Булгаков. –NEWYORK, 1982. – 329 с.
- 2.Левицкий С. А. Основы органического мировоззрения / Сергей Александрович Левицкий //Левицкий С. А. Трагедия свободы. – М.:Астрель, 2008. – С. 21 – 170. – 992с.
- 3.Мамардашвили М. Процессы анализа и синтеза / Мераб Мамардашвили // Как я понимаю философию. – М. Прогресс, 1992. – С.212 – 232.
- 4.Моисеев Н. Н. Быть или не быть человечеству / Никита Николаевич Моисеев. – М.:Ульяновский Дом печати, 1999. – 288 с.
- 5.Новейший философский словарь. – Издание третье, испр. – Сост. и главн. научн. редактор Грицанов А. А. – Мн: Книжный Дом, 2003. – 1280 с.
- 6.Пашков И. А. Проблема бережного отношения к земле в современных концепциях мирового развития /И. А. Пашков // Культурологічний вісник Нижньої Наддніпрянщини. – 2013. – С. 192 – 203
- 7.Урсул А. Д. Устойчивое будущее (глобализация, безопасность, ноосферогенез). /Аркадий Дмитриевич Урсул. –М.: Жизнь, 2006. – 234 с.

References

- 1.Bulgakov S. Filosofija hozjajstva [Economy Philosophy] / Sergej Bulgakov. – NEWYORK, 1982. – 329 s.
- 2.Levickij S. A. Osnovy organicheskogo mirovozzrenija [Basics of organic ideology] / Sergej Aleksandrovich Levickij //Levickij S. A. Tragedija svobody. – M.:Astrel', 2008. – S. 21 – 170. – 992s.
- 3.Mamardashvili M. Processy analiza i sinteza [Analysis and synthesis processes] / Merab Mamardashvili // Kak ja ponimaju filosofiju. – M. Progress, 1992. – S.212 – 232.
- 4.Moiseev N. N. Byt' ili ne byt' chelovechestvu [To be or not to be mankind] / Nikita Nikolaevich Moiseev. – M.:Ul'janovskij Dom pečati, 1999. – 288 s.
- 5.Novejšij filosofskij slovar'. [Newest Philosophical Dictionary] – Izdanie tret'e, ispr. – Sost. i glavn. nauchn. redaktor Gricanov A. A. – Mn: Knizhnyj Dom, 2003. – 1280 s.
- 6.Pashkov I. A. Problema berezhnogo otnoshenija k zemle v sovremennyh koncepcijah mirovogo razvitija [he problem of respect for the earth in modern conceptions of world development] /I. A. Pashkov // Kul'turologičnij visnik Nizhn'oï Naddnıprjanshhini. – 2013. – S. 192 – 203
- 7.Ursul A. D.Ustojchivoe budushhee (globalizacija, bezopasnost', noosferogenez). [Sustainable Future (globalization, security, noospherogenesis)] /Arkadij Dmitrievich Ursul. –M.: Zhizn', 2006. – 234 s.

Москалюк Валентина Михайловна – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии культуры, политических и социальных процессов Луганского национального аграрного университета. E-mail: msklk@ukr.net

РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА

Николаева Л.С., Логвиненко О.Л., Загорская О.В.

В статье проанализированы методология и научные подходы исследования семьи пожилого человека. Современный период развития общества характеризуется тем, что все более приоритетное значение приобретают такие социальные явления и процессы, которые особенно четко обозначились в период трансформации российского общества.

Современный период связан с кардинальными изменениями всех сфер общественной жизни и в первую очередь с изменениями семьи, появлением новых типов семей. Семья выступает как коллектив первичной социализации, как единственный по сути своей воспитательный институт, влияние которого человек ощущает от рождения до последних дней. Именно в семье закладываются основы нравственности человека, формируются нормы поведения, в ней с наибольшей полнотой раскрываются индивидуальные качества личности, ее внутренний мир. Указанные обстоятельства и определяют, прежде всего, актуальность темы предпринятого исследования. Онтологическая всеобщность привлекает внимание исследователей именно к выявлению оснований и тенденций развития социальных парадигм, явлений развития социальных парадигм, явлений и процессов. Научная статья посвящена глубокой научной проблеме, раскрывает ее различные аспекты.

Ключевые слова: *семья, проблемы семьи, типы семьи, пожилая семья, трансформация, адаптация, родительство, стиль жизни.*

RUSSIAN FAMILY OF FIRST DECADE XXI CENTURY

Nikolayeva L.S., Logvinenko O.L., Zagorskaya O.V.

The article analyzes the methodology and scientific approaches to study of an elderly person family. The modern period of development of society characterized by the fact that more and more priority acquire such social phenomena and processes, which become apparent especially clearly in the transformation of the Russian society.

The modern period is associated with dramatic changes in all spheres of public life, and especially with family changes, the emergence of new types of families. The family acts as the primary socialization organization as the only essentially an educational institution, the impact of which man feels from birth to the last days. It is in the family the foundations of human morality, behavioral norms are formed, it most fully reveals the individual qualities of the individual, his inner world.

Keywords: *family, family problems, family types, elderly family, transformation, adaptation, parenting, lifestyle.*

Семья – первичная социально-экономическая и демографическая ячейка общества. Функции ее многогранны и включают рождение и воспитание детей, их первичную социализацию, удовлетворение элементарных жизнеобеспечивающих потребностей, психологическую и эмоциональную поддержку. С развитием общества семья претерпевает различные изменения и приобретает новые формы своего существования, вырабатывает механизмы адаптации к кризисам и социальным потрясениям.

Взаимозависимость проблем семьи и общества издавна стала объектом исследований ученых. Ещё в XIX столетии французский исследователь Ф. Ле-Пле поставил семью в центр интересов всей социологии, сделав ее независимой переменной по отношению к остальным

социальным процессам. Исследуя общество, Ф. Ле-Пле выявлял причины социальных революций через изучение простейшей модели общества – семьи, подчеркивая, что подлинная свобода зависит от роли семьи в обществе [7]. Более двух десятилетий существует новое российское государство в глобальном пространстве. Общемировые (западные) тенденции развития экономического и социального характера оказывают влияние на общество нашей страны. Современная российская молодежь впитывает в свое сознание, формирует свои привычки и правила не только через возрождающиеся религиозные ценности, но и, что наиболее часто встречается, через западный стиль жизни.

Исследования, проводимые сектором социологии семьи института социологии РАН под руководством Т. Гурко, показали, что «семейные ценности в последнее десятилетие уже необязательно предполагают «брак на всю жизнь», молодежь лояльна к повторным бракам, в том числе среди имеющих детей, к внебрачным рождениям, сожительству» [2]. При этом, выделяются и позитивные тенденции, которые выражаются в том, что новое поколение по сравнению с поколением 90-х гг. чаще отрицает роль жены-домохозяйки, чаще приветствует равноправные партнерские отношения, включая сородительство, то есть активное отцовство, в том числе и после развода. По-прежнему при выборе супруги (супруга) соблюдаются критерии социальной гомогамии, что называется «из своей социальной среды» - это национальность (этническая группа), религия, профессиональная группа (рабочие, творческие профессии, менеджеры).

Один из показателей трансформации института семьи в России - возрастное изменение молодоженов, вступающих в брак, уменьшение доли сверхранних браков, переход к так называемому «западному типу» брачности. По оценке исследователей средний возраст заключения брака для мужчин увеличился на 3,1 года и составил в 2009 году 29,3 года (для вступающих в первый брак 26,7 года). Для женщин повышение возраста составило 2,5 года (в 2009 году средний возраст невесты 26,6 года, а для вступающих в брак в связи с нестабильностью материального положения (отсутствием работы, низкой заработной платой). Девушки при вступлении в брак все более стремятся выбирать потенциальных женихов с устойчивым социальным и экономическим статусом. Тем не менее, очевиден тот факт, что взрослые дети часто продолжают проживать с родителями, в том числе и после создания семьи. Такая тенденция, как бы это ни выглядело парадоксальным, по мнению Т. Гурко, характерна для более благополучных жителей крупных городов. В результате молодые люди, которые вовремя не отделяются от родителей, не приобретают навыков самостоятельной жизни и у них, часто с большим запаздыванием, формируется чувство ответственности за супругу (супруга) и собственных детей, что в свою очередь ставит под сомнение крепость семейных отношений и нередко приводит к разводам.

Согласно данным обследования РиДМиЖ/RusGGS – 2004, 2007 [9] появилась возможность впервые оценить прочность семейных союзов различного типа. Формальные союзы (зарегистрированные браки) и неформальные союзы (сожительства) имеют различный риск прекращаться. Зарегистрированные браки в России характеризуются в два раза более низкой вероятностью прекращения союза по сравнению с неформальными союзами: к 15-му году совместной жизни в России прекращаются 26% официально зарегистрированных браков и 42% неформальных союзов. По сравнению с оценками для начала 1990-х годов ситуация не слишком изменилась и прочность бездетных пар в России скорее повышалась, чем снижалась [9]. Одной из тенденций изменения семьи является связь с трансформацией института родительства, его отделение от биологической основы. Увеличивается число родителей, которые не проживают вместе с детьми, т.е. являются только биологическими. В России это происходит за счет увеличения числа родителей, лишенных родительских прав, расширения практики усыновления (удочерения) детей, в том числе не родственниками.

В последнее время появился тип семей, названных западными исследователями «семьями с пропущенным поколением» (skipped generation families). Этот тип связан с миграцией родителей из провинции в столицу в поисках работы, где они вынужденно

проживают длительное время. Дети при этом остаются с бабушками и дедушками, фактически возлагающими на себя роль и функции родителей. Последствия этого феномена еще мало исследованы, но очевидно, что отсутствие контакта между родителями и детьми наносит психологическую травму и детям и взрослым членам семьи. Таким образом, нестабильность экономической ситуации в стране, отсутствие или закрытие рабочих мест на родине негативно влияет на традиционную семью.

Новые экономические отношения, ориентированные на собственность индивида, коренным образом изменили функции семьи как хозяйственно-экономической единицы общества, а также роль и место индивида в семейном союзе. Среди основных изменений можно назвать личную свободу, индивидуальное саморазвитие и самореализацию, развитие индивидуально-ценностных оснований как новое качественное содержание российской семьи. Исполняемые семейные роли в их индивидуальной интерпретации несут отпечаток нашего времени, и по оценкам Л.В. Карцевой, «в них доминирует личное над семейным, а семейное над социальным» [6]. По исследованиям Ф.А. Мустаевой о семье в условиях финансово-экономического кризиса приведем исследование, проведенное в 2009 году, характеризующее кризисное положение семьи в г. Магнитогорске, в средних и малых городах. В исследовании (участвовали 1100 респондентов) приняли участие 50,2% женщин и 49,8% мужчин: 48,7% респондентов заняты на предприятиях, 16,6% являются служащими, 13,8% работают по найму в частном бизнесе, 4,5% пенсионеры, 4% студенты, 3,9% домохозяйки, 3,7% безработные, 3,4% предприниматели [8].

Российская семья находится в финансово-экономическом кризисе. Особенно больно кризис, безусловно, ударил по пожилой семье и в целом малообеспеченным семьям. Как отмечает С.В. Дармодехин [3], семья должна обеспечивать психологическую, экономическую и физическую безопасность, она выступает посредником между человеком и остальным миром, что в условиях кризиса наиболее актуально для пожилой семьи. Такое посредничество является важнейшей социальной функцией пожилой семьи в деле сохранения традиций, устоев, исторической преемственности поколений, развития личности и общества, гармонизации их взаимоотношений, создания органичной системы, в которой личность – не только часть общества, но и в центре внимания общества, которое должно существовать ради человека. Именно пожилая семья реализует такие важные и социально значимые качества и ценности как забота, поддержка, любовь, привязанность, уважение, солидарность, то есть то, без чего невозможна социализация личности.

Такие исследователи как И.М. Корняк, А.М. Панов, Б.В. Ракитский, Е.Н. Феоктистова, Е.Н. Дудченко [1] и другие указывают, что семья является своего рода стимулятором общественного развития, трансформации общества в направлении определенных социально значимых социальных качеств и ценностей. Это, прежде всего, относится к проблеме трансформации пожилой семьи, так как социальная *трансформация семьи – это в первую очередь ее адаптация к социальным переменам в процессе ее исторического развития*. Для пожилой семьи трансформация наиболее болезненна, т.к. социальные перемены в России непредсказуемы, непоследовательны, противоречивы. Пожилая семья же, как первичная социальная ниша выступает как некий социальный стабилизатор, являясь по своей природе традиционной и отчасти даже консервативной социальной структурой. Пожилая семья оказывает стабилизирующее влияние на все общество в целом, так как она содержит в себе большой историко-культурный потенциал, включающий огромный опыт разрешения социальных противоречий. Этот опыт пожилой семьи впитал в себя нравы, традиции, мораль, социокультурные достижения всего человечества, который не подвергается конъюнктурным социальным девальвациям и мгновенным изменениям.

Но трансформация, информатизация, урбанизация и иные закономерные сдвиги не могли не сказаться на семье. Это выражается в изменении функций семьи, внутрисемейной дифференциации, эмансипации женщин и отразилось в установлении новых форм внутрисемейной и внесемейной деятельности, а также в формировании новых ценностей, в

изменении статуса семьи [1]. Эта трансформация характеризуется переходом от патриархальной традиционной семьи к такой семье, которую можно назвать современной (центроориентированной на общество).

Многодетная семья уступила место малодетной, в которой развиваются отношения равноправного сотрудничества всех членов семьи. Возникают новые социальные нормы, которые основаны на формах внутрисемейного взаимодействия, межличностной коммуникации, социальной значимости и ответственности в связи с новыми вызовами времени. Формируется иная структура семьи, т.к. нуклеаризация семьи приводит к ослаблению значения родственных связей. Но с этим можно согласиться с оговорками. Семья как традиционная структура является социальным стабилизатором, а пожилая семья в иерархии семейных ценностей занимает высокое место за счет укрепления социальных связей, большой зависимости детей, внуков в условиях кризиса от материального достатка пожилой семьи.

Изменяется роль внешних по отношению к пожилой семье регуляторов внутрисемейного поведения. Хотя меняются традиционные нормы и ценности, которые исторически делают семью социальным стабилизатором, новые ценностные установки и нормы вырабатывают свои собственные специфические способы стабилизации. Это происходит и в пожилой семье. На наш взгляд, ответом на общество риска, формирующееся в России, глубинные процессы впервые в историко-культурной перспективе привели к возможности формирования «в лице» пожилой семьи такой ценности, которая органична по своей природе. Это своеобразная система согласования целого с его частями и частей с целостностью. Молодое поколение обращается в условиях неопределенности и риска к традиционным, общечеловеческим ценностям и поэтому ценности пожилой семьи, как носительницы социокультурного опыта и социального стабилизатора возрастают в современном российском обществе, на наш взгляд. Другой тенденцией является процесс эгалитаризации внутрисемейных отношений. Это осуществляется в переходе от жесткой, авторитарной, регламентированной структуры семьи к отношениям нового типа, основанным на равноправии, внутрисемейном плюрализме, демократии как основной форме социальной стабилизации семьи и фактора ее социальной динамики. Традиционное разделение труда между мужчиной и женщиной заменяется функциональными, социально значимыми и прагматическими характеристиками.

Литература

1. Верещагина А.В. Трансформация института семьи и демографические процессы в современной России: монография. - Ростов н/Д.: Изд-во БЮФУ, 2009. - 264 с.
2. Гурко Т. Состоятельные женщины выходят замуж за молодых мужчин. Газета. ru от 22.07. 2013.
3. Дармодехин С.В. Государственная семейная политика в России: история и современность // Всероссийский центр уровня жизни. Мониторинг социально-экономического потенциала семьи. – 2001. - № 2. - С. 20.
4. Женщины в обществе: реалии, проблемы, прогнозы / Отв. ред. Н.М. Римашевская. - М., 1991.
5. Жуков В.И. Социальное образование в России: опыт и проблемы // Социальная работа: опыт и проблемы подготовки специалистов. - М., 1997.
6. Карцева Л.В. Семья в России на рубеже двух веков. - Казань, 2001.
7. Ле-Пле Ф. Основная конституция человеческого рода. - М., 1997.
8. Мустаева Ф.А. Семья в условиях финансово-экономического кризиса // Социс. - 2010. - № 7. - С. 66 – 68.
9. Население России 2009. Семнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А.Г. Вишневыский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». - М.: Изд. дом Высшей школы экономики 2011. – 334 с.

References

1. Vereshhagina A.V. Transformacija instituta sem'i i demograficheskie processy v sovremennoj Rossii: monografija.[The transformation of the institution of family and demographic processes in modern Russia: a monograph] - Rostov n/D.: Izd-vo BJuFU, 2009. - 264 s.
2. Gurko T. Sostojatel'nye zhenshhiny vyhodjat zamuzh za molodyh muzhchin. [Wealthy women marry young men] Gazeta.ru ot 22.07. 2013.
3. Darmodehin S.V. Gosudarstvennaja semejnaja politika v Rossii: istorija i sovremennost' [State family policy in Russia: Past and Present] // Vserossijskij centr urovnja zhizni. Monitoring social'no-jekonomicheskogo potenciala sem'i. – 2001. - № 2. - S. 20.
4. Zhenshhiny v obshhestve: realii, problemy, prognozy [Women in society: realities, problems, forecasts] / Otv. red. N.M. Rimashevskaja. - M., 1991.
5. Zhukov V.I. Social'noe obrazovanie v Rossii: opyt i problemy [Social education in Russia: experience and problems] // Social'naja rabota: opyt i problemy podgotovki specialistov. - M., 1997.
6. Karceva L.V. Sem'ja v Rossii na rubezhe dvuh vekov. [Family in Russia at the turn of two centuries] - Kazan', 2001.
7. Le-Ple F. Osnovnaja konstitucija chelovecheskogo roda. [The basic constitution of the human race] - M., 1997.
8. Mustaeva F.A. Sem'ja v uslovijah finansovo-jekonomicheskogo krizisa [Family in the conditions of financial and economic crisis] // Socis. - 2010. - № 7. - S. 66 – 68.
9. Naselenie Rossii 2009. Semnadcatyj ezhegodnyj demograficheskij doklad [The population of Russia of 2009.The seventeenth annual demographic report] / otv.red.A.G. Vishnevskij; Nac.issled.un-t «Vysshaja shkola jekonomiki». - M.: Izd. dom Vysshej shkoly jekonomiki 2011. – 334 s.

Николаева Людмила Сергеевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии и педагогики Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А.К. Кортунова Донского государственного аграрного университета.

Загорская Ольга Вадимовна – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и педагогики Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А.К. Кортунова Донского государственного аграрного университета.

Никулина Марина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и педагогики Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А.К. Кортунова Донского государственного аграрного университета.

Логвиненко Ольга Львовна -кандидат философских наук, доцент кафедры математики Новочеркасского инженерно-мелиоративного института имени А.К. Кортунова Донского государственного аграрного университета.

УДК 392.3

**ПУБЛИЧНЫЙ ХАРАКТЕР ЖИЗНИ КАК ОСОБЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ
КЛАССИЧЕСКОЙ ПАТРИАРХАЛЬНОЙ СЕМЬИ**

Циткилов П.Я.

В статье дан анализ публичному характеру жизни российской классической патриархальной семьи как одному из проявлений её особенностей. Автор указывает, что не только государство, церковь, но и институт родства, община, сословные корпорации, органы местного общественного управления активно воздействовали на семью. При этом в статье обращено внимание на объективные процессы постепенного разложения традиционной семьи на рубеже XIX-XX веков и появление ростков новой модели семьи.

Ключевые слова: *российская классическая патриархальная семья, институт родства, влияние сельской и казачьей общины на семейный мир, сословные корпорации, органы местного общественного управления, разложение традиционных основ российской семьи, сорокинская концепция зависимости состояния семьи от процессов в социально-экономической сфере общества.*

**PUBLIC NATURE OF LIFE AS A FEATURE
OF RUSSIAN CLASSICAL PATRIARCHAL FAMILY**

Tsitkilov P.Y.

At the article is given the analysis of the public nature of the life of Russian classical Patriarchal family as one of the characteristic manifestations of its features. The author indicates that not only the state, the Church and the institution of kinship, community, class corporations, local and public management actively influenced the family. In the article the attention is drawn to the objective processes of gradual decomposition of the traditional family at the turn of XIX-XX centuries and the emergence of sprouts of a new model family.

Keywords: *Russian classic Patriarchal family, the institution of kinship, the influence of rural and Cossack communities on family world class corporations, local and public management, the decomposition of the traditional foundations of the Russian family, Sorokin's concept of dependency of the family from the processes in the socio-economic sphere of society.*

В ходе процесса исторического развития нашей страны потребность в сильном государстве и твёрдой власти диктовала необходимость господства единовластной и более компактной, мобильной формы семейно-брачных отношений. В результате к XV в. в Московской Руси усиливаются позиции патриархальной семьи. По справедливому мнению исследовательницы А.В. Носковой, её окончательное оформление и ведущее положение определилось примерно в XVI-XVII в.[2,С.30]

Классическая патриархальная семья была основным типом семьи в многовековой истории нашего государства. Наряду с главенством мужа в семье, равенством имущественных прав супругов, абсолютной властью родителей над детьми, особой ролью церкви в регулировании семейной жизни важнейшим признаком российской патриархальной семьи являлся её публичный характер жизни.

Определенный социальный контроль в отношении семьи, активное воздействие на неё оказывали не только государство, церковь, но и институт родства, община, сословные корпорации, органы местного (городского) общественного управления и др. Публичный характер внутрисемейных отношений, прежде всего, проявлялся в тесном взаимодействии с родственниками и крестными. Семьи тогда были преимущественно многодетными, а, следовательно, при необходимости можно было рассчитывать на поддержку родни. Кроме того зачастую помогали и крестные родители, а также их дети.

Сельская община (крестьянская, казачья) в течение многих веков в определенной мере регулировала семейно-брачные отношения, а также осуществляла различные попечительские меры. Сельский староста в XIX в. оставался зачастую распорядителем и в вопросах супружеского выбора. Эта особенность, являвшаяся пережитком задружных основ семьи, была подмечена А.С. Пушкиным в одном из произведений. «Спрашивали однажды у старой крестьянки, - писал Александр Сергеевич, - по страсти ли она вышла замуж? «По страсти, - отвечала старуха, - я было заупрямилась, да староста грозился меня высечь». Таковы страсти обыкновенны». [3,С.347]

Крестьянский мир и казачий станичный сход (круг) ведали вопросами социальной поддержки, помощи односельчан и станичников. Система общинного попечительства включала в себя меры покровительства вдовам, престарелым, немощным, сиротам. Община учреждала опеку над малолетними детьми, отцы которых находились на военной службе, а матери по какой-либо причине не могли вести хозяйство. Опека устанавливалась общиной и над детьми, родители которых вели аморальный образ жизни или были высланы по суду в Сибирь.

Казачья община не только назначала опекунов, но и контролировала их действия. Она круговой порукой отвечала за сохранность имущества опекаемых ею лиц. Обедневшим казачьим семьям выдавался хлеб из запасных станичных магазинов, а при необходимости – денежные ссуды из общественных сумм. [1,С.48]

Крестьянская и казачья общины для помощи неполным семьям, в которых обычно вдовы воспитывали детей, активно использовали общественные хлебные магазины. Это подтверждают архивные документы. В одном из них сообщалось, что из такого магазина в июне 1910 г. вдове казака Раздорской станицы Области войска Донского Марии Романовской, «ввиду бедственного её положения, была выдана одна четверть два четверика*ржи в безвозвратное пособие на продовольствие». ¹ Выданное количество хлеба обычно пополнялось станичным обществом из нового урожая.

Публичный характер внутрисемейных отношений выражался и в особой роли сословных корпораций, соблюдавших определенные традиции в повседневной жизни. Например, глава казачьей семьи не только проявлял заботу об её благосостоянии, но и о соблюдении всеми домочадцами сословного статуса. Таким же образом поступали главы купеческой, мещанской, дворянской и других семей.

В соответствии с действующим законодательством общественные управления городов Российской империи во второй половине XIX – начале XX в. уделяли внимание вопросам помощи семьям, нуждающимся в поддержке. В смете расходов многих российских городов закладывались суммы на выдачу пособий для приданого девушкам из бедных семей. По решению городских самоуправлений, для таких семей открывались склады, торговые учреждения, где можно было по более низким ценам приобрести продукты, одежду, уголь.

Начавшаяся в 1914 г. первая мировая война актуализировала проблему помощи семьям, главы которых были мобилизованы на фронт. Эти семьи могли рассчитывать на

*Четверть и четверик – единицы измерения сыпучих тел, активно использовавшиеся до 1917 г. Одна четверть и два четверика примерно равнялись 260 л. См.: Четверть (единица объема). URL:<http://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A7%D0%B5%D1%82%D0%B2%> (дата обращения-03.02.2016г.).

¹ О выдаче из станичных запасных магазинов хлеба на продовольствие нуждающимся казакам Усть-Медведицкого округа. (01.06.1910г.). //Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф.52. Оп. Д.110.Л.10.

ежемесячное пособие от органа местного самоуправления, а при бедственном положении и на получение продовольственного пайка от государства. В декабре 1915 г. жительница административной столицы Области войска Донского г. Новочеркаска Е.И. Ретинская – жена бывшего машиниста городской электростанции, призванного по мобилизации, обратилась с прошением в местный орган общественного управления – управу. У этой женщины на руках было пять малолетних детей от 11 лет до 8 месяцев от роду. В её прошении отмечалось, что получаемое за мужа пособие в размере половинного оклада его прежнего жалования не позволяет прокормить семью. «Одежда на детей, какая была приобретена еще при муже, - сообщалось ею, - вся совершенно износилась, а купить не на что, да и время наступило холодное. Квартиру отапливать тоже нечем».¹ Женщина просила городского главу А.С. Дронова увеличить размер ежемесячного пособия. Этот вопрос был рассмотрен на заседании городской управы 19 января 1916 г. Признавая отсутствие у города возможности повышать размер пособия, которое выплачивалось тогда более 700-м семьям,² управа оказала содействие Ретинской в решении вопроса с получением казенного продовольственного пайка на себя и на каждого ребенка.

Публичный характер российской патриархальной семьи выполнял своеобразную защитную функцию. Во-первых, он ограничивал деспотические проявления в жизнедеятельности семьи. Во-вторых, благодаря включенности семьи в широкие родственные связи, в соответствующие корпоративно-сословные общности, а также взаимодействию с сельским общинным миром, городским общественным управлением обеспечивалась определенная её устойчивость.

Для многих граждан Российской империи патриархальная семья была основным стержнем их существования, высшей ценностью бытия, естественным положением устройства человеческой жизни. Данная модель семьи, применительно к рассматриваемой эпохи, была одной из наиболее семьецентристских.

Однако новые тенденции в социально-экономической жизни, включая мощный рост промышленного производства на рубеже XIX – XX в., потоки переселенцев с деревни в город, утверждение некоторых общественных свобод и прав, затронули и российскую традиционную семью. Патриархальные её основы начали размываться. Как справедливо отмечают некоторые исследователи проблем исторической эволюции семьи, в семейно-брачных отношениях той эпохи стали проявляться признаки частичного отказа от патриархальности. [4]

Определенная гуманизация внутрисемейной жизни была к началу XX столетия объективно востребована российским обществом. Выражением данного процесса стали ускоренная нуклеаризация семейной структуры и усиление роли женщины в выполнении повседневных руководящих функций по жизнеобеспечению семьи. Малая нуклеарная семья, состоящая из двух поколений, приходила на смену расширенной, многопоколенной. Такая тенденция определялась не только социально-экономическими изменениями в обществе, но и психологическими особенностями, издержками самой модели патриархальной семьи. Ведь зачастую молодые супруги уходили от родителей ведомые стремлением избежать проявлений всевластия последних, а также тягой к самоутверждению, что вполне обосновано.

Для российской пореформенной деревни было характерно массовое отходничество мужчин в города, на промышленные производства с целью поиска временного заработка. В результате их жены были вынуждены брать руководство семейными делами в свои руки. В конечном итоге это вело к ослаблению абсолютной власти мужа в семье. А ведь именно она была одним из краеугольных камней всей конструкции патриархальной семьи.

Процесс постепенного разложения традиционной российской семьи вначале XX в. стал проявляться в некоторых кризисных тенденциях, характерных для данной её модели. Об

¹О ходатайстве служащих в Городскую управу Новочеркаска о выдаче им пособий, авансов и прочего // ГАРО. Ф.694. Оп.1. Д.214. Л.10.

²Список лиц, подлежащих мобилизации // ГАРО. Ф.694. Оп.1. Д.115. Л.73.

этом вполне определенно писал выдающийся социолог Питирим Сорокин. Он отмечал, что выражением кризиса семьи были следующие явления: рост разводов, уменьшение числа браков, увеличение числа сожительства, рост проституции, падение рождаемости, освобождение женщины из-под опеки мужа, уничтожение религиозной основы брака и, наконец, все более слабая охрана супружеской верности и самого брака государством. [5]

Сорокин полагал, что вышеназванные явления долговременны по своему характеру. Он писал о прямой связи этих процессов, ослабляющих традиционные, базисные основы семьи, с капиталистическим общественно-экономическим укладом, набиравшим силу в Российской империи. По его мнению, капиталистическая культура заставляет предпринимателя трудиться «во имя своих интересов, интересов семьи и в то же время во имя тех же интересов грабить общество и трудящиеся массы». [5]

Социалистическая альтернатива, по словам Сорокина, на передний план призвана выдвинуть «менее эгоистический принцип общего блага, бескорыстного труда на общую, а не только семейную пользу». [5] Семейная политика в СССР, при всей ее противоречивости, была все же нацелена на ослабление проявлений кризиса традиционной семьи, на сохранение её универсальных ценностей. И, действительно, в отдельные периоды советской эпохи удавалось снять остроту некоторых кризисных проявлений семьи. При этом формировался новый её облик. Патриархальная семья трансформировалась в эгалитарную модель советского типа, основой которой стал принцип равных возможностей супругов в обеспечении семейной гармонии и устойчивости.

Сорокин сознавал, что семейная трансформация на основе социалистической культуры потребует много сил и времени. А сам этот переход вызовет «ряд диких наростов, болезненных опухолей и множество жертв». [5] Задача ответственной перед народом власти заключалась в том, чтобы не отказываться от такого пути, а, напротив, искать способы менее болезненного перехода к утверждению новой модели семьи, которая включала бы в себя принцип традиционализма, порядка, с одной стороны, и принцип прогресса, обновления, с другой.

На рубеже XX-XXI в. в условиях возрождения в России капиталистической общественной системы, наметившегося цивилизационного надлома вновь обострились кризисные тенденции в жизнедеятельности семьи. И это вполне объяснимо с учетом сорокинской концепции зависимости состояния семьи от процесса в обществе, в его социально-экономической сфере. Однако более обстоятельный анализ этих процессов требует отдельного исследования.

Литература

1.Ивченко И.В., Ратушняк В.Н. Исторический опыт казачьей общины и современность // Возрождение казачества (история, современность, перспективы). Тезисы докладов, сообщений, выступлений на V Международной (Всероссийской) научной конференции (сент. 1995). Ростов н/Д., 1995.

2.Носкова А.В. Социальные изменения института семьи в доиндустриальной России: историко-социологический анализ. Автор.дисс... докт. социол. наук. М., 2005.

3.Пушкин А.С. Путешествие из Москвы в Петербург // Собр. соч.: В 10 Т. Т.6. М., 1976.

4.Сидорова В.С. Родители и дети: причины бытовой преступности в Российской империи во второй половине XIX в. // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2011. Вып.4. Т.4. 65-74 с. С.65. Серия 10 – Государство и право. Юридические науки.

5.Сорокин П.А. Кризис современной семьи (социологический очерк). URL:http://pedlib.ru/Books/1/0418/1_0418-260.shtml(датаобращения-26.01.2016г.).

References

1.Ivchenko I.V., Ratushnjak V.N. Istoricheskiy opyt kazach'ej obshhiny i sovremennost'[The historical experience of the Cossack community and modernity] // Vozrozhdenie kazachestva (istoriya, sovremennost', perspektivy). Tezisy dokladov, soobshhenij, vystuplenij na V Mezhdunarodnoj (Vserossijskoj) nauchnoj konferencii (sent. 1995). Rostov n/D., 1995.

2.Noskova A.V. Social'nye izmeneniya instituta sem'i v doindustrial'noj Rossii: istoriko-sociologicheskij analiz. [Social changes in the family institution in the pre-industrial Russia: historical and sociological analysis]Avtor.diss... dokt.sociol. nauk. M., 2005.

3.Pushkin A.S. Puteshestvie iz Moskvy v Peterburg Petersburg [The journey from Moscow to St. Petersburg]// Sobr. soch.: V 10 T. T.6. M., 1976.

4.Sidorova V.S. Roditeli i deti: prichiny bytovoj prestupnosti v Rossijskoj imperii vo vtoroj polovine XIX v. [Parents and children: Causes of household crime in the Russian Empire in the second half of the XIX century.] // Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A.S. Pushkina. 2011. Vyp.4. T.4. 65-74 s. S.65. Serija 10 – Gosudarstvo i pravo. Juridicheskie nauki.

5.Sorokin P.A. Krizis sovremennoj sem'i [Modern Family Crisis] (sociologicheskij ocherk). URL:http://pedlib.ru/Books/1/0418/1_0418-260.shtml (dataobrashhenija-26.01.2016g.).

Циткилов Петр Яковлевич - доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории и социальных технологий Новочеркасского инженерно-мелиоративного института им. А.К. Кортунова Донского государственного аграрного университета. **E-mail – petrcitkilov@yandex.ru**

УДК 93/94

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ

Колосова Н. Н.

В статье рассматривается социокультурный контекст понятия «реформы» применительно к российским реформам. Автор выступает против отождествления понятий «реформы» и «модернизация» по западным стандартам.

Хотя понятие «реформа» изначально было сопряжено с понятием «прогрессивное развитие», в истории имели место реформы, (к примеру, те, что проводились в нашей стране в 90-е годы XX века), которые во многом дискредитировали позитивный смысл понятия «реформа».

На материале российских реформ XVIII, XIX и XX вв. автор выделяет две модели российских реформ: радикальный и компромиссный.

Ключевые слова: реформа, российские реформы, модернизация, вестернизация, Александр II, Петр I.

HISTORICAL EXPERIENCE OF RUSSIAN REFORMS

Kolosova N.N.

The article discusses the social and cultural context of the concept of «reform» in relation to the Russian reforms. The author argues against the identification of the concepts of «reform» and «modernization» by Western standards.

Although the concept of «reform» was originally associated with the concept of «progressive development» in history took place reforms (for example, those that were carried out in our country in the 90-ies of XX century), which largely discredited positive meaning of the concept of «reform».

On the material of Russian reforms XVIII, XIX and XX centuries the author identifies two models of Russian reforms: radical and compromise.

Keywords: *reform, russian reforms modernization, westernization, Alexander II, Peter I.*

Мировая история - это во многом история реформ. Реформирование - это закономерность, которая прослеживается в истории каждой страны, и Россия в этом плане, разумеется, не исключение. В последнее время активизировалось изучение опыта российских реформ в контексте проблем современной российской модернизации. Без достаточно глубокого исторического социокультурного осмысления этого опыта трудно определить правильные подходы к проблемам реформирования нашего общества в современных условиях.

Исторически понятие «реформа» рефлексировалось в европейском общественном сознании в XVIII веке, в эпоху Просвещения как понятие, отражающее способ постепенных, но уже явно назревших перемен в общественной жизни, которые осуществляются «сверху», самой властью, и результатом которых должно быть непременно улучшение, совершенствование общества, т.е. общественный прогресс. Наиболее органично, как представляется, понятие общественной реформы в таком позитивном смысле согласовывалось с идеями прогрессистской концепции модернизации. В рамках этой концепции, сформировавшейся в середине XX века в общей парадигме эволюционизма, модернизация трактовалась не как спонтанный процесс прогрессивного социального развития, а как процесс, который начинает и контролирует «сверху» интеллектуальная и политическая элита, стремящаяся вытащить свою страну из отсталости с помощью планируемых, целенаправленных реформаторских действий.

И всё же основной смысл термина «модернизация», в котором он используется в многочисленных теориях модернизации (У. Ростоу, Д. Белла, Д. Гелбрейта, М. Леви, У. Мура, Д. Медоуза, Р. Арона и др.), имеет модальное значение и раскрывается через понятие «современность». При этом речь идёт об историческом периоде общественного прогресса, отсчёт которого, как правило, ведётся с момента появления капитализма: под модернизацией понимается переход от доиндустриального (аграрного) общества - к индустриальному, капиталистическому обществу, от традиционного общества - к современному. В исторических дефинициях модернизация рассматривалась в этноцентристском плане как синоним «вестернизации» и означала движение к существующим на конкретной территории и в конкретное время обществам - образцам.

Причины того, что другие незападные страны стали реагировать на возвышение Запада в условиях, когда он перешёл от средневекового традиционного в современное состояние концептуально представил английский историк А. Тойнби в понятиях «вызова» и «ответа». Под вызовом понимают те негативные воздействия, которые общество может превратить в стимулы своего развития - ответы. Так, по отношению к России Тойнби находит три вызова: природы, монголо-татарского нашествия и подъёма Запада. Ответом на вызов Запада (его возвышение, вызвавшее опасение быть завоёванной, колонизованной, отсталой) Россия ответила модернизацией - попыткой догнать Запад. Развивая, данный концептуальный подход, некоторые отечественные исследователи, обобщая сегодня опыт российских модернизаций XVIII - начала XX вв., а, соответственно, и опыт реформ этого периода, утверждают, что они осуществлялись по имперской модели. Суть этой модели заключается в том, что модернизация была подчинена, прежде всего, таким главным задачам, как поддержание статуса великой державы, оборона от внешней агрессии, военно-политическая экспансия империи.

Необходимо заметить, что хотя понятие «реформа» изначально было сопряжено с понятием «прогрессивное развитие», в истории имели место реформы, (к примеру, те, что проводились в нашей стране в 90-е годы XX века), которые во многом дискредитировали позитивный смысл понятия «реформа». И некоторые историки, обществоведы, которые

предлагают сегодня толковать реформы как всякое изменение, преобразование независимо от того, какие последствия оно имело – негативные или позитивные.

При рассмотрении российских реформ XVIII -начала XX вв., в контексте имперской модели модернизации, в качестве их негативных последствий отмечается то, что они приводили к свехцентрализации управления, к росту бюрократического аппарата, к социокультурному расколу в обществе, к отсутствию широкого слоя частных собственников, к развитию российского капитализма в значительной степени «сверху», к маргинализации даже люмпенизации населения.

Логика изучения российских реформы в рамках той или иной макроисторической парадигмы общественного развития (модернизаторской, общецивилизационной, формационной) не предусматривает необходимость научного анализа самого способа реформаторской деятельности в контексте характеристики объективных социокультурных условий и личностных качеств социальных субъектов, которые инициировали реформу, идейно и организационно подготовили, смогли внедрить её как социальную новацию в реальную жизнь. Однако опыт российских реформ с этой точки зрения представляется весьма актуальным для сегодняшнего дня.

Если обратиться к российской истории, то можно выявить очень интересный в этом смысле период реформирования российского общества с 90-х гг. XVII в. до 90-х гг. XVIII в., когда российское государство столкнулось с «вызовами», до некоторой степени сходными с теми вызовами, которые мы переживаем сегодня, и должно было реформами отвечать на эти «вызовы». Хотя на протяжении этого периода степень радикализма реформ, нацеленность их на ту или иную сферу были различными, в проблемах, решавшихся властью, и методах их решения наблюдается определенная преемственность. С этим периодом связана реформаторская деятельность таких выдающихся исторических личностей, как Петр I и Екатерина II, которые добивались преодоления того, что они считали социально-экономической, социально-политической отсталостью страны, и осуществляли то, что сегодня называют модернизацией. И Петр I, и Екатерина II, осуществляя реформы, стремились к достижению тех идеалов общественного устройства, которые предлагала в своё время западноевропейская общественная мысль. Однако течение времени предопределило то, что общественно-исторические условия, в которых разворачивалась их реформаторская деятельность, существенно отличались. В результате можно говорить об историческом опыте двух моделей российских реформ.

Реформы Петра I представляет собой модель реформирования общества в условиях его системного кризиса. Это обстоятельство, по мнению авторитетных историков (Каменского и др.) [4], с одной стороны, обеспечило радикальным реформам Пётра I благоприятные условия, так как в результате кризиса произошла дезорганизация политической элиты, и она не смогла составить оппозиции: петровские реформы, перевернувшие жизнь российского общества, не встретили сколько-нибудь серьёзного сопротивления. Но, с другой стороны, кризис потребовал радикальных преобразований во всех сферах жизни и в относительно короткий срок. Это предопределило отсутствие планомерности, системности, проработанности, подготовленности в процессе реформирования, а также, во многом, и насильственный способ реализации реформ. Вместе с тем, стоит отметить и то, что Пётр I, руководствуясь идеями западных философов-рационалистов, был убеждён, что его подданные не способны осознать значение труда ради общего блага как необходимого условия для достижения их собственного блага, поэтому, и требуют принуждения со стороны государства. Поскольку процесс реформирования был трудным, а элита, проводившая модернизацию, была очень нетерпеливой, то ставилась задача коренного изменения культуры общества, его ценностей, т. е. задача, по сути, рекультурации. Попытка революционной ломки ценностей выступала как предпосылка ускоренных социальных преобразований.

Сегодня существует точка зрения, согласно которой в результате реформ Петра I начался процесс модернизации России, означающей «не отказ от самобытности как таковой,

а отречение от самобытности старого образца и созидание новой модели самобытности». [7,С.16.] При этом царь-реформатор в отличие от некоторых современных реформаторов изначально ставил перед собой не задачу уподобления Западу, а задачу превращения России в могущественную страну, оснащённую современными научно-техническими, технологическими достижениями. И хотя при решении этой задачи не обошлось в ряде случаев без поверхностного «европейничания», в итоге благодаря реформам Петра I «была заложена новая Россия, непохожая на себя в прошлом, но от этого не ставшая идентичной ни Англии, ни Франции, ни Западу в целом: Россия приступила к строительству новой модели самобытности». [7,С.16]

Исторический опыт петровских реформ свидетельствует о том, что период радикальных реформ требует максимального напряжения сил общества, и не может продолжаться сколь угодно долго. Общество, несомненно, через какое-то время начинает нуждаться в передышке и в осмыслении опыта, уроков осуществляемых преобразований, т.е. идёт проверка реформ самой жизнью, в ходе которой происходит в той или иной мере инверсия, движение вспять. Это, по сути дела, и наблюдалось в послепетровский период, когда проявились противоречивые, негативные последствия петровских реформ. В течение, по крайней мере, двух десятилетий преемникам Петра I пришлось ликвидировать последствия, например, финансового кризиса, сокращая расходы на государственный аппарат и армию. Долгосрочные негативные последствия имел и социокультурный раскол нации, вызванный реформами Петра I. [3]

Реформы Екатерины II, проводившиеся на той основе, которая была заложена Петром I, представляют собой модель реформ в условиях относительной стабильности, которая открывала возможность для проведения постепенных преобразований. Для екатерининской модели характерна тщательная продуманная подготовка самих реформ, а также основательная подготовка к ним общества. Многие отечественные и зарубежные историки считают Екатерину II одним из самых успешных реформаторов в русской истории, обращая внимание на значимость опыта реформаторской деятельности Екатерины II с точки зрения проблем сегодняшнего дня. Государственная деятельность Екатерины II разворачивалась в других исторических условиях по сравнению с деятельностью Петра I, поэтому екатерининские реформы, в отличие от петровских реформ, были сориентированы на иную модель общественного устройства. Екатерина II также, как и Петр I, находилась под влиянием западноевропейских общественно-философских теорий, но содержание самих этих теорий стало несколько иным: идеи философов-рационалистов были развиты и дополнены просветителями, которые стремились доказать, прежде всего, то, что деспотические формы правления приводят, в конечном счёте, к ослаблению, кризису и гибели государства. Для просветительских теорий был характерен либерализм, означавший признание самоценности человеческой личности и её свободы. Кроме того, если в петровское время закон выступал в качестве средства, то в екатерининское время он становится едва ли не самоцелью, и создание справедливых законов рассматривается как обязанность правителя. Екатерина II стремилась создать в России сословное общество западноевропейского образца, в котором был бы чётко определен правовой статус каждого сословия, а также права и обязанности каждого человека, входящего в то или иное сословие. В отличие от Петра I, который рассматривал крепостничество в качестве необходимого элемента той модели общества, на создание которой были направлены его реформаторские усилия, Екатерина II воспринимала крепостничество как тормоз на пути развития общества. Но пойти на отмену крепостного права она не решилась, осознавая отсутствия необходимых для этого условий, и, прежде всего, отсутствие социальной опоры для проведения такой радикальной реформы.

В отечественной историографии последнего времени обращается внимание на то, что политика Екатерины II была единой на протяжении всего времени её царствования. При этом крестьянская война 1773 – 1774 гг. под руководством Е. Пугачёва создала благоприятные условия для проведения административных реформ: после этого массового народного выступления очевидной стала их неотложность, а дворянство, напуганное этим событием, не

склонно было уже сопротивляться реформам, которые были направлены, в частности, на ликвидацию угрозы новой пугачёвщины. Екатерина оставила страну в гораздо более благополучном состоянии, нежели получила.

В середине XIX в. в России «мирно, законодательным путём», через реформу, был осуществлён грандиозный социальный переворот: в 1861 году ликвидировано крепостное право. К. Д. Кавелин оценивал реформу 1861 года «как одно из величайших событий русской мировой истории», обращая при этом внимание на то, что русские крестьяне, бывшие «до тех пор почти полными рабами», стали свободными, полноправными гражданами», и началось в огромных масштабах превращение их «в мелких поземельных собственников». Был получен исторически ценный опыт успешного масштабного реформирования, опыт репрезентативной общественной реформы.

Крестьянская реформа Александра II являлась ответом на давний общественный «запрос», и это предопределило общественную значимость и легитимность преобразований. Важно отметить, что уже предшественники императора Александра II, осуществившего отмену крепостного права, - и Александр I, и Николай I – хорошо осознавали необходимость освобождения крестьян и предпринимали определённые шаги в этом направлении. Но ни Александр I, ни Николай I не смогли отменить крепостное право, потому что им противостояла сплоченная дворянская оппозиция. Лишь в условиях системного кризиса российского общества, очевидным проявлением которого стала Крымская война, оппозиция утратила силу, сплочённость, и реформы стали возможны. По образному выражению историка В.О. Ключевского, «Севастополь ударил по застоявшимся умам». Несмотря на то, что реформы осуществлялись Александром II в условиях кризиса, они не были хаотичны, а, наоборот, отличались основательной подготовкой.

Александр II в проведении реформ нашёл опору в лице либеральной интеллектуальной элиты, для которой очевидной была политическая несовместимость двух задач либеральной модернизации - отмены крепостного права и введение представительного правления в условиях привилегированного положения дворянского сословия. Поэтому реформаторская программа российских либералов не включала идею конституции, делая её приемлемой для монархии. Инициативная роль монархии была своеобразной заменой конституции, гарантом осуществления отмены крепостного права. Известный славянофил Иван Аксаков, выражая своё понимание перспектив, смысла реформаторской деятельности самодержавия, обращал внимание на трудность «согласить» помещичье звание с выгодами и свободой крестьян и считал, что «это двое тяжущихся, которым нужен посредник».

Рассматривая деятельность Александра II, направленную на инициирование и организацию реформаторского процесса, можно сделать вывод о том, что в этой деятельности он опирался на традиции политической культуры российского общества. Вместе с тем, был введён ряд институционально-организационных новаций, благодаря которым реформа приобрела необходимую степень легитимности. Эти инновации обеспечивали необходимую общественную активность, не нарушая в целом традиций самодержавного сословно-иерархического российского общества. Реформа, отменившая крепостное право, как представляется, состоялась во многом благодаря тому, что царь-реформатор в процессе подготовки реформы опирался на гласность. Это позволило склонить общественное мнение основной массы дворянства в пользу необходимости освобождения крестьян и ускорить процесс создания дворянских комитетов, призванных разработать локальное, отдельное для каждой губернии законодательство. В условиях гласности и общественных дискуссий смог проявиться весь спектр сословно-групповых интересов, ценностных установок, стереотипов мышления различных слоёв в значительной степени дифференцированного дворянского сословия: дворянства чернозёмных и нечернозёмных губерний, крупных землевладельцев и мелкопоместного дворянства и т.д. В конечном счёте, был найден необходимый компромисс между различными подходами к реформе, сформировавшимися внутри дворянского сословия.

Реформа 1861 г. была связана с такой проблемой, при решении которой дворянство представляло весьма заинтересованную сторону, а возможность же участия в подготовке реформы представителей другой заинтересованной стороны - крепостного крестьянства - исключалась в принципе. В этой ситуации самодержавное государство, привлекая дворянство к разработке проектов реформы, в то же время регулировало, ограничивало степень его влияния, представляя во многом интересы социально пассивной в правовом отношении крестьянской части общества. В этой связи важной опорой Александру II могла стать и фактически стала «продвинутой» частью высшей российской бюрократии. Представители элиты российской бюрократии стали активными сподвижниками императора в его реформаторской деятельности. Кадровая политика Александра II была направлена, на то, чтобы правительственные структуры, занимавшиеся подготовкой реформы, смогли найти такую формулу нововведений, которая обеспечила бы на деле социокультурный компромисс.

Опыт крестьянской реформы 1861 года показывает, что на этапе инициирования и разработки содержания реформы важно посредством тех или иных организационных форм обеспечить взаимодействие правительственно-административной элиты, располагающей необходимыми для общественных инноваций ресурсами, с теми представителями интеллектуальной элиты, которые в концентрированном виде выражают общественное мнение и продуцируют инновационные идеи. Так, для составления общего положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости были учреждены, так называемые, Редакционные комиссии, в состав которых помимо чиновников заинтересованных ведомств, представлявших собой интеллектуальную элиту российской бюрократии (Н.А. Милютин, Я.А. Соловьёв и др.), были включены эксперты из «сведущих» людей, выступавших, по выражению Ю.Ф.Самарина, в роли «свободного совещательного элемента в государственном вопросе» (ректор Киевского университета Н.Х. Бунге, П.П. Семёнов, будущий Тянь-Шанский и др.) [5, С.78]. Редакционные комиссии, не являясь по составу ни высшим государственным институтом, ни сословно-представительным собранием, выступили в качестве эффективной организационной формой определённого разрыва с многолетней традицией узковедомственного решения крестьянского вопроса. Они использовали гласность как метод государственной практики, как её новый инструмент. Другой характерной чертой деятельности Комиссий являлось стремление к научной обоснованности содержания проекта разрабатываемой реформы.

Опыт крестьянской реформы 1861 года, ярко показывает, насколько велика роль реальных субъектов реформаторской деятельности: важно, чтобы их личностные качества позволяли им руководствоваться принципами достижения общественного компромисса, стабильности, общественного блага, и, в итоге, стать носителями таких новаций, которые имеют общезначимое ценностное содержание. Особенно велика роль лидера реформаторского процесса. Император Александр II, выступавший в условиях самодержавной формы правления в качестве главного субъекта реформы, проявил способность к организационному творчеству в рамках базовых традиций политической культуры, которое обеспечивало необходимую динамику реформаторского процесса, его легитимность и достижение в итоге социокультурного компромисса.

На всех этапах реформы, – на стадии инициирования и организации подготовки реформы, разработки и отбора проектов её концептуального содержания, а также внедрения общественных новаций, - большую роль в способах деятельности субъектов реформаторской деятельности играли традиции, составляющие содержание политической культуры реформируемого российского общества на данном историческом этапе его развития. Они определяли круг субъектов реформ, направление их деятельности, содержание отношений между всеми участниками реформаторского процесса.

Концепция реформы сложилась в условиях конкурсного отбора потенциально возможных новаций, в котором участвовали взятые из недавнего прошлого, апробированные на региональном уровне образцы решения крестьянской проблемы, («остзейский» опыт,

инвентарная реформа 1842 года), а также варианты решения крестьянской проблемы в европейских странах (Пруссии, Австрии, Франции). Эти, имеющиеся в социокультурном наследии образцы решения крестьянского вопроса, интерпретировались реформаторами с позиций соответствия их традициям, отражающим самобытность российского общества, а также с учётом возможности компромисса между ценностными установками, традициями дворянства и крестьянства в условиях исторически сложившегося социокультурного раскола российского общества. Так, Положение 19 февраля 1861 года, хотя и повысило статус бывших крепостных, объявив их «свободными сельскими жителями», но не нарушило традиций сословно-иерархического устройства. Традиции общинной социокультурной регуляции жизни российского крестьянства усиливались, как бы компенсируя утрату традиций помещичье-вотчинной регуляции. Реформаторам, как представляется, удалось в значительной мере обеспечить социальный компромисс. Способом компромисса двух противоположных традиционных ценностных установок дворянства и крестьянства в отношении, например, земли в концепции реформы выступали предусмотренные законодательством постепенность и гибкость в реализации положений реформы. Ценностно-смысловое содержание разработанного реформаторами законодательства, означало, на наш взгляд, не столько прогрессивное общественное развитие западного образца, сколько решение, прежде всего, такой общественно значимой проблемы как достижение общественной стабильности.

Для российского общества XIX века характерен был традиционалистский тип исторической динамики, ориентированный, прежде всего, главным образом на воспроизводство традиции, накопленного социально-исторического опыта, нравов, т. е. традиционных технологий жизнеобеспечения и социальной активности. У большинства населения страны доминировал авторитет традиционных форм жизни, обусловленный слабостью индустриального развития, незначительной урбанизированностью, бедностью населения. В этих условиях основную роль играли общинные нравы деревенского населения. Концептуальное содержание реформы свидетельствует о том, что реформаторы, учитывая это, стремились не столько обеспечить ускоренную модернизацию общества в смысле перехода от традиционных к современным координатам общественного развития, сколько старались достичь социальной стабильности, обеспечив как процветание поместного дворянства, так и благосостояние крестьян. Как подчёркивают некоторые исследователи крестьянской реформы, «царь и его советники сильнее опасались хаоса, чем желали прогресса.» [2, С.87] Эта стабильность, очевидно, должна была быть обеспечена ликвидацией произвола душевладельцев в отношении крепостных, открывшейся возможностью постепенного выхода крестьян из социальных и экономических форм крепостничества при сохранении их неравноправного положения в условиях прежней, сословно-иерархичной, системы общественного устройства. Интересам стабильности призвано было служить сохранение общины как инструмента привычной, традиционной для крестьян формы социокультурной регуляции их жизни. Сохранению стабильности должен был способствовать и медленный темп преобразований. В целом, концепция реформы, как представляется, свидетельствует о том, что субъекты реформы исходили из понимания необходимости вводить социальные инновации, опираясь на базовые традиции, на традиционные основы, характерные для реформируемой общественной системы, чтобы сделать социально-инновационный процесс постепенным и менее болезненным для тех, кого он касался.

Представляется весьма точной оценка, согласно которой реформа 1861 года, была результатом компромисса, сложного согласования несовпадающих, во многом даже противоречивых интересов государства, частных землевладельцев и крестьян... Избранный реформаторами средний путь, путь уступок и постепенного преобразования крепостной деревни в вольную, был близок к оптимальному». [1, С.109]

В отечественной историографии есть точка зрения, согласно которой самодержавие (наряду с православием, колонизацией) являлось одним из основных исторических

препятствий на пути российской модернизации. Опыт российских реформ XVIII-XIX вв., с которыми некоторые исследователи связывают первый (досоветский этап) отечественной модернизации свидетельствует, что в нашей истории России есть примеры успешного реформирования и в условиях самодержавия. Очевидно, очень большую роль играет личность самого самодержца, а также реформаторский потенциал правящей верхушки. Это, на наш взгляд, в полной мере подтверждается ходом и результатами реформ в России на рубеже XIX – XX вв.

Реформы 60-70-х гг. XIX в. явились серьёзным импульсом для ранне-индустриальной модернизации в России, которая имела, как считают многие исследователи, догоняющий, характер. В отличие от развитых западных стран, для которых характерна была органичная модернизация, в России главный социальный субъект модернизации в лице буржуазии к началу XX в. не успел сформироваться. В условиях российской политической системы на рубеже XIX - XX вв., всей полнотой власти обладал император, выражающий интересы главным образом помещиков. Специалисты обращают внимание на меры государства, которые тормозили проведение раннеиндустриальной модернизации, а также на косность верховной власти, явно не способной к государственному регулированию как эффективному инструменту догоняющей модернизации. Подтверждением тому стали реформы и С.Ю. Витте, и П. А. Столыпина.

С.Ю. Витте, будучи министром путей сообщения и финансов, разработал государственную программу индустриализации страны. Эта программа предусматривала форсированное железнодорожное строительство, широкое привлечение иностранного капитала в промышленность и в банки, введение винной монополии, осуществление денежной реформы, введившей золотое обращение и обмен кредитного рубля на золото. Но реформаторская деятельность С.Ю. Витте довольно скоро вызвала недовольство Николая II и правящей верхушки, и в 1903 г. он был смещен с поста министра финансов. Правящие круги России на рубеже XIX - XX вв., оказались не в состоянии решить накопившиеся в обществе проблемы путём реформ, а предпринимательская и интеллектуальная элита не имела рычагов власти для реформирования, результате чего и разразилась революция 1905 - 1907 гг.

После революции министр внутренних дел и председатель Совета, министров П.А. Столыпина предполагал осуществить целый ряд реформ (аграрную, местного самоуправления, судебную, просвещения, по рабочему вопросу), которые должны были расширить социальную базу режима, создать класс мелких земельных собственников. Однако большую часть реформ осуществить не удалось из-за сопротивления императора и всего дворянско-монархического политического лагеря. Анализируя содержание, способ осуществления, итоги главной, аграрной, реформы П. А. Столыпина, можно сделать вывод о том, что она не стала тем социокультурным общественным компромиссом, который смог бы снять остроту социальных противоречий в сфере аграрных отношений, решить проблему крестьянского малоземелья. В частности, слабым местом реформаторского замысла стала абсолютизация позитивной роли частной собственности вообще, которая полностью игнорировала общинные традиции российского крестьянства, его коллективистский менталитет. При осуществлении реформы наблюдался грубый произвол бюрократического аппарата, в частности в переселенческой политике, в насаждении хуторов и отрубов. Правящим кругам не удалось разрушить крестьянскую общину и создать широкий слой мелких крестьян-собственников (фермеров). Не затрагивая помещичьего землевладения, невозможно было обеспечить фермеров земельной собственностью в размере, необходимом для рационального ведения хозяйства. Реформа игнорировала и региональные различия относительно природно-климатических условий, количества пахотной земли, плотности населения в различных губерниях. Нерешённость же крестьянского вопроса стала одним из главных факторов революционных событий 1917 года в России.

Анализ исторического опыта реформ советского периода в современных условиях осложняется тем, что введение в широкий оборот концепции тоталитаризма применительно

к советскому обществу существенно затрудняет содержательный анализ данного периода отечественной истории. Но, очевидно, что индустриальная модернизация нашей страны в советский период стала возможна не только, и даже не столько вследствие насилия, сколько в силу того, что технология её осуществления в значительной мере учитывала социокультурную специфику общества, и, прежде всего, его ключевые аксиологические структуры.

Существуют разные точки зрения относительно сущности советского общества в эпоху его заката. Представляется, что во многом правы те современные исследователи, которые считают, что в отличие от индустриальных стран Запада, которые перешагнули рубеж информационного общества и имели зрелые институты гражданского общества, наша страна, несмотря на глубокие социальные и политические изменения в процессе индустриализации, в своих сущностных измерениях вплоть до постсоветского периода оставалась традиционным обществом с вестернизированной элитой.

Осмысление опыта преобразований советского общества, вошедших в историю под названием «перестройка», важно с точки зрения выявления тех факторов и обстоятельств, которые не способствуют успешному реформированию. Объективно назревшая необходимость перемен в той или иной мере осознавалась значительными слоями общества. Активность проявляли представители разнородных социальных сил от общественно-политической элиты до неквалифицированных рабочих. Инициаторы реформ опирались на разнородные социальные силы и не имели определённой модели реформ. Это привело к довольно хаотичной политике государственно-бюрократического реформирования под лозунгами сначала «ускорения», а затем - «перестройки». Эта политика включала разнонаправленные изменения: от борьбы с нетрудовыми доходами до разрешения частной собственности и использования наёмного труда, от заявлений о быстром повышении уровня жизни до первого массового повышения цен и т. п. Непоследовательность курса на экономическую самостоятельность предприятий и развитие самоуправленческих начал вызвали нарастание кризисных явлений в экономике. Безуспешными оказались попытки реализовать принципы демократии в огромном многонациональном государстве при отсутствии у его политического руководства чёткого плана действий и политической воли. Создание выборных органов государственной власти, и усиление их роли в условиях резко ухудшающегося экономического положения страны привело к тому, что они стали каналами выражения массового недовольства и способствовали росту напряжённости в обществе, дестабилизации положения в стране. Попытки реформирования без определённой, ясно продуманной, научно обоснованной модели реформ стали серьёзной причиной замены эволюционного реформаторского процесса политикой революционного разрушения, которая стала осуществляться уже с августа 1991 года.

Начавшийся в 1991 году период преобразований принципиально отличался от предыдущего периода тем, что обновлённая политическая элита в качестве ориентира имела чётко определённую модель западного общества и использовала революционные методы радикального реформирования с целью её немедленного внедрения.

Этот способ радикального реформирования ярко проявился в экономической политике государства, которая проводилась с 1992 года примерно до 1996 года. Основу этой политики составила «шоковая терапия» (либерализация цен в условиях высокого уровня инфляции, масштабная приватизация, ликвидация бесплатных социальных услуги т. п.). Радикальное рыночное реформаторство в социально-экономической сфере обернулось глубоким экономическим кризисом, чрезмерной поляризацией общества в условиях резкого роста социального неравенства. В политической сфере же вместо полноценного демократического режима утвердилась авторитарная демократия (авторитарная по содержанию и демократическая по способу формирования политического режима). В месте с тем происходила значительная бюрократизация общества на основе соединения административной и финансово-экономической власти в руках одних и тех же лиц. После принятия новой Конституции (1993 г.) практически исчез парламентский контроль за

исполнительной властью и в центре, и на местах. В целом в период с 1992 года по 1996 год происходят революционные социальные и политические преобразования. Этот период ознаменовался «решительными успехами» приватизации и передела собственности, формированием системы государственно-бюрократического капитализма, необратимыми изменениями социальной стратификации и образа жизни. Следующий этап в истории нашей страны – с августа 1996 года до декабря 1999 года – можно рассматривать в качестве постреволюционного. Правящая элита продолжила прежний политический курс с некоторыми модификациями. Осуществлён был переход от ваучерной приватизации к продаже государственной собственности. Происходила дальнейшая концентрация капитала и его сращивание с государственной властью. Предпринимались неудачные попытки «реформирования» социальной сферы путём дальнейшего вытеснения бесплатных услуг платными: реформы в сфере образования, медицинского и пенсионного обеспечения. Радикальное реформаторство преследовало цель слома коллективистских ценностей, утверждения потребительской мотивации и устремлённости к динамичным изменениям.

Негативные последствия реализации курса «шоковой терапии», а также характерные для национальной ментальности представления о социальной справедливости, коллективизме и уравнительном распределении и архетипы российской культуры, ориентированные не на материальный интерес и обогащение, а на нестяжательство и самоотречение ради других, казалось бы, могли стать теми важными факторами, которые должны были резко усилить левые оппозиционные настроения в российском обществе 90-х годов. Но, этого не произошло, очевидно, из-за разочарования широких слоёв населения в политике вообще, из-за кадрового дефицита успешных политиков в левом движении и его организационной слабости в целом. Руководство профсоюзов сместилось вправо, для значительной же части КПРФ характерно непонимание стратегических интересов левого движения. В этих условиях правящая элита уже не нуждалась в революционных методах преобразований.

В литературе, на наш взгляд, правильно отмечается то, что в XX в. для всех этапов российского модернизационного процесса – досоветского, советского и постсоветского – характерна была однотипная модель реформирования (хотя формы и методы решения проблем отличались, находясь в зависимости от различных конкретно-исторических условий). В ходе реализации этой модели правительственные верхи осуществляли преобразования, произвольно определяя потребности общества и возможные способы их достижения. При этом они обладали монопольным правом на любые социальные изменения в стране.

Идеологические и психологические факторы заставляли различные политические режимы делать упор именно на экономику, форсируя её развития и явно недооценивая значение других сторон модернизационного комплекса, и, прежде всего, - социокультурных. При этом игнорировались существенные связи между менталитетом народа и содержанием реформ, способом реформирования. Но при этом всё же не удавалось достичь оптимального взаимодействия между производством, распределением, обменом, потреблением, наладить отношения между обществом и государством в решении проблем экономического развития. Осмысление опыта, уроков реформ на всех этапах российской модернизации XX в. свидетельствует о неумении «верхов» решать проблемы модернизации системно, в постоянном контакте и согласии с обществом. Постоянно происходила подмена реформ как эволюционных преобразований, вытекающих из внутренних потребностей развития общества, социальным экспериментированием, которое означало реализацию на практике тех, зачастую чисто умозрительных идей, которые возникали у властвующей элиты в условиях, когда время для эволюционных преобразований, внутренне детерминированных, было уже упущено. Такие преобразования отличаются радикальным характером перемен, пренебрежительным отношением к традиции и социальному опыту, накопленному в предшествующие периоды, формированием в обществе завышенных социальных ожиданий, а также высокой социальной ценой преобразований. В ходе современных дискуссий

высказывается мнение о том, что такая модель нашего отечественного реформирования может быть преодолена на пути переориентации общества на тип органического развития, в условиях которого концепция реформ, их смысл, способ реализации будут определяться внутренними потребностями страны и являться ответом на реальные «вызовы» времени. А это с необходимостью требует непрерывного диалога общества и власти.

В современной отечественной историографии, объясняющей характерные особенности российских реформ с помощью понятия «догоняющая модель модернизации», внимание акцентируется на том, что Россия постоянно заимствовало опыт европейских стран. Модернизации проводились главным образом по инициативе наиболее передовой части правящего слоя, которая, сравнивая Россию с Западом, не стремилась воспроизвести западные социально-экономические предпосылки развития и механизмы управленческих решений, а воспроизводила лишь их внешние образцы. Важно, очевидно, отметить то, что дело не в том, чтобы никого не догонять и ничего не заимствовать, а в том, как это делать

Опыт развития стран Востока показывает, что духовной основой модернизации могут служить собственные социокультурные комплексы, соединяющие самобытные принципы социально-экономического устройства с идеей развития. Они могут выступать в виде целостной идеологии или просто присутствовать в общественном сознании, содействуя принятию обществом идей и ценностей, отвечающих потребностям его развития при сохранении его идентичности. Например, японское экономическое «чудо» не было ломкой традиционной культуры и национального характера, а стало их органичным продолжением. Такие идеи и ценности создают духовные основы преобразований и обеспечивают консолидацию общества через легитимизацию перемен в общественном сознании. Уровень материального благосостояния не является универсальной ценностью, способной обеспечить духовный фундамент модернизации в странах самобытных цивилизаций, хотя ставится цель повышения уровня жизни.

Если попытаться определить те, внутренне присущие российскому социуму ориентации, которые обеспечивали прогрессивное развитие России в прошлом, то можно сделать вывод о том, что чисто прагматический интерес никогда не играл определяющей роли. Для так называемого «русского пути» характерно подчинение материального благополучия идеям «совести», «справедливости» и «служения» - как в православном, так и в светском понимании. [6, С.110-113] В XIX - начале XX вв. для крупнейших российских предпринимателей социальная и благотворительная деятельность служила и средством повышения престижа, и формой оправдания эксплуатации, и воспринималась как долг перед народом. После революции главной ценностью, мотивирующей хозяйственную деятельность, стала мобилизация всех сил для создания материальной базы коммунистического общественного идеала. И хотя роль принуждения при этом была велика, всё же определяющее значение имел идейный фактор. Если для западного сознания марксизм явился одной из разновидностей рациональной, во многом утопичной, социальной теории, то в России он был воспринят как духовная идея, как новая религия. Принципы равенства, социальной справедливости, коллективной солидарности соответствовали гуманистическому содержанию русской культуры, характерным для неё архетипам сознания. В советском обществе сформировался тип массового сознания, в котором ценности традиционного общества сочетались с «прогрессистскими» ценностями, характерными для индустриального общества.

В российской культуре наиболее значимой ценностью, мобилизующей хозяйственную активность и обеспечивающей модернизацию, до самого последнего времени было служение высшему - общественному или общественно-государственному - идеалу. Трудовая аскеза в России неотделима от идеи служения высшей ценности, а не просто удовлетворения эгоистических интересов.

Определяя пути современной российской модернизации, важно учитывать мировой опыт, который показывает, что традиционные общества вполне жизнеспособными не только

в индустриальную эпоху, но и в условиях постиндустриального, информационного общества, которое идёт ей на смену.

Сегодня высказывается, правильное, на наш взгляд, суждение о том, что трудности реформ в современной России в значительной степени обусловлены тем, что в качестве образца выбрана исчерпавшая себя парадигма индустриального развития, давно списанная со счетов теми, кто раньше вступил на путь модернизации. В современных условиях необходимо взять постиндустриальный барьер. А постиндустриальное общество, как известно, – это как бы возвращение в мир отвергнутых индустриализмом традиций, но возвращение, осуществляемое на современном уровне.

Очевидно, в современных условиях успех реформ, обеспечивающих модернизацию в широком смысле данного понятия (как перехода от одного этапа развития к другому) в значительной мере определяется степенью созвучности традиционной для каждого конкретного общества системы ценностей с аксиологическим содержанием модернизационной доктрины, а также степенью соответствия модернизационной технологии традиционной культуре.

Способы реализации реформ, конечно, зависят от конкретно-исторических условий (кризис или относительно стабильное состояние), которые определяют степень радикализма, уровень принуждения и т.д. Но в любом случае следует учитывать, что успех реформы невозможен без достаточной поддержки населения. Чтобы иметь эту опору для преобразований цели, содержание реформы должны быть ответом на реальный «вызов», на актуальный общественный запрос и не должны носить умозрительный характер. Реформатор должен, как представляется, и этому учит история, опираться на наиболее активную в социальном отношении часть общества, которая разделяет его цели, если таковые есть, потому, что другим непременным условием осуществлением реформы является то, что необходимо наличие политической воли и четкое представление о конечных целях.

Литература

1. Головатенко А. История России: спорные проблемы. М., 1994.
2. Даниел Филд. 1861: Год юбилея. // Великие реформы в России. 1856 – 1874. - М., 1992.
3. Ерасов Б. С. Инверсионный характер российской модернизации // Модернизация и национальная культура. - М., 1995.
4. Каменский А. Реформы в России с точки зрения историка. URL: <http://polit.ru>
5. Литвак Б.Г. Переворот 1861 года в России: почему не реализовалась реформаторская альтернатива? М., 1991.
6. Сохряков Ю. И. Концепция человека в Русской идее и Американской мечте. // Русская идея и современность. М., 1992.
7. Шаповалов В. Ф. Истоки и смысл российской цивилизации. М., 2003.

References

1. Golovatenko A. Istorija Rossii: spornye problemy. [History of Russia: the controversial issues] М., 1994.
2. Daniel Fild. 1861: God jubileja. [1861: Year of Jubilee] // Velikie reformy v Rossii. 1856 – 1874. - М., 1992.
3. Erasov B. S. Invercionnyj harakter rossijskoj modernizacii [Inversion nature of Russia's modernization] // Modernizacija i nacional'naja kul'tura. М., 1995.
4. Kamenskij A. Reformy v Rossii s tochki zrenija istorika. [Reforms in Russia from the point of view of the historian] URL: <http://polit.ru>
5. Litvak B.G. Perevorot 1861 goda v Rossii: pochemu ne realizovalas' reformatorskaja al'ternativa? [The revolution in 1861 in Russia, why not realized reformist alternative?] М., 1991.
6. Sohrjakov Ju. I. Konceptija cheloveka v Russkoj idee i Amerikanskoj mechte. [Human concept of Russian idea and the American Dream] // Russkaja ideja i sovremennost'. - М., 1992.

7.Shapovalov V. F. Istoki i smysl rossijskoj civilizacii. [The origins and meaning of Russian civilization] - M., 2003.

Колосова Наталья Николаевна – к.ф.н., доцент кафедры философии и истории ФГБОУ «Донской государственный аграрный университет».

УКД 37.016

**«А НАУКА ТЕОЛОГИЯ ЕСТЬ?»:
О РЕЛИГИОЗНОМ И СВЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИИ**

Лаврухина И.М.

В статье анализируются сложные взаимоотношения религиозного и светского образования в рамках школьного и вузовского обучения в России. Обсуждаются вопросы о том, можно ли преподавать религию в школах в светском государстве, и какова должна быть образовательная политика государства в целом. Представлены две основные позиции: конфессиональная и светская, и основные модели включенности религиозной компоненты в общеобразовательные программы. Подчеркивается сложность решения этой проблемы в поликонфессиональном государстве и возникающие в связи с этим трудности конституционно-организационного порядка. Выясняется сущность духовного, религиозного и религиоведческого форм образования, а также их возможности в формировании мировоззренческих устоев человека. Оценивается перспективность и правомерность изучения теологии в системе светского высшего профессионального образования. Подчеркивается, что разделение религиозного и религиоведческого образования обусловлено различием предметов их изучения, основанного на разведении двух фундаментальных понятий: идеи Бога в культуре в религиоведении и категории Бога как всемогущего Творца и управителя мира в теологии. Дается понимание подлинной религиозности, характерной для большинства людей, и ее отличия от конфессиональности. Делается вывод о том, что в школах и вузах наиболее эффективным был бы религиоведческий подход к изучению религии без связи и взаимодействия с религиозными организациями. Религиоведение не направлено на пропаганду атеизма. Содержанием курса религиоведения должны стать оценка истории и культуры религий с философской, социологической и исторической позиций, объяснение происхождения и особенностей религии в обществе, рассмотрение религиозных традиций в их взаимосвязи. Такое обучение должно регулироваться государственными стандартами общего или профессионального образования.

Ключевые слова: религия, религиозные образовательные учреждения, светская школа, религиозное образование, духовное образование, религиоведческое образование, теология.

**«WHETHER THERE IS A THEOLOGY AS SCIENCE?»:
ABOUT RELIGIOUS AND SECULAR EDUCATION IN RUSSIA**

Lavrukhina I.M.

In article, difficult relationship of religious and secular education within school and high school training in Russia is analyzed. Questions of whether it is possible to teach religion at schools in the secular state and what has to be educational policy of the state in general are discussed. Two main positions: confessional and secular, and main models of an inclusiveness religious components in general education programs are presented. Complexity of the solution of this problem in the polyconfessional state and the difficulties of a constitutional and organizational order arising in this regard is emphasized. The essence spiritual, religious and theological education forms, and also their opportunity in formation of world outlook foundations of the person is investigated. Prospects and legitimacy of studying of theology in system of secular higher

education are estimated. It is emphasized that division of religious and theological education is caused by distinction of objects of their studying based on cultivation of two fundamental concepts: ideas of God in culture in religious studies and category of God as almighty Creator and manager of the world in theology. The understanding of the original religiousness characteristic of most of people, and her differences from a konfessionality is given. The conclusion that at schools and higher education institutions theological approach to studying of religion without communication and interaction with the religious organizations would be the most effective is drawn. The religious studies aren't directed to promotion of atheism. The assessment of history and culture of religions from philosophical, sociological and historical positions, an explanation of an origin and features of religion in society, consideration of religious traditions in their interrelation have to become the maintenance of a course of religious studies. Such training has to be regulated by state standards of the general or professional education.

Keywords: *religion, religious educational institutions, secular school, religious education, spiritual education, theological education, theology.*

Главной целью образования является передача «духовных богатств» и «культурных ценностей». Это невозможно без этического, религиозного или религиоведческого компонентов в образовании, поскольку немалый вклад религии в мировую культуру очевиден. Людям, не знакомым с историей религии и ее функциями, непонятны смыслы многих слов, содержание большого числа произведений искусства и литературы, поскольку многие памятники мировой культуры имеют религиозные мотивы, связаны с сюжетами и персонажами «священных книг». Религия находится у истоков многих современных институтов, традиций, норм и ценностей. В ней наличествуют общечеловеческие ценности и психологический потенциал, который поддерживает многих людей в трудных жизненных ситуациях.

В связи с этим возникают следующие вопросы: Можно ли преподавать религию в школах в светском государстве? Какова должны быть государственная политика в области образования вообще? При анализе ответов на эти вопросы необходимо учитывать две основные позиции: 1) **конфессиональную**, ее сторонники полностью и всесторонне одобряют религиозное образование во всех формах в России и поощряют проникновение его в светскую школу; 2) **светскую**, которая поддерживает осторожное отношение к активному продвижению религиозного образования в России и стремится соблюдать светские нормы, провозглашенные в Конституции РФ и других законах.

Одним из первых опытов проникновения религиозного образования в школу стала попытка внедрения в 2002 г. в школьный курс новой дисциплины «Основы православной культуры» (на которую отводилось около 600 часов!). Знакомство с программой этого предмета свидетельствует, что это отнюдь не культурологическая дисциплина, а пространный курс православного богословия, нечто вроде «Закона Божьего».

О недалёковидности и даже опасности такого решения стали говорить и некоторые служители православной церкви, и, в особенности, представители неправославных конфессий (прежде всего, мусульмане, католики, протестанты, иудеи и буддисты).

Сегодня понятие «*светская школа*» должно быть очищено от идеологизированных установок. «Светская школа» - это такое учебное заведение, которое нейтрально как к религии, так и к атеизму. Недопустимо навязывание религиозных веры, культов и символов, но также недопустимо навязывание атеистических установок и мероприятий. Учащимся светских школ и вузов должна быть гарантирована возможность свободного и осознанного мировоззренческого выбора, расширение культурного кругозора, предполагающее, между прочим, и религиоведческие знания.

Такая школа чрезвычайно необходима в нашей многонациональной и поликонфессиональной стране, в которой в настоящее время функционируют около

семидесяти религиозных конфессий. Но сегодня практическая реализация принципов светской школы наталкивается на многие проблемы.

В вопросах о сущности и взаимосвязях религиозного и светского образований в педагогической и философской литературе существуют интересные интерпретации. Как считает И.В. Метлик, в буквальном смысле положение: «не может устанавливаться в качестве... обязательной», - «означает только то, что в российской государственной системе образования не может быть обязательного для всех учащихся изучения какой-то определенной религии (скажем, православного христианства)». Тем не менее, это нельзя трактовать «как запрет на изучение в государственной школе любой религии даже по свободному выбору учащихся, а также как запрет на любое взаимодействие государства и Церкви, на участие религиозных организаций в деятельности государственных и муниципальных образовательных учреждений». Нельзя светскость понимать как «антирелигиозность», «безрелигиозность».

Во многих светских государствах в государственной системе образования есть возможность изучения той или иной религии по выбору. А проблемы отличия светского и религиозного содержания решаются с помощью нормативно-правовых средств (договоры, соглашения и т.п.), которые устанавливают формы взаимодействия и разделения функций и полномочий органов власти (на всех уровнях) и органов управления религиозных организаций. И вообще, «светским является любое образование, направленное на решение различных общесоциальных задач, организуемое и поддерживаемое обществом через органы государственной власти и местного самоуправления».[2] И с этим можно было бы согласиться, если очень корректно определить содержание основных форм изучения религии.

Изучение религии как особого типа мировоззрения личности, как особой культурной сферы и социального явления может происходить в рамках религиозного и религиозноведческого образования. В связи с этим требуется более четко обозначить содержание «религиозного образования».

По мнению того же И.В. Метлика, религиозное образование характеризуется тремя признаками: 1) организационно-правовой принадлежностью к той или иной религиозной организации (конфессии); 2) содержанием образования, т.е. что изучается; 3) мировоззренческим основанием, т.е. опорой на уклад жизни и духовно-нравственную систему той или иной религии. Вторая и третья компоненты реализуются в обществе «в организациях и учреждениях системы образования религиозных конфессий, в семье, в средствах массовой информации, учреждениях культуры, в образовательной деятельности других социальных институтов, учреждений и частных лиц, в том числе и в государственных и муниципальных образовательных учреждениях в соответствии с их образовательными программами, учебными планами, программами учебных курсов и дисциплин». Возможность присутствия элементов религиозного образования в государственных образовательных учреждениях оговаривается в Законе РФ «Об образовании», в котором прописана необходимостью учитывать в содержании образования разнообразие мировоззренческих подходов и способствовать реализации права обучающихся на свободный выбор мнений и убеждений в обучении (п. 4 ст. 14). [3]

Каждое государство вопросы, связанные с участием религиозных организаций в образовательной деятельности, решает в соответствии со своей образовательной политикой, а также религиозной и культурной историей. Страны с сильными религиозными традициями делают религиозное образование частью общей системы образования. Так, в Италии католическое обучение является частью исторического наследия. Согласно Конституции Норвегии все граждане должны воспитывать своих детей в официальной религии. В Израиле и религиозные, и нерелигиозные школы должны преподавать ценности иудейской культуры. В Англии учебные программы общеобразовательных школ должны отражать основные христианские религиозные традиции. И этот список могут продолжить Германия, Греция, Австрия, Ирландия, Португалия, Египет.

Можно выделить четыре основные модели включенности религиозной компоненты в общеобразовательные программы:

- 1) религиозное образование прямо присутствует в государственных и в частных школах;
- 2) религиозное образование в той или иной мере допускается в государственных и в частных школах;
- 3) религиозное образование разрешено только в частных школах;
- 4) религиозное образование запрещено и в государственных, и в частных школах

К сожалению, наше государство не определилось окончательно в вопросе о том, какая модель должна быть реализована.

Некоторые исследователи считают, что «особый акцент должен быть сделан на изучении той религии (если таковая существует), последователями которой на протяжении значительного периода времени является большинство жителей соответствующего субъекта РФ, области или района. Так, в тех областях, где превагирует Православие, необходимо изучать в значительной мере именно историю и культуру данного исповедания, роль которого в частности отмечена в преамбуле ФЗ «О свободе совести», в тех областях, где превагирует ислам большую часть курса посвящать изучению данного вероучения».[4] Однако многочисленные социологические опросы свидетельствуют, что подавляющее большинство опрошенных допускают введение предмета «Основы Православной культуры» только при условии, что преподавать данный предмет должны светские специалисты в области религиоведения, а не священнослужители. [5]

С чем в реальности мы имеем дело? Вот, например, в некоторых светских вузах была введена специальность «Теология», которая мыслилась как «комплекс наук, которые изучают историю вероучений и институциональных форм религиозной жизни, религиозное культурное наследие (религиозное искусство, памятники религиозной письменности, религиозное образование и научно-исследовательскую деятельность), традиционное для религии право, археологические памятники истории религий, историю и современное состояние взаимоотношений между различными религиозными учениями и религиозными организациями. Изучение теологии в системе высшего профессионального образования носит светский характер.

Предметом теологии являются накопленные в течение длительного исторического срока религиозный опыт, памятники религиозной культуры, а также интеллектуальное и духовное богатство». [6]

Сегодня как светская специальность теология существует в 30 государственных и негосударственных вузах. Существенным для светского преподавания теологии мыслилось то, что преподавание не должно быть сопряжено с обязательным исповеданием веры и совершением религиозных обрядов. И впрофиле «Христианская (православная) теология (утвержден в 2002 г.) конфессиональная направленность завуалирована. Профиль «Исламское богословие» (специальность утверждена решением Совета по исламскому образованию Совета муфтиев России от 29. 03.2005 г.) согласно конфессиональному стандарту светским уже вовсе не является, поскольку в процессе изучения отраслей научного знания, составляющих специальность «Исламское религиозное образование», предусмотрено **совершение культовых обрядов.**

Введение специальности «Теология» в программу светских вузов как раз и обозначило неадекватное понимание сущности религиозного и светского образования и недостаточную проработку взаимосвязей между ними. Причем конфессионально ориентированные авторы выступают за существенное внедрение религиозного компонента в содержание образовательных программ. «На мой взгляд, светскость должна представлять собой полную мировоззренческую нейтральность, допускающую существование и сосуществование различных мировоззренческих установок, как тех, которые будут признавать существование Бога, так и тех, которые не будут признавать. И в этом смысле в нашем обществе должно произойти переосмысление теологии, или богословия, и осознание

того, что богословие имеет реальную предметную научную сферу и поэтому имеет право на существование в общей системе научных дисциплин». [7]

Госслужащие проблему взаимодействия религиозного и светского образования пытаются решать исходя из геополитических интересов: «А у нас получается, что теология – это только сфера образования, **а науки теологии нет**... Если мы не сделаем российскую богословскую науку конкурентоспособной, мы проиграем на геокультурном поле. И не только в исламе есть богословские авторитеты – улемы, которые издают свои фетвы где-нибудь в Саудовской Аравии, а наши слушаются, потому что своих нет. Мы должны учитывать и православный контекст – громадный цивилизационный компонент». [8]

Светски настроенные авторы более сдержаны в своих оценках: «Проблему надо решать, на наш взгляд, как можно быстрее – проблему религиозного образования и религиозно-теологического образования. Нам, в провинциальных вузах, сложно развести чисто структурно эти два направления, эти две специальности... Надо выстраивать отношения с другими конфессиями, и выстраивать грамотно, на профессиональной основе. Религиоведение способно быть неким буфером между конфессиями. Совершенно очевидно, что теология не может быть таковым в силу своей конфессиональности». [9]

Хочется поддержать очень взвешенную и профессиональную позицию В.И. Шевченко, который настаивает на том, что «чрезвычайно важно отстроить две полноценные системы образования – государственное светское образование в области религии, религиоведения и государственное религиозное образование, и в первую очередь на университетском, вузовском уровне... Но нельзя эти системы соединять, смешивать». И разделение этих систем образования обусловлено различием предмета изучения в религиоведении и теологии, основанное на разведении двух фундаментальных понятий: идеи Бога в культуре и онтологической категории Бога как всемогущего Творца и управителя мира в теологии. Последняя трактовка как раз и не принимается секуляризованным сознанием. Для религиоведа, для философа, для культуролога идея Бога – это «эмпирическая очевидность», «данность», которая присутствует в культуре как Абсолют, как некая система высших абсолютных ценностей, необходимая для решения вопросов нравственности, назначения человека, личного совершенства, даже государственного устройства. «...Поиски абсолюта в светской культуре на протяжении всей истории постоянно приводят к самым разным толкованиям Бога и могут иметь вполне светский характер... Оказывается, что здесь были и скептики, и еретики, и сектанты, и атеисты, и выдающиеся ученые, писатели. А сегодня в который раз опять переписывается культура... Потребность в абсолютных ценностях в светской культуре то уменьшалась, то увеличивалась в истории человечества. Сегодня она концентрируется во многом в сфере нравственных поисков российского общества и российского человека. Здесь соприкосновение светской культуры и религии. Но это вовсе не означает необходимости признания светской культурой существования Бога как Всемогущего Творца и Управителя мира». [10]

Разработка проблемы трансцендентного, идеи Абсолюта в философии культуры ведется постоянно, в ряде работ показано сущность философского подхода к идее трансцендентного [11], значимость этой идеи в культуре [12], предпосылки формирования понятия трансцендентного в культуре [13].

Теоретическая непроработанность проблемы о соотношении религиозного и светского образования дополняется трудностями конституционно-организационного порядка. Очевидно, что любое религиозное образование для обеспечения идентичности содержания знаний о конкретной религии, соответствия их первоисточнику, полного представления всех сторон истории, культуры, образа жизни в данной религиозной традиции, предполагает непосредственное или опосредованное участие соответствующей религиозной организации в образовательной деятельности (это и прямой контроль религиозных организаций за содержанием образования в учрежденных ими школах, вузах, и конфессиональная экспертиза квалификации педагогических кадров, учебных программ, учебников, пособий в других образовательных учреждениях).

Однако в условиях многоконфессионального сообщества, при необходимости учитывать свободное волеизъявление даже одного обучающегося гражданина, практически невозможно осуществить такую форму религиозного образования в светских школах. Преимущество получит конфессия большинства, которая и воспользуется средствами бюджетов разного уровня — федерального, регионального, местного. А что до мировой практики, то немного найдется стран с таким конфессиональным многообразием, как в России. А когда такое многообразие возникает, как это происходит сегодня в Западной Европе в связи с неконтролируемыми миграционными потоками, тогда и выявляется невозможность реализации на практике красиво прописанных в теории правовых возможностей.

Вывод эксперта с учетом практической реализации взаимодействия религиозного и светского образования таков: «...Занятия по религиозному обучению все же имеет смысл организовывать в самих религиозных объединениях – в воскресных школах, катехизаторских курсах и т.п. В этом случае многие проблемы будут сняты, не будут ущемляться ничьи права, отпадет необходимость решения вопроса организации факультативов по разным религиям в рамках светской школы». [14]

Обсуждая вопрос о религиозном образовании, не надо забывать о формирующейся подлинной религиозности, которая характерна для большинства людей. Она не сводится к исповеданию веры в рамках той или иной конфессии, которые к тому же сильно обмирщились, ориентируясь на земную власть.

Подлинная религиозность признает абсолютную ценность трансцендентного идеала – Бога, который, если убрать религиозную терминологию, следует понимать как идеал, как нравственного законодателя. Стремление к нему есть осознанное или бессознательное стремление сделать из себя человека, очеловечить мир. Этот идеал в нашей душе проявляется как нравственный ориентир, а общение с Богом – это вариант поиска и принятия такого идеала, путь самопостроения человека. «В самом деле, наивно и нелепо воспринимать Бога как всемогущего повелителя и судью, рассчитывать на его непосредственное содействие в разрешении разнообразных мирских дел. Бог в таком случае предстает как своего рода волшебник из сказок, от которого ждут чудес. Когда же они не случаются, люди горько вопрошают, как это Бог допускает торжество зла и несправедливости. Но Бог – вообще не об этом. Чудеса как раз могут иногда происходить, но они другого рода. Они случаются не тогда, когда Бога пытаются молитвами вовлечь в свои дела, а когда в ходе общения с ним укрепляют свой дух, что позволяет самим решать свои проблемы. Именно такое общение способствует превращению индивида в личность. И только личность способна создавать духовную традицию, которая может ограничить господство зла в мире, а то и избыть его». [15]

А в школах и вузах наиболее эффективным, как представляется, был бы религиозоведческий подход к изучению религии без связи и взаимодействия с религиозными организациями. Тот факт, что религиозоведческое преподавание ведется в основном неверующими людьми, не означает, что оно имеет своей основной целью пропаганду атеизма или религиозного индифферентизма. Однако оно не преследуется и цели выработать у учащихся определенное отношение к религии в целом или к какой-либо конкретной конфессии.

Содержанием курса «Религиоведение» в высших учебных заведениях, курсов «История религии», «Религии мира» в общеобразовательных школах является изучение истории мировых цивилизаций, оценка истории и культуры религий с философской, социологической и исторической позиций, объяснение происхождения и особенностей религии в обществе, рассмотрение религиозных традиций в их взаимосвязи. Такое обучение может и должно регулироваться государственными стандартами общего или профессионального образования.

Литература

1. Метлик И.В. Изучение религии в системе образования //Педагогика. - 2003. - № 7 //<http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=116>.
2. Метлик И.В. Изучение религии в системе образования //Педагогика. – 2003. - № 7 //<http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=116>.
3. Куприянов Ф.А., Религиозное образование в современной России /Проблемы государственного контроля за обеспечением свободы совести в сфере образовании //http://www.kupriyanov.org/rus/sales_department/page106.html
4. Лебедев С. О взаимодействии светского и религиозного в российском образовании // Религия и право. – 2004. - № 2 //<http://www.rlinfo.ru/rip/2004/2004%20-%20202/07%20-%20lebedev.html>.
5. Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования / Специальность 020500 Теология //<http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/jm-dokumenty/n0n/index.htm>.
6. Выступление Свящ. В. Шмалия, проректора Московской Духовной Академии и Семинарии /Круглый стол "Светское и религиозное образование в современной России" 21 ноября 2005 года, Дом журналиста, г.Москва //Новая политика. Интернет-журнал //<http://www.novopol.ru/-kruglyiy-stol-svetskoe-i-religioznoe-obrazovanie-v-so-text9903.html>
7. Выступление А.В. Журавского, зам. председателя Комиссии по вопросам религиозных объединений при Правительстве Российской Федерации /Круглый стол "Светское и религиозное образование в современной России" 21 ноября 2005 года, Дом журналиста, г.Москва // Новая политика. Интернет-журнал //<http://www.novopol.ru/-kruglyiy-stol-svetskoe-i-religioznoe-obrazovanie-v-so-text9903.html>
8. Выступление Т.Г. Человенко, к. пед. н., заведующей кафедрой теологии и религиоведения Орловского государственного университета /Круглый стол "Светское и религиозное образование в современной России" 21 ноября 2005 года, Дом журналиста, г.Москва // Новая политика. Интернет-журнал //<http://www.novopol.ru/-kruglyiy-stol-svetskoe-i-religioznoe-obrazovanie-v-so-text9903.html>
9. Выступление д.ф.н., профессора, члена экспертного совета ВАК РФ В.И. Шевченко /Круглый стол "Светское и религиозное образование в современной России" 21 ноября 2005 года, Дом журналиста, г.Москва // Новая политика. Интернет-журнал //<http://www.novopol.ru/-kruglyiy-stol-svetskoe-i-religioznoe-obrazovanie-v-so-text9903.html>
10. Лаврухина И.М. Философский подход к идее трансцендентного //Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2007.- №3. - С. 67-70.
11. Лаврухина И.М. Философско-культурологическая значимость идеи трансцендентного //Гуманитарные и социально-экономические науки. - 2008. - №5. - С. 57-60.
12. Лаврухина И.М. Предпосылки формирования понятия трансцендентного в культуре //Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. - 2005. - №4. - С.3-7.
13. Боброва О.В. Студенческая молодежь о взаимодействии светского и религиозного образования // Соционавтика. Интренет-журнал социальных дискурс-исследований //<http://socionavtika.narod.ru/Staty/Sociopraxis/bobrova1.htm>
14. Киселев Г.С. Иллюзия прогресса /Вопросы философии. - 2015. - №4. - С. 24.

References

1. Metlik I.V. Izuchenie religii v sisteme obrazovanija //Pedagogika. - 2003. - № 7 //<http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=116>.
2. Metlik I.V. Izuchenie religii v sisteme obrazovanija //Pedagogika. – 2003. - № 7 //<http://www.verav.ru/common/mpublic.php?num=116>.

3. Kuprijanov F.A., Religioznoe obrazovanie v sovremennoj Rossii /Problemy gosudarstvennogo kontrolja za obespecheniem svobody sovesti v sfere obrazovanii //http://www.kuprijanov.org/rus/sales_department/page106.html
4. Lebedev S. O vzaimodejstvii svetskogo i religioznogo v rossijskom obrazovanii // Religija i pravo. – 2004. - № 2 //http://www.rinfo.ru/rip/2004/2004%20-%202/07%20-%20lebedev.html.
5. Gosudarstvennyj obrazovatel'nyj standart vysshego professional'nogo obrazovanija / Special'nost' 020500 Teologija //http://www.bestpravo.ru/rossijskoje/jm-dokumenty/n0n/index.htm.
6. Vystuplenie Svjashh. V. Shmalija, prorektora Moskovskoj Duhovnoj Akademii i Seminarii /Kruglyj stol "Svetskoe i religioznoe obrazovanie v sovremennoj Rossii" 21 nojabrja 2005 goda, Dom zhurnalista, g. Moskva //Novaja politika. Internet-zhurnal //http://www.novopol.ru/-kruglyiy-stol-svetskoe-i-religioznoe-obrazovanie-v-so-text9903.html
7. Vystuplenie A.V. Zhuravskogo, zam. predsedatelja Komissii po voprosam religioznych ob#edinenij pri Pravitel'stve Rossijskoj Federacii /Kruglyj stol "Svetskoe i religioznoe obrazovanie v sovremennoj Rossii" 21 nojabrja 2005 goda, Dom zhurnalista, g. Moskva // Novaja politika. Internet-zhurnal //http://www.novopol.ru/-kruglyiy-stol-svetskoe-i-religioznoe-obrazovanie-v-so-text9903.html
8. Vystuplenie T.G. Chelovenko, k. ped. n., zavedujushhej kafedroj teologii i religiovedenija Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta /Kruglyj stol "Svetskoe i religioznoe obrazovanie v sovremennoj Rossii" 21 nojabrja 2005 goda, Dom zhurnalista, g. Moskva // Novaja politika. Internet-zhurnal //http://www.novopol.ru/-kruglyiy-stol-svetskoe-i-religioznoe-obrazovanie-v-so-text9903.html
9. Vystuplenie d.f.n., professora, chlena jekspertnogo soveta VAK RF V.I. Shevchenko /Kruglyj stol "Svetskoe i religioznoe obrazovanie v sovremennoj Rossii" 21 nojabrja 2005 goda, Dom zhurnalista, g. Moskva // Novaja politika. Internet-zhurnal //http://www.novopol.ru/-kruglyiy-stol-svetskoe-i-religioznoe-obrazovanie-v-so-text9903.html
10. Lavruhina I.M. Filosofskij podhod k idee transcendentnogo //Gumanitarnye i social'no-jekonomicheskie nauki. – 2007.- №3. - S. 67-70.
11. Lavruhina I.M. Filosofsko-kul'turologicheskaja znachimost' idei transcendentnogo //Gumanitarnye i social'no-jekonomicheskie nauki. - 2008. - №5. - S. 57-60.
12. Lavruhina I.M. Predposylki formirovanija ponjatija transcendentnogo v kul'ture //Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij.Severo-Kavkazskij region. Serija: Obshhestvennye nauki. - 2005. - №4. - S.3-7.
13. Bobrova O.V. Studencheskaja molodezh' o vzaimodejstvii svetskogo i religioznogo obrazovanija // Socionavtika. Intrenet-zhurnal social'nyh diskurs-issledovanij //http://socionavtika.narod.ru/Staty/Sociopraxis/bobrova1.htm
14. Kiselev G.S. Illjuzija progressa /Voprosy filosofii. - 2015. - №4. - S. 24.

Лаврухина Ирина Михайловна – д.ф.н., профессор кафедры истории, философии и политологии Азово-Черноморского института – филиала ФГБОУ ВО «Донской государственный аграрный университет» в г. Зернограде.

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Поломошнова Н.А.

Статья посвящена критическому анализу некоторых особенностей современного российского образования. Автор выделяет позитивные и негативные особенности современного российского образования.

Основное внимание в статье уделено анализу наиболее острых проблем развития педагогического процесса в современных российских условиях: 1. трансформация педагогического общения в условиях глобального информационного общества; 2. административная бюрократизация педагогического процесса; 3. деградация мотивации педагогического процесса. Автор указывает истоки этих проблем: неэффективное реформаторство, административный диктат, коммерциализация и поляризация образования, разрушительный эффект болонских реформ.

Ключевые слова: *российское образование, педагогический процесс, Болонский процесс, информатизация образования, деградация образования.*

FEATURES OF MODERN RUSSIAN PEDAGOGICAL PROCESS

Polomoshnova N.A.

The article is devoted to critical analysis of some features of modern Russian education. The author identifies the positive and negative features of modern Russian education.

The main attention is paid to the analysis of the most pressing problems of the pedagogical process in modern Russian conditions: 1. transformation of pedagogical communication in the global information society; 2. administrative bureaucratization of the pedagogical process; 3. degradation of the motivation of the pedagogical process. The author points out the origins of these problems: ineffective reformism, administrative diktat, commercialization and polarization of education, the devastating effect of the Bologna reforms.

Keywords: *Russian education, pedagogical process, the Bologna process, informatization of education, degradation of education.*

Современный педагогический процесс существует и трансформируется в условиях непрерывных реформ и инноваций образования, многие из которых трудно оценить как позитивные.

В чем же особенности современного педагогического процесса? В литературе обычно преобладает позитивистский подход при ответе на этот вопрос, который сводится к описанию перечня особенностей современного педагогического процесса в российском образовании, оцениваемых как позитивные новации. «В настоящее время для образования существенно: непрерывность, вариативность, научность, включение методологии в содержание образования, технологичность, индивидуальный подход, диалогизм, гуманизация, формирование экологического сознания, рефлексивность.»[3]

Вслед за Кузнецовой подобный позитивный перечень особенностей современного образования предлагает Луковцева А.К.: «Современное образование развивается в разных направлениях и характеризуется такими свойствами, как гуманизация, гуманитаризация, дифференциация, диверсификация, стандартизация, многовариантность, многоуровневость, фундаментализация, информатизация, индивидуализация, непрерывность.» [4]

Длинный список позитивных особенностей современного российского образования представлен также в статье Душиной Е.В. и Лутошливой Е.С.: гуманизация, гуманитаризация, дифференциация, диверсификация, стандартизация, многовариантность, системность, многоуровневость, фундаментализация, информатизация, индивидуализация, непрерывность, диалогичность, поликультурность, полипарадигмальность, конкурентоспособность и т.п. [2]

В данном списке нетрудно обнаружить противоречие между описанными особенностями. Так, например, такие особенности как фундаментализация и системность находятся в явном противоречии с диверсификацией и дифференциацией. Или, гуманизация явно противоречит информатизации. Однако, Душина Е.В. и Лутошлива Е.С. именно в информатизации и технологизации образования почему-то видят чуть ли не главную положительную особенность современного российского образования: «Информационная революция и формирование информационного общества выдвинули информацию и знание на передний план социального и экономического развития. Наиважнейшей ценностью и основным капиталом современного общества становится человек, способный к поиску и освоению новых знаний и принятию нестандартных решений. Такая ориентация способствует изменению отношения ко всем видам образования со стороны общества.

Современной образовательной реальностью становятся индивидуальные образовательные программы, обучение в экстернате, дистанционные формы обучения. Развивается «экранная культура» образования человека, где производство, хранение, передача и потребление информации происходят при помощи компьютерных и Интернет технологий.» [2]

В серьезных педагогических статьях и исследованиях почему-то акцент делается на описании идеального образа современного педагогического процесса, а не на исследование кричащих проблем и негативных тенденций деградации практического педагогического процесса. Это есть теоретический идеализм, контрастирующий с реальной педагогической практикой.

Внешне убедительные перечни особенностей современного российского педагогического процесса нередко очень уж явно и резко расходятся с реальным педагогическим процессом, осуществляемым практическими педагогами в условиях недостаточного бюджетного финансирования, коммерциализации образования, административно-бюрократического «беспредела», творимого органами управления образования, деструктивных последствий Болонского процесса и ЕГЭзации образования.

Вот например любопытный и нестандартный перечень реальных особенностей современного российского педагогического процесса, которые обычно обходят своим вниманием теоретики педагогики: «Исследователи отмечают уникальное сочетание особенностей системы образования России: 1.магическая способность к выживанию, восстановлению и воспроизводству; 2.высокая устойчивость по отношению к нововведениям (консерватизм) в сочетании со стремлением к педагогическому изобретательству; 3.разнородность и терпимость в сочетании со стремлением к централизации и регламентации; 4.культ критики и самокритики; 5.превалирование «женского» начала; 6.консерватизм; 7.смешение (патологическое неразличение) гуманизации и гуманитаризации; 8.интернационализм; 9.культ роста качества и количества передаваемой учащимся информации; 10.стремление к фундаментальности передаваемых знаний; 11.стремление к одновременному упрочению связей с научными и производственными структурами; 12.неспособность к длительному поддержанию деловых связей с партнерами; 13.концентрация прав у администрации образовательного учреждения в сочетании с реальным отсутствием их у учащихся и педагогов; 14.образование - один из основных экспортных продуктов России; 15.недостаток реальных связей со сферой производства и бизнеса; 16.низкий общественный статус учителя и глобальные государственные планы о его подъеме; 17.стремление к первоочередному обеспечению (компьютерная техника, ремонт помещений) руководства учреждений; 18.отсутствие стремления руководителей учреждений

к самостоятельному повышению квалификации в области информационных технологий; 18.пацифизм; 19.патриотизм; 20.жесткая государственная регламентация, приводящая к бессилию администрации образовательного учреждения в ключевых вопросах: увольнение и прием на работу, контроль качества, оплата труда, реформа учебного процесса; 21.культ альтруизма; 22.высокая взаимозаменяемость педагогов; 23.стремление к распространению влияния во все сферы человеческой деятельности (школа - центр культуры).» [1]

Данный список, несмотря на его методологическую неточность, гораздо ближе к реальной педагогической и практике, поскольку обращает внимание на целый комплекс негативных и проблематичных особенностей современного российского образования.

Противоречивость тенденций развития современного российского образования очевидна для непредвзятого анализа. «Российская перманентная реформа образования вызывает противоречивые оценки. С одной стороны, мы видим, некоторые конструктивные новшества. Например, в области информатизации образования, формирования большей открытости образования, расширение международных контактов в сфере образования, диверсификация форм и видов образования. Однако, с другой стороны, сложился целый ряд устойчивых негативных тенденций. В их числе, прежде всего стоит указать: 1.нарастающую сверхэксплуатацию педагогического труда, 2.достигающую просто немыслимых масштабов бюрократизацию системы образования, 3.деградацию качества педагогических кадров, 4.падение уровня университетской науки, 5.социальную поляризацию образования, 6.сомнительные новации в сфере образовательных технологий, 7.коммерциализация и снижение доступности качественного образования. Список можно продолжать, но и уже сказанного достаточно, чтобы сделать неутешительный вывод: минусов у реформы образования гораздо больше, чем плюсов.

А отсюда и ее неизбежный результат, который мы имеем на сегодня: вместо модернизации образования и создания конкурентоспособной в мировом образовательном пространстве системы образования, мы имеем в итоге уже двадцати трех лет реформ очевидную деградацию и системы образования и особенно его качества.» [6,С.5]

Одной из главных причин деградации реального педагогического процесса в современном российском образовании является неудачная новация «Болонского процесса». «Среди негативных процессов и тенденций, актуализированных и интенсивно развивавшихся в период болонской ломки, можно указать: 1.образовательную дискриминацию под видом диверсификации образования, 2.социальную поляризацию и сегрегацию образования, 3. падение качества педагогических кадров, 4.деградацию материально-технической базы образования, 5.сверхэксплуатацию педагогического труда, 6.падение качества образования, 7.элитаризацию образования, 8.коммерциализацию образования, 9.социальную дезинтеграцию образования.» [6,С.165]

В рамках небольшой статьи мы не можем обсудить все проблематичные моменты, существующие в реальном педагогическом процессе в реальных российских образовательных учреждениях. Остановимся лишь на некоторых, весьма актуальных, по нашему мнению, проблемах.

Одной из этих проблем является трансформация педагогического общения в условиях глобального информационного общества. Педагогический процесс возможен, если между педагогом и обучающимся есть разность потенциалов, разность в знаниях (их объеме и упорядоченности), навыках и умениях. Если этой разности нет, то нет и педагогического процесса. Ибо чему и кто тогда сможет научить. Образование обоюдный процесс. В условиях Интернета, когда легко доступна любому человеку любая информация о чем угодно, стирается базовая разность педагогического процесса – разность знаний. Однако, она стирается не до конца.

Во-первых, знания, предоставляемые информационным пространством Интернета, хаотичны и беспорядочны. И в них сложно ориентироваться, не имея фундаментальной корректной структуры. Именно в этом в структурном системном характере знаний пока еще сохраняется преимущество педагога. Знания в информационной системе Интернета можно

сравнить с беспорядочной кучей деталей какой-то машины или механизма, а знания педагога представляют собой цельную, собранную из деталей, действующую машину или механизм.

Т.о. современный педагогический процесс меняет свои приоритеты: его главная задача состоит не в передаче определенного ограниченного или как можно более широкого объема знаний, а в структурировании знаний в сознании обучаемого в цельную концептуальную систему. Современный педагог должен выстроить в сознании обучающихся эффективную концептуальную систему, как основу для эффективного обращения с безграничными объемами информации Интернета, сформировать умение ориентироваться в этом информационном пространстве и грамотно обращаться с информацией.

Он должен научить обучаемого обрабатывать информацию, комбинировать и манипулировать ей в практических целях. Высшим уровнем образования является передача умения выстраивать концептуальные системы из хаотических наборов информации. Образно говоря, современный педагог должен научить обучаемого умению из кучи деталей создавать эффективные машины, а также обучить технике обращения с ними на практике, т.е. искусству приложения теоретических знаний к решению практических проблем. Большинство современных педагогов не просто не способны реализовать эти новые педагогические приоритеты, но часто и не осознают новой педагогической ситуации, по старинке делая упор на примитивную зубрежку ограниченного набора заученных ими самими догм.

Информатизация педагогического процесса выражается не просто в самом факте появления безграничных объемов информации в сети Интернета, и не в примитивном и часто неэффективном и не оправданном применении информационных технологий в педагогическом процессе вместо живого педагогического общения, а в том, чтобы сформировать у обучающихся культуру или мастерство, а также этику обращения с информационным пространством Интернета и СМИ (ИПИС).

Здесь особенно важно обратить внимание на опасность формализации освоения информации, когда действительно личностное освоение информации подменяется ее механическим накоплением без запоминания, осмысления и творческой переработки в сознании обучающихся. Многие обучающиеся ограничиваются бездумным скачиванием информационных ресурсов, считая, что этого вполне достаточно, не вникая в содержание и не осмысливая огромные объемы скачанной информации. Никакая информатизация не отменяет, а напротив, делает приоритетной, необычайно важной вторую сторону педагогического процесса – социализацию, воспитание личности обучаемого, которое происходит по поводу обучения искусству познания.

Роль педагога неоспорима в контексте воспитания. Ведь дело не только в передаче информации. Учитель формирует личность ученика. Особенно если речь идет о гуманитарных дисциплинах. Как бы современное образование не отмахивалось от идеологии, образовывать полноценную личность без идей и духовно-нравственных ориентиров не представляется возможным. Педагог также основную свою миссию должен видеть в умении научить думать, мыслить, чтобы представлять целостную картину мира.

Другой крайне важной проблемой современного российского педагогического процесса является переходящая все рамки здравого смысла бюрократизация деятельности педагогов. Совершенно оторванные от педагогической практики, игнорирующие мнение и интересы российской педагогической общественности, чиновники от образования присвоили себе монопольное право определять курс реформы образования. Одним из главных реальных направлений этого курса они избрали «бюрократизацию» педагогического процесса. Вместо живого педагогического общения и подготовки к занятиям педагогики школ и вузов основную часть рабочего и вне рабочего времени тратят на написание никому, кроме чиновников и проверяющих, не нужных рабочих программ дисциплин и аннотаций к ним. В некоторых школах дошли до полного абсурда, заставляя учителей сочинять на каждый урок «технологические карты», как будто они – токари-станочники, а обучаемые – металлические болванки для обработки. Что удивительно, нашлись даже энтузиасты, увлекшиеся

сомнительным замыслом сочинения технологических карт урока. «Технологическая карта — это новый (я встречала рекомендации по созданию технологических карт в работах В.Ф.Шаталова!) вид методической продукции, обеспечивающей эффективное и качественное преподавание учебных курсов и возможность достижения планируемых результатов освоения основных образовательных программ в соответствии с ФГОС ООО.

Обучение с использованием технологической карты позволяет организовать эффективный учебный процесс, обеспечить реализацию предметных, метапредметных и личностных умений (универсальных учебных действий), в соответствии с требованиями ФГОС второго поколения, существенно сократить время на подготовку учителя к уроку». [5] Если обязать учителя сочинять еще на каждый урок технологические карты, то ему просто не останется времени на проведение самих уроков.

Выходящая за все границы здравого смысла бюрократизация российского образования проявляется также в гипертрофированной контрольной функции чиновников от образования. В неустанной заботе о качестве образования, нищих педагогов обложили многочисленными плановыми и внеплановыми поверками, аттестациями и аккредитациями, лицензированием и эффективными контрактами, мониторингами эффективности и т.п. На этой почве выросла огромная армия проверяющих чиновников и целая отрасль контроля педагогического процесса, поглощающая огромные материальные ресурсы. В результате педагогических работников и образовательные учреждения чиновники буквально «замордовали» бесконечными проверками. Педагоги в основном готовятся к различным проверкам, вместо того, чтобы акцентироваться на своей основной деятельности — педагогическом процессе. Преподавателям мотают нервы и портят здоровье введенным фактически режимом работы в условиях непрерывных новаций, проверок и контролей. Что интересно, гипертрофированный контроль со стороны чиновников от образования сочетается с практически абсолютной бесконтрольностью и безответственностью самих чиновников за результаты своей деятельности.

Важной, на наш взгляд, является проблема деградации мотивации образования у учащихся и педагогической деятельности у педагогов. В условиях перманентного экономического кризиса, деградации российской экономики, коммерциализации и поляризации образования происходит фактическое разрушение интеграции образования и общества, формируется социальная невостребованность образованных людей, особенно, выпускников вузов, которым трудно найти работу по специальности. В итоге для учащихся исчезают социально позитивные мотивы учебной деятельности — творческий рост, престижная работа, материальная обеспеченность. Их место заменяют антиучебные мотивы: получить корочку, «откосить от армии», просто инерция.

Массовая безработица и невостребованность выпускников вузов, низкая зарплата молодым специалистам, отсутствие поддержки молодых специалистов и системы распределения после окончания вуза, отсутствие каких-либо социальных гарантий молодым специалистам делает для них бессмысленным само содержание образования и активную образовательную деятельность.

Педагоги также утрачивают высокие педагогические мотивы, поскольку не получают достойной оплаты своего труда и подвергаются сверхэксплуатации. В итоге происходит примитивизация и утилитаризация мотивации их деятельности. Они работают, чтобы выжить, приспособиться, просто «за корку хлеба». Престижность обучения и образования, педагогов и педагогической деятельности в глазах всех членов российского педагогического сообщества, особенно, в глазах самих педагогов и учащихся, и в глазах вообще всего российского общества оказывается «ниже плинтуса». Это ведет к реальной деструкции сущности и самого смысла педагогического процесса. Нищий и никем не уважаемый педагог — это не просто живой упрек неэффективному управлению образованием, это — обвинительный приговор будущему страны.

Мы обозначили лишь некоторые острейшие проблемы, которые ведут к реальной деградации педагогического процесса. Мы можем указать на их истоки: неэффективное

реформаторство, административный диктат, коммерциализация и поляризация образования, разрушительный эффект болонских реформ и т.д. Без устранения этих истоков нельзя говорить не только об эффективной модернизации самого реального педагогического процесса, но и о постом восстановлении нормального педагогического процесса на практике, а не в теории.

Литература

1. Две дюжины особенностей российской системы образования и Интернет. URL: <http://www.intb.ru/method/24.html>
2. Душина Е.А., Лутошлива Е.С. Тенденции и черты современного образования //Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. – 2009. - № 5. – с.78-80.
3. Кузнецова, А. Я. Педагогика. Выпуск 1 : Введение в гуманистическую педагогику : Электронный учебник / А. Я. Кузнецова. – Электронное издание № 0320301121. 25 ноября 2003 г. URL: http://ftp.ru54.com/IE_server/sites/elbook/part1.htm
4. Луковцева А.К. Психология и педагогика. Курс лекций: учебное пособие. - М.: КДУ, 2008 - 192 с. URL: <http://psyera.ru/4328/svoystva-sovremennogo-obrazovaniya>
5. Мерзлякова Н.Г. Особенности современного образовательного процесса. URL: <http://nsportal.ru/vuz/pedagogicheskie-nauki/library/2013/03/29/osobennosti-sovremennogo-obrazovatel'nogo-protssessa>
6. Поломошнов А.Ф. Проблемы модернизации российского образования : монография /А.Ф. Поломошнов, Н.Н. Колосова, П.А. Поломошнов, Э.Н. Янова, Е.Е. Пойда, Н.А. Полякова, М.А. Коломейцева, А.Б. Габибов, О.Н. Поцелуева. - под. Общ. ред. А.Ф. Поломошнова. - пос. Персиановский: Изд-во Донского ГАУ, 2014. – 176 с.

References

1. Dve dyuzhiny osobennostey rossiyskoy sistemy obrazovaniya i Internet. [Two dozen features of the Russian education system and the Internet.] URL: <http://www.intb.ru/method/24.html>
2. Dushina E.A., Lutoshliva E.S. Tendentsii i cherty sovremennogo obrazovaniya [Tendencies and features of modern education]//Mezhdunarodnyy zhurnal prikladnykh i fundamental'nykh issledovaniy. – 2009. - № 5. – s.78-80.
3. Kuznetsova, A. Ya. Pedagogika. Vypusk 1 : Vvedenie v gumanisticheskuyu pedagogiku : Elektronnyy uchebnik [Pedagogy. Issue 1: Introduction to the humanist pedagogy: Electronic textbook] / A. Ya. Kuznetsova. – Elektronnoe izdanie № 0320301121. 25 noyabrya 2003 g. URL: http://ftp.ru54.com/IE_server/sites/elbook/part1.htm
4. Lukovtseva A.K. Psikhologiya i pedagogika. Kurs lektsiy: uchebnoe posobie. [Psychology and pedagogy. Lecture Course: Tutorial] - М.: КДУ, 2008 - 192 s. URL: <http://psyera.ru/4328/svoystva-sovremennogo-obrazovaniya>
5. Merzlyakova N.G. Osobennosti sovremennogo obrazovatel'nogo protssessa. [Features of the modern educational process] URL: <http://nsportal.ru/vuz/pedagogicheskie-nauki/library/2013/03/29/osobennosti-sovremennogo-obrazovatel'nogo-protssessa>
6. Polomoshnov A.F. Problemy modernizatsii rossiyskogo obrazovaniya : monografiya [Modernization of Russian Education Problems] /A.F. Polomoshnov, N.N. Kolosova, P.A. Polomoshnov, E.N. Yanova, E.E. Poyda, N.A. Polyakova, M.A. Kolomeytseva, A.B. Gabibov, O.N. Potselueva ; pod. Obshch.red. A.F. Polomoshnova. - Persianovskiy: Donskoy GAU, 2014. – 176 s.

Поломошнова Наталья Анатольевна – учитель русского языка и литература МБОУ СОШ № 61 пос. Персиановский

УДК 141.82(470)

УМЕР ЛИ МАРКСИЗМ?**Поломошнов А.Ф.**

Донской государственный аграрный университет

Статья посвящена анализу положения марксизма в современной социально-философской мысли и оценке его исторической роли. Автор рассматривает основные элементы парадигмы марксизма и прослеживает историческую судьбу марксизма в западной и российской культуре.

Особое внимание уделяется современной критике марксизма. Автор дает обзор основных направлений этой критики и выясняет степень ее корректности. В статье устанавливается конструктивный теоретический и идеологический потенциал марксизма для развития современной социально-гуманитарной мысли.

УДК 355.4

ПОНЯТИЕ ФОРМЫ В ТРАКТАТЕ СУНЬ-ЦЗЫ «ИСКУССТВО ВОЙНЫ»**Курилкин О.А.**

Институт философии и социально-политических наук Южного федерального университета

Статья посвящена анализу концепции искусства войны Сунь-Цзы. Понятие формы рассматривается китайским стратегом как состояние армии, соответствующее условиям войны. Идеальное положение получается тогда, когда для противника у меня нет «формы», а «форма» противника мне ясна. Поскольку «форма» - это состояние армии, которое отражает сочетание всех элементов войска, то и сама форма подлежит изменению. Из этого Сунь-цзы делает вывод, что полководец, постигший это сложное сочетание, может управлять победой и поражением.

УДК 316

ИДЕНТИЧНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ**Поломошнов П.А.**

Ростовский государственный экономический университет

В статье исследуется проблема социальной идентичности личности в модернизирующемся обществе. Эта проблема осознается теоретически в условиях рассогласования действительности с нашим представлением о ней, что означает разрыв естественной монистичности, целостности и самотождественности субъекта. Автор рассматривает историю концептуализации темы социальной идентичности человека в западной и российской мысли. Особое внимание уделено характеристике современной модернизации общества. Автор выделяет два типа идентичности: идентичность негативную или внешнюю, как отделение, обособление одной общности от другой, проведение границы и позитивную идентичность или внутреннюю, как чувство соотнесения с той или иной общностью.

В ходе модернизации общества реальность этих характеристик меняется, одни устаревают и становятся «менее реальными», а на их место приходят другие. Изменяются как факторы, так и степень их влиятельности. Некоторые факторы выходят на первый план, становятся более явственными, действительными, реальными, а другие отмирают или становятся дополнительными, вспомогательными, вторичными. Изменяется само ядро идентичности. Так же меняется и внешняя негативная идентичность как потребность проведения границы. Автор прослеживает трансформации обоих выделенных аспектов.

Идентичность модерна - абстрактная, универсальная, крупногрупповая, сложноструктурированная, многомерная, диверсифицированная (неравномерная, в разных измерениях – разная), космополитичная, транснациональная, материальная по преимуществу – экономическая.

УДК. 303.1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОВЕДЕНИЯ ИНДИВИДОВ В УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА РИСКА

Швандерова А.Р., Асташева Н.П.

Ростовский филиал «РГУП»,

Московский областной технологический университет

В статье анализируются методологические принципы исследования поведения человека в контексте ролевого анализа, являющегося естественно-адаптационной реакцией человека на возникновение в обществе противоречий, о чем впервые заявили Э.Дюркгейм и Р. Мертон. Дюркгейм акцентирует внимание на переходных периодах в развитии общества, Мертон – на стадиях относительно стабильного функционирования, рассматривая девиантное поведение как продукт социальной адаптации. Применение данных параметров к известной типологии предполагает, на наш взгляд, дополнительное измерение девиации поведения и обуславливает введение новой характеристики – аберрантности.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 291.11

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ФЕНОМЕНА РЕЛИГИОЗНОСТИ

Шпалова Е.В.

Донской Государственный Аграрный Университет

В статье анализируются альтернативные концептуальные подходы к изучению феномена религии. Многообразие религиозных форм, языковые различия для выражения этих форм в разных культурах делают чрезвычайно трудной проблему поиска характерных черт, которые позволили бы относить некоторые явления к религиозным. Все это усложняет проблему определения религии. Насчитывают более 250 таких определений, и число это постоянно растет, и рассмотреть их все невозможно, однако все определения можно разделить на группы и изучить характерные черты каждой из них. Выделяются следующие основные группы определений религии: теологические, философские, психологические.

В понимании сущности религии выделяются два основных направления: религиозное и атеистическое. Внутри этих двух направлений существует множество разнообразных трактовок.

Особе внимание автором уделяется культурологическому анализу феномена религии. Религия с точки зрения культурологического подхода должна рассматриваться как социокультурный институт в контексте ее взаимодействия с другими социальными институтами и в динамике социокультурного исторического процесса.

СОЦИОЛОГИЯ И ПОЛИТОЛОГИЯ

УДК 338.432:140

ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ АГРОПРОМЫШЛЕННОЙ СФЕРЫ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

Москалюк В. М.

Луганский национальный аграрный университет

В статье исследуются вопросы научно-прогностического потенциала философии применительно к развитию агропромышленной сферы и сельскохозяйственных наук. Автор анализирует философские методы познания мира в качественно различных областях человеческой культуры, одной из которых является агропромышленное производство. В статье доказывается, что вектор развития современной агропромышленной сферы направлен на сближение ее с теоретическими науками.

УДК 316.36

РОССИЙСКАЯ СЕМЬЯ ПЕРВОГО ДЕСЯТИЛЕТИЯ XXI ВЕКА

Николаева Л.С., Логвиненко О.Л., Загорская О.В.

Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А.К. Кортунова

Донского государственного аграрного университета

В статье проанализированы методология и научные подходы исследования семьи пожилого человека. Современный период развития общества характеризуется тем, что все более приоритетное значение приобретают такие социальные явления и процессы, которые особенно четко обозначились в период трансформации российского общества.

Современный период связан с кардинальными изменениями всех сфер общественной жизни и в первую очередь с изменениями семьи, появлением новых типов семей. Семья выступает как коллектив первичной социализации, как единственный по сути своей воспитательный институт, влияние которого человек ощущает от рождения до последних дней. Именно в семье закладываются основы нравственности человека, формируются нормы поведения, в ней с наибольшей полнотой раскрываются индивидуальные качества личности, ее внутренний мир. Указанные обстоятельства и определяют, прежде всего, актуальность темы предпринятого исследования. Онтологическая всеобщность привлекает внимание исследователей именно к выявлению оснований и тенденций развития социальных парадигм, явлений развития социальных парадигм, явлений и процессов. Научная статья посвящена глубокой научной проблеме, раскрывает ее различные аспекты.

ИСТОРИЯ

УДК 392.3

ПУБЛИЧНЫЙ ХАРАКТЕР ЖИЗНИ КАК ОСОБЕННОСТЬ РОССИЙСКОЙ КЛАССИЧЕСКОЙ ПАТРИАРХАЛЬНОЙ СЕМЬИ

Циткилов П.Я.

Новочеркасский инженерно-мелиоративный институт имени А.К. Кортунова
Донского государственного аграрного университета

В статье дан анализ публичному характеру жизни российской классической патриархальной семьи как одному из проявлений её особенностей. Автор указывает, что не только государство, церковь, но и институт родства, община, сословные корпорации, органы местного общественного управления активно воздействовали на семью. При этом в статье обращено внимание на объективные процессы постепенного разложения традиционной семьи на рубеже XIX-XX веков и появление ростков новой модели семьи.

УДК 93/94

ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ РОССИЙСКИХ РЕФОРМ

Колосова Н.Н.

Донской государственный аграрный университет

В статье рассматривается социокультурный контекст понятия «реформы» применительно к российским реформам. Автор выступает против отождествления понятий «реформы» и «модернизация» по западным стандартам.

Хотя понятие «реформа» изначально было сопряжено с понятием «прогрессивное развитие», в истории имели место реформы, (к примеру, те, что проводились в нашей стране в 90-е годы XX века), которые во многом дискредитировали позитивный смысл понятия «реформа».

На материале российских реформ XVIII, XIX и XX вв. автор выделяет две модели российских реформ: радикальный и компромиссный.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УКД 37.016

«А НАУКА ТЕОЛОГИЯ ЕСТЬ?»:

О РЕЛИГИОЗНОМ И СВЕТСКОМ ОБРАЗОВАНИИ В РОССИИ

Лаврухина И.М.

Азово-Черноморский институт – «Донской государственный аграрный университет» в г. Зернограде

В статье анализируются сложные взаимоотношения религиозного и светского образования в рамках школьного и вузовского обучения в России. Обсуждаются вопросы о том, можно ли преподавать религию в школах в светском государстве, и какова должна быть образовательная политика государства в целом. Представлены две основные позиции: конфессиональная и светская, и основные модели включенности религиозной компоненты в общеобразовательные программы. Подчеркивается сложность решения этой проблемы в поликонфессиональном государстве и возникающие в связи с этим трудности конституционно-организационного порядка. Выясняется сущность духовного, религиозного и религиоведческого форм образования, а также их возможности в формировании мировоззренческих устоев человека. Оценивается перспективность и правомерность изучения теологии в системе светского высшего профессионального образования. Подчеркивается, что разделение религиозного и религиоведческого образования обусловлено различием предметов их изучения, основанного на разведении двух фундаментальных понятий: идеи Бога в культуре в религиоведении и категории Бога как всемогущего Творца и управителя мира в теологии. Дается понимание подлинной религиозности, характерной для большинства людей, и ее отличия от конфессиональности. Делается вывод о том, что в школах и вузах наиболее эффективным был бы религиоведческий подход к изучению религии без связи и взаимодействия с религиозными организациями. Религиоведение не направлено на пропаганду атеизма. Содержанием курса религиоведения должны стать оценка истории и культуры религий с философской, социологической и исторической позиций, объяснение происхождения и особенностей религии в обществе, рассмотрение религиозных традиций в их взаимосвязи. Такое обучение должно регулироваться государственными стандартами общего или профессионального образования.

УДК 338.46

ОСОБЕННОСТИ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ПРОЦЕССА

Поломошнова Н.А.

учитель русского языка и литература МБОУ СОШ № 61 пос. Персиановский

Статья посвящена критическому анализу некоторых особенностей современного российского образования. Автор выделяет позитивные и негативные особенности современного российского образования.

Основное внимание в статье уделено анализу наиболее острых проблем развития педагогического процесса в современных российских условиях: 1. трансформация педагогического общения в условиях глобального информационного общества; 2. административная бюрократизация педагогического процесса; 3. деградация мотивации

педагогического процесса. Автор указывает истоки этих проблем: неэффективное реформаторство, административный диктат, коммерциализация и поляризация образования, разрушительный эффект болонских реформ.

ABSTRACTS

PHILOSOPHY

UDC 141.82(470)

IS MARXISM DIED?

Polomoshnov A.F.

Don State Agrarian University

This article analyzes the position of Marxism in the contemporary social and philosophical thought and evaluation of its historical role. The author considers the main elements of the Marxist paradigm and traces the historical destiny of Marxism in Western and Russian culture.

Special attention is paid to contemporary criticism of Marxism. The author gives an overview of the main areas of criticism and ascertains the extent of its correctness. The article establishes a constructive theoretical and ideological potential of Marxism for the development of modern social-humanitarian thought.

UDC355.4

CONCEPT OF FORM IN THE TRACTATE SUN - TZU «THE ART OF WAR»

Kurilkin O.A.

Philosophy and Social-politics Institute of South Federal University

This article analyzes the concept of the art of war by Sun Tzu. The concept of form is considered by Chinese strategist as a state of army which meets the conditions of the war. The ideal position is obtained when I have no «form» for the enemy, but I know «form» of the enemy. Since the «form» is a state of the army, which reflects the combination of all the elements of the army, hence the form itself is subject to change. Consequently Sun Tzu concludes that the general, comprehended this complex combination, can control winning and losing.

UDC 316

IDENTITY OF MAN IN CONDITIONS OF MODERNIZATION

Polomoshnov P.A.

Rostov State Economics University

The article examines the problem of social identity of the individual in a modernizing society. This problem is recognized in theory in a mismatch of reality with our understanding of it, which means the gap of natural monistic, integrity and self-identity of the subject. The author examines the history of conceptualization of social identity of human themes in the Western and Russian thinking. Particular attention is paid to the characteristics of modern society modernization. The author distinguishes two types of identity: the negative or external identity, as the separation of one community from another, carrying out border and a positive or internal identity, as a sense of relating to one or another community.

In the course of modernization of the society the reality of these characteristics changes, some out of date and become «less real», while others come in their place. Their influence varies as factors and the extent. Several factors come to the fore and become more distinct, actual, real, while others die or become additional, ancillary, and secondary. Changes vary core of identity. External negative identity is changing as the need of the border. The author traces the transformation of both the selected aspects.

The identity of modernity is an abstract, universal, complex structured, multidimensional, diversified (non-uniform, in different dimensions - different), cosmopolitan, transnational, the material par excellence - economic.

UDC 303.1

METHODOLOGICAL PRINCIPALS OF STUDING THE BEHAVIOR OF INDIVIDUALS IN CONDITIONS OF RISK SOCIETY

Shvanderova A.R., Astasheva N.P.

Moscow Regional Technological University. Rostov subsidiary.

The paper analyzes methodological principles of studying the behavior of person in the context of role-playing analysis, which is natural and adaptive human response to the emergence in society of contradictions, what first came to E. Durkheim and R. Merton. Durkheim focuses on transitional periods in the development of society, Merton - at the stages of relatively stable functioning, treating deviant behavior as a product of social adaptation. The application of these parameters to a known typology suggests, in our view, additional measurement of deviations of behavior and leads to the introduction of a new performance – aberrantly.

CULTURAL SCIENCIES

UDC 291.11

THEORETICAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE PHENOMENON OF RELIGIOUS

Shpalova E.V.

Don State Agrarian University

The article analyzes the alternative conceptual approaches to the study of the phenomenon of religion. The variety of forms of religious, linguistic differences for these forms of expression in different cultures make it extremely difficult problem of finding the characteristics which would allow classification of certain religious phenomena. All this complicates the problem of defining religion. There are more than 250 such determinations, and the number is constantly growing, and consider them all is impossible, but all definitions can be divided into groups and to examine the characteristics of each of them. There are the following main groups of definitions of religion: the theological, philosophical, and psychological.

In the understanding of the essence of religion there are two main areas: the religious and atheistic. Within these two areas there are many different interpretations.

Particular attention is paid to the cultural analysis of the phenomenon of religion. Religion from the perspective of cultural approach should be seen as a social and cultural institution in the context of its interaction with other social institutions and socio-cultural dynamics of the historical process.

SOCIAL AND POLITICAL SCIENCIES

UDC 338.432:140

PHILOSOPHICAL UNDERSTANDING OF AGROINDUSTRIAL SPHERE IN MODERN SOCIETY

Moskaliuk V.M.

Lugansk National Agrarian University

The article examines the issues of scientific and prognostic potential of philosophy in relation to the development of the agricultural sector and agricultural sciences. The author analyzes the philosophical methods of understanding the world in qualitatively different areas of human culture, one of which is agricultural production. It is proved that the vector of development of modern agro-industrial sphere is aimed at its convergence with the theoretical sciences.

UDC 316.36

RUSSIAN FAMILY OF FIRST DECADE XXI CENTURY

Nikolayeva L.S., Logvinenko O.L., Zagorskaya O.V.

Novocherkassk Engineering Institute Melioration of Don State Agrarian University

The article analyzes the methodology and scientific approaches to study of an elderly person family. The modern period of development of society characterized by the fact that more and more priority acquire such social phenomena and processes, which become apparent especially clearly in the transformation of the Russian society.

The modern period is associated with dramatic changes in all spheres of public life, and especially with family changes, the emergence of new types of families. The family acts as the primary socialization organization as the only essentially an educational institution, the impact of which man feels from birth to the last days. It is in the family the foundations of human morality, behavioral norms are formed, it most fully reveals the individual qualities of the individual, his inner world.

HISTORY

UDC 392.3

PUBLIC NATURE OF LIFE AS A FEATURE OF RUSSIAN CLASSICAL PATRIARCHAL FAMILY

Tsitkilov P.Y.

Novocherkassk Engineering Institute Melioration of Don State Agrarian University

At the article is given the analysis of the public nature of the life of Russian classical Patriarchal family as one of the characteristic manifestations of its features. The author indicates that not only the state, the Church and the institution of kinship, community, class corporations, local and public management actively influenced the family. In the article the attention is drawn to the objective processes of gradual decomposition of the traditional family at the turn of XIX-XX centuries and the emergence of sprouts of a new model family.

UDC 93/94

HISTORICAL EXPERIENCE OF RUSSIAN REFORMS

Kolosova N.N.

Don State Agrarian University

The article discusses the social and cultural context of the concept of «reform» in relation to the Russian reforms. The author argues against the identification of the concepts of «reform» and «modernization» by Western standards.

Although the concept of «reform» was originally associated with the concept of «progressive development» in history took place reforms (for example, those that were carried out in our country in the 90-ies of XX century), which largely discredited positive meaning of the concept of «reform».

On the material of Russian reforms XVIII, XIX and XX centuries the author identifies two models of Russian reforms: radical and compromise.

PSYCHOLOGY AND PEDAGOGICS

UDC 37.016

«WHETHER THERE IS A THEOLOGY AS SCIENCE?»: ABOUT RELIGIOUS AND SECULAR EDUCATION IN RUSSIA

Lavrukhina I.M.

Azovo-Chernomorskiy Institute of Don State Agrarian University (Zernograd)

In article, difficult relationship of religious and secular education within school and high school training in Russia is analyzed. Questions of whether it is possible to teach religion at schools in the secular state and what has to be educational policy of the state in general are discussed. Two main positions: confessional and secular, and main models of an inclusiveness religious

components in general education programs are presented. Complexity of the solution of this problem in the polyconfessional state and the difficulties of a constitutional and organizational order arising in this regard is emphasized. The essence spiritual, religious and theological education forms, and also their opportunity in formation of world outlook foundations of the person is investigated. Prospects and legitimacy of studying of theology in system of secular higher education are estimated. It is emphasized that division of religious and theological education is caused by distinction of objects of their studying based on cultivation of two fundamental concepts: ideas of God in culture in religious studies and category of God as almighty Creator and manager of the world in theology. The understanding of the original religiousness characteristic of most of people, and her differences from a konfessionality is given. The conclusion that at schools and higher education institutions theological approach to studying of religion without communication and interaction with the religious organizations would be the most effective is drawn. The religious studies aren't directed to promotion of atheism. The assessment of history and culture of religions from philosophical, sociological and historical positions, an explanation of an origin and features of religion in society, consideration of religious traditions in their interrelation have to become the maintenance of a course of religious studies. Such training has to be regulated by state standards of the general or professional education.

UDC 338.46

FEATURES OF MODERN RUSSIAN PEDAGOGICAL PROCESS

Polomoshnova N.A.

Teacher of Russian and Literature, Secondary school № 61 dis. Persianovskiy

The article is devoted to critical analysis of some features of modern Russian education. The author identifies the positive and negative features of modern Russian education.

The main attention is paid to the analysis of the most pressing problems of the pedagogical process in modern Russian conditions: 1. transformation of pedagogical communication in the global information society; 2. administrative bureaucratization of the pedagogical process; 3. degradation of the motivation of the pedagogical process. The author points out the origins of these problems: ineffective reformism, administrative diktat, commercialization and polarization of education, the devastating effect of the Bologna reforms.

ВЕСТНИК
ДОНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АГРАРНОГО УНИВЕРСИТЕТА

№ 4 (18.2), 2015

Часть 2

Адрес редакции:

346493, п. Персиановский Октябрьского района Ростовской области,

ул. Кривошлыкова 1. Тел. 8(86360) 36-150

e-mail: dgau-web@mail.ru